



ЛАУРЕАТЫ
ВСЕАРМЕЙСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
КОНКУРСОВ

КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА



Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе

КНИГА ПЕРВАЯ



РОССИЯ
АРМИЯ
СУДЬБА

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

2002 - 2021 ГОДЫ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей



РОССИЯ. АРМИЯ. СУДЬБА.

КНИГА ПЕРВАЯ

Поэзия, проза, публицистика

2002–2021 годы



Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

Москва
2022

УДК 82-1, 82-3, 82-4
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р76

Составитель В.А.Силкин

Р76 Россия. Армия. Судьба. Книга первая. Поэзия, проза, публицистика. Составитель В.А. Силкин. – М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022. – 158 с. (Лауреаты всеармейских литературных конкурсов: книжная серия ЦДРА).

В первую книгу- трилогию «Россия. Армия. Судьба» вошли произведения участников всероссийских литературных конкурсов имени генералиссимуса А.В.Суворова и «Твои, Россия, сыновья!», становившихся победителями и дипломантами этих литературных форумов в течение 21 года. Сборник содержит стихи, рассказы, отрывки из повестей и романов, а также очерки, посвященные прошлому и настоящему нашей Родины, мужеству и героизму защитников Отечества, любви к армии и флоту. В основном они принадлежат перу людей, не один год прослуживших в Вооруженных Силах СССР и России, не понаслышке знающих, что такое военная жизнь. Многие писатели прошли «горячие» точки и стали летописцами событий, произошедших в нашей стране и за ее пределами.

ЦДРА не несет ответственности за мнения авторов.

12+

© Коллектив авторов, 2022
© А.В. Кабин – обложка, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Мазуренко, Музыка героизма.....	4
Левон Арзанов, Бой в небе над Пятигорском.....	8
Владислав Артемов, Слово о Маршале Жукове.....	12
Юрий Беличенко, Любовь моя, не покидай меня!.....	22
Владимир Березко, Оружие, вино и приключения.....	34
Михаил Борисов, Мой лейтенант.....	45
Виктор Верстаков, От боя до боя.....	53
Александр Вырвич, Противостояние.....	60
Валерий Ганичев, Птенцы гнезда Екатерины.....	68
Анатолий Горохов, Василек.....	80
Владимир Гуд, Земля у нас одна.....	88
Ильяс Дауди, Мы все вернемся.....	98
Андрей Дубовой, Кресты Калатака.....	113
Александр Дьяконов, Я тоже уходил в поход.....	130
Сергей Ермаков, Ушел последний эшелон.....	138
Владимир Забудько, Так зарождалась мечта.....	143
Евгений Захарченко, Объятыя раскрыл океан.....	150

МУЗЫКА ГЕРОИЗМА

Предисловие

На литературной карте России сегодня не найти места, где бы не проводились свои конкурсы, фестивали, не вручались премии тем, кто воспеваешь поэтическим, прозаическим и публицистическим трудом Отечество, малую родину, все самое светлое, что есть в нашей стране. И это без учета того, что существуют всероссийские праздники, где отмечают лучшие литературные образцы, запечатленные в книгах, журналах, альманахах, всевозможных антологиях. Все это не может не вызывать гордость за тех, кто взялся за перо, прославляет, в силу своих возможностей, родную природу, рабочих людей, тех, кто трудится на нашей прекрасной земле, берет за подражание судьбу своих отцов и дедов. А это, в первую очередь, говорит о том, что мы не только самая читающая, но и самая пишущая страна. Век электроники дает нашим современникам возможность читать все необходимое в мобильных телефонах. И писать тоже.

Не отстает от этой исторической традиции и наша военно-художественная студия писателей. 21 год она организует и проводит Всероссийский литературный конкурс имени генералиссимуса А.В.Суворова, 15 годовщину отметил Всероссийский литературный конкурс «Твои, Россия, сыновья!». Огромное количество военнослужащих, офицеров запаса и в отставке, гражданского персонала Вооруженных Сил России, членов семей военнослужащих, лиц, напрямую не связанных с армией, приняли в них участие.

Мы рады, что бюсты полководца Суворова, медаль его имени, ценные подарки за участие в конкурсе в его честь, хранятся ныне в больших и малых городах и поселках, в отдаленных гарнизонах, а их обладатели именуют себя суворовцами. Вместе с ними празднуют победу и те, кто представлял работы авторов на конкурс-военные комиссариаты, дома офицеров, книжные издательства и редакции журналов, общественные организации...

Второй конкурс задумывался для тех, кто только взялся за перо. Их работы приходили самотеком, но авторы были, действительно, верными сыновьями России. Одев военную форму, получив в свои руки грозное оружие, в редкие минуты отдыха солдаты и сержанты запечатлевали мгновения службы, солдатского братства и полной самоотдачи при выполнении боевых задач. Мы увидели объемную географию участников, которая с каждым годом расширяется. И сегодня наша литературная империя заключает в себе многочисленные воинские части и корабли, отдельные батальоны и роты всех военных округов.

С этого года и победители Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» будут награждаться почетным знаком ЦДРА «За труды в военной литературе».

Большую помощь в популяризации имен военнослужащих оказывают литературные объединения. Военно-художественная студия писателей проделала огромную работу по возрождению и созданию этих клубных формирований. Буквально в конце прошлого года мы подвели итоги упомянутых всероссийских литературных конкурсов. Победителями и дипломантами стал ряд авторов литературного объединения Дома офицеров Западного военного округа. Так как прибыть на церемонию награждения в Москву они не смогли, было решено передать всю атрибутику для их чествования в Санкт-Петербург. Ряд из них был поощрен командующим войсками ЗВО Грамотой, а всех остальных наградили в торжественной обстановке переданными нами подарками и наградами. От этого события поведала и окружная газета «На страже Родины». Это стало новой формой работы Студии в условиях пандемии.

И вот сегодня, в рамках издательской деятельности ЦДРА, который готовится отметить своё 95-летие, мы представляем книгу-трилогию, вобравшую в себя стихи, прозу и публицистику участников Великой Отечественной войны, воинов интернационалистов, на груди которых сияют звезды Героев, ордена за личное мужество. Читатель найдет здесь

прозу бывшего председателя Союза писателей России Валерия Николаевича Ганичева, стихи Героя Советского Союза Михаила Федоровича Борисова, прозу Героя России Ильяса Дильшатовича Дауди, орденоносцев Николая Николаевича Прокудина, Александра Леонидовича Вырвича, Андрея Андреевича Дубового и других. Своими произведениями делятся генерал-лейтенант Рафаэль Миргалиевич Тимошев, контр-адмирал Александр Геннадьевич, Дьяконов, полковники в отставке Виктор Глебович Верстаков, Александр Борисович Кердан, Александр Владимирович Махнев, Борис Борисович Солдатенко...

Им есть что рассказать молодым.

Герой Советского Союза **Михаил Борисов** стал солдатом в 17 лет. 11 июля, уже 19 летним сержантом, был под Прохоровкой. В этот день одна из батарей его дивизиона встретила с 19-ю вражескими «тиграми». Завязался бой. Когда замолчало последнее орудие, комсорг дивизиона Борисов бросился к нему и продолжил сражение. Этот бой длился 8-10 минут. Сержант Борисов уничтожил семь вражеских чудовищ.

После госпиталя он увидел в «Огоньке» шарж и прочитал в нем такие стихотворные строки: «Смотрите, радуйтесь, дивитесь! Картина сделана с натуры. Пред вами комсомольский витязь в семи тигровых шкурах». Михаил Борисов стал личным врагом Гитлера.

Но захватчиков он бил и дальше. Дошел до Берлина, в каких только передрягах не был. Хрестоматийным стало его стихотворение «Психическая атака»:

*Они идут за рядом ряд,
Как три лавины,
За ними Ворошиловград,
Пол-Украины.*

*И тянет явно коньяком
От их походки...
А мы скупым сухим пайком
Заткнули глотки.*

*Припали к снегу, затаясь,
Мороз по коже:
Идет коричневая мразь...*

Сколько мегабайтов информации спрессовано в этих строчках! Сытая, обученная армия! Первоклассная техника! Вот какого врага били Борисов и его товарищи.

Взять творчество полковника в отставке **Виктора Верстакова**. Вряд ли найдется в военной среде человек, не слышавший его афганских песен, не читавший его пронзительных строк о нашем походе за Гиндукуш. В свое время Виктор Глебович возглавлял Военно-художественную студию писателей Министерства обороны, работал в военном отделе «Правды». Стремительные командировки офицера «за речку» позволили ему собрать в памяти, а затем перелить в афористичные строки многие факты той войны. Его неповторимые «Нюрка», «На перевале», «Горит звезда над городом Кабулом» и многие другие стали настоящими образцами военной песни, вошли в десятки поэтических и песенных антологий. Они уже становятся народными, поскольку «висят» на многих сайтах воинов-интернационалистов, в различных социальных сетях, порою без указаний авторства.

*Нам не спуститься с перевала,
Который взяли мы вчера.
(На перевале)*

*В королевских конюшнях
Места нет для коня.
(В королевских конюшнях)*

*А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.
(От боя до боя недолго...)*

*Идет по Кабулу девятая рота
И нет никого у нее за спиной.
(Девятая рота)*

А его стихи и песни о Севастополе? Разве кто-то еще с такой болью написал о трагедии черноморского города!

*Останься со мной, Севастополь,
Иначе я тоже уйду.*

В декабре прошлого года этому замечательному поэту и барду исполнилось 70 лет. Приказом начальника ЦДРА он награжден почетным знаком «За труды в военной культуре».

Нельзя не отметить творческие достижения генерал-лейтенанта **Рафаэля Тимошева**. На его счету не один роман, не один десяток стихотворений, в том числе исторического плана. Наверное, после работы о М.Ю.Лермонтове, которой посвятил себя еще один автор нашей книги полковник Юрий Беличенко, поэма «Лермонтов» войдет в поэтический венок о трагически ушедшем из жизни поручике Лермонтове:

*Их развели. Мартынов хмуро
Глядит с презреньем на врага:
Полу-повернута фигура,
Дрожит предательски нога...
А тот стоит невозмутимо –
Едва усмешка уловима –
И ждет спокойно, как солдат,
Когда друзья неотвратимо
Их пистолеты зарядят.
Как будто был он убежден –
Ни друг не выстрелит, ни он...*

Теплые слова хочется сказать о бывшем сотруднике военно-художественной студии писателей, а ныне главном редакторе столичного журнала «Москва» **Владиславе Артемове**. Однажды из командировки на Северный флот он привез песни, посвященные нашим подводным лодкам. Это и «Барс», и «Тигр», и «Леопард», и более десятка других названий. Опубликованные в одной из литературных газет, они были удостоены первой премии за год. А в качестве подарка Владислав Владимирович получил автомобиль. И теперь он предстает перед читателем с поэмой о Маршале Жукове, которая, кстати, вошла в сборник, посвященный полководцу, выпущенный в прошлом году нашей Студией писателей. Так вот, Артемов нашел такие изобразительные средства, такие слова, которые характеризуют

Георгия Константиновича, как величайшего полководца своего времени, показывают трагедию народа и величие его Победы. И проник в атмосферу того времени, тех страшных потерь, которые несла страна:

*Похоронки летят и кричат,
Будто стаи ворон на погосте.
И осины, как нервы дрожат,
И березы белеют, как кости.*

В существующем восьмой год в ЦДРА литературном объединении имени Героя Советского Союза писателя Владимира Васильевича Карпова объединились младшие, старшие и высшие офицеры, в том числе прошедшие через горнила «горячих» точек. Один из них генерал-майор **Александр Вырвич**, поэт, прозаик, пародист. Удостоенный высоких государственных наград России и других государств, Александр Леонидович выполнял боевые, учебные и миротворческие задачи в Чехословакии, Приднестровье, Чечне, Абхазии, Южной Осетии, США и Казахстане. Его роман-трилогия «Есть такая профессия» выдвигался на Государственную премию Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К.Жукова.

Надеемся, что книга-трилогия «Россия. Армия. Судьба» привлечет внимание своих читателей, станет ориентиром для тех, кто сегодня разрабатывает военно-патриотическую тему, серьезным подарком нашему Дому к его юбилею.

В.И. Мазуренко,
*начальник федерального государственного
бюджетного учреждения культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии
имени М.В.Фрунзе Министерства обороны
Российской Федерации, заслуженный работник
культуры Российской Федерации, ветеран боевых
действий, полковник запаса*



Полковник запаса Левон Сумбатович Арзанов.

Родился 28 июня 1973 года в городе Пушкино Московской области в семье потомственного военнослужащего. В 1990 году поступил в Алма-атинское ВОКУ, в 1992 году в связи с распадом СССР перевелся в Россию, где в 1996 году окончил факультет журналистики Военного университета МО РФ. По распределению был направлен корреспондентом в газету 27 мсд «Боевое Знамя». Затем был переведен в Москву в газету МВО «Красный воин», в которой прослужил до 2010 года в должности начальника отдела культуры. С 2010 по 2017 годы проходил службу в должности старшего научного сотрудника группы мониторинга информационных потребностей Социологического НИЦ ВС РФ. В период с 2017 по 2019 годы проходил службу в Главном военно-политическом управлении ВС РФ. Участник боевых действий в Чечне и Сирии, миротворческих миссий в Абхазии и

Приднестровье, так же непосредственно принимал участие в операциях по принуждению Грузии к миру в 2008 году и возвращении Крыма в 2014 г. После увольнения из армии работает продюсером военно-информационной программы «Часовой» выходящей на Первом канале телерадиокомпании Останкино.

Дипломант Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

БОЙ В НЕБЕ НАД ПЯТИГОРСКОМ



Рассказывая мне эту историю, бабушка не могла сдержать слез.

Вчера мы всей семьей отмечали светлый праздник Великой Победы нашего народа в Великой Отечественной Войне. Как и множество других семей на всем постсоветском пространстве, мы собрались за столом и поднимали тосты за Победу, за Мир и, конечно же, третий тост за не вернувшихся с той суровой войны.

Я рассказывал своим дочерям о вкладе в Победу нашей семьи. Все их четыре деда воевали. Мои дедушки — офицеры Красной армии.

Арзанов Левон Сумбатович служил на Забайкальском фронте в инженерных войсках. Он — участник войны с Японией. Второй мой дед — Гусельников Виктор Андреевич был войсковым разведчиком, неоднократно ходил за линию фронта, лично брал "языков", награжден двумя боевыми орденами. Один дедушка моей жены Марины — Парфенов Борис Матвеевич служил в органах контрразведки «СМЕРШ». На его счету не одно задержание шпионов и диверсантов, работавших в нашем тылу. Ее второй дедушка — Джаиани Отари Михайлович был морским пехотинцем Черноморского флота, участником морских десантов в Новороссийске и на Малой земле.



Все наши дедушки, слава Богу, вернулись с войны. И на свет появились наши родители. Из поколения в поколение в нашей семье передаются рассказы о войне, рассказанные нашими дедами нашим отцам и матерям. Теперь мы рассказываем их своим детям, праправнукам Победы.

И вчерашний день не стал исключением. Сидя за праздничным столом, мы вспоминали рассказы про подвиги наших дедов. Младшая дочь Милана, которой сейчас 12 лет, спросила меня: «Что делали наши бабушки во время войны, воевали ли они?». Так уж посчастливилось всем нашим бабушкам, что они не участвовали в войне в силу своего возраста на тот момент.

Однако моей бабушке по маме — Нине Петровне, которой на начало войны было 11 лет, все же удалось увидеть и ощутить, что такое война. Она жила в Пятигорске, помнила, как наши войска держали оборону города, и как одним ранним утром в город въехали немцы на

мотоциклах. Они остановились на их улице возле колодца и стали умываться, весело обливая друг друга водой и хохоча. Детишки робко подошли к ним и стали смотреть со стороны, так как боялись, ведь родители говорили, что немцы придут и всех убьют. Но так устроен ребенок, он не верит во зло и в то, что человек, который весело смеется, может его убить.



Они подошли к немцам ближе, и те стали брызгать на них водой, призывая к игре. Наши сорванцы не растерялись и стали, тоже набирая из ведра воду в ладошки, обливать немцев. Один из немцев потянул мою бабушку за соломенную шляпку, висевшую на ленте у нее за спиной. Она развернулась и ударила его по руке. Немец не рассердился, а что-то сказал остальным. Все немцы дружно засмеялись. Потом он достал из ранца шоколадку и протянул моей

бабушке. Она не взяла ее, а быстро побежала домой, крича своей маме с порога: «Мама, мама, немцы никого не убивают!».

Затем была оккупация, и немцы показали свое истинное лицо. После освобождения за городом в известняковых карьерах найдут сотни тел замученных ими советских людей. Бабушка в детстве рассказывала мне много историй, но одна из них особенно запала мне в душу. Именно ее вчера я рассказал своим дочерям, а сегодня решил поведать и вам. Мне кажется, она заслуживает внимания.

...Был жаркий осенний день. В оккупированном немцами Пятигорске на центральном рынке было по воскресному многолюдно. Разваленная немцами советская система снабжения населения продовольствием и другими товарами, была замещена капиталистической рыночной моделью. Вся коммерческая и общественная жизнь в городе сместилась на рыночную площадь. Тут можно было купить все... и узнать последние новости. На рынке было много и немцев, которые, пользуясь случаем, скупали за бесценок у обнищавшего населения антиквариат и продукты.

Моя бабушка, которой было тогда 12 лет, со своей мамой пошла на рынок за едой. Они протискивались между рядами, пока не остановились перед тумбой с объявлениями. Два полица — мужчина и женщина, одетые в черную форму с белыми повязками на рукаве, при помощи валика приклеивали на тумбу очередной приказ немецкого командования. Рядом с ними для порядка стоял немецкий патруль из трех человек (с блестящими горжетами полевой жандармерии на груди).

Вдруг в ясном синем небе над рынком появился самолет с красными звездами. Сначала толпа заохала, а потом все громче стали слышаться крики: «Наши! Смотрите! Наши!» Весь рынок устремил глаза к небу, в котором четко вырисовывались силуэты двух немецких истребителей, идущих на перехват нашего "ястребка". И тут прямо над рыночной площадью наш летчик, сделав мертвую петлю, длинной очередью из своих пулеметов сбил немецкий самолет. Тот, густо задымив, ушел в сторону гор. Что тут началось! Все люди на площади сотнями глоток закричали: «Ура!» И было им все равно, что в толпе полно немецких солдат, которые тоже с интересом наблюдают этот воздушный бой. В этот момент они опять на короткий промежуток стали свободными советскими людьми, чья армия бьет врага на их глазах. Это была всеобщая гордость и всенародная радость. Все громче было слышно: «Ура!». Люди ликовали и обнимали друг друга. Моя бабушка, с вызовом улыбаясь, посмотрела на немцев и полицаев, те стояли молча.



Наш летчик, дав круг над городом, гнался теперь за вторым немцем. Послышались выкрики людей: «Даешь! Бей гада!».

Вдруг по толпе прошел тревожный гул в воздухе появилась еще одна пара немецких истребителей. Подоспевшие "стервятники" противника дали по нашему "ястребку" залп. В воздухе раздался взрыв. Наш самолет охватило пламя и, разваливаясь на части, он горящим чёрным факелом устремился к земле. Летчик выпрыгнуть не успел, по-видимому, он погиб еще в воздухе.

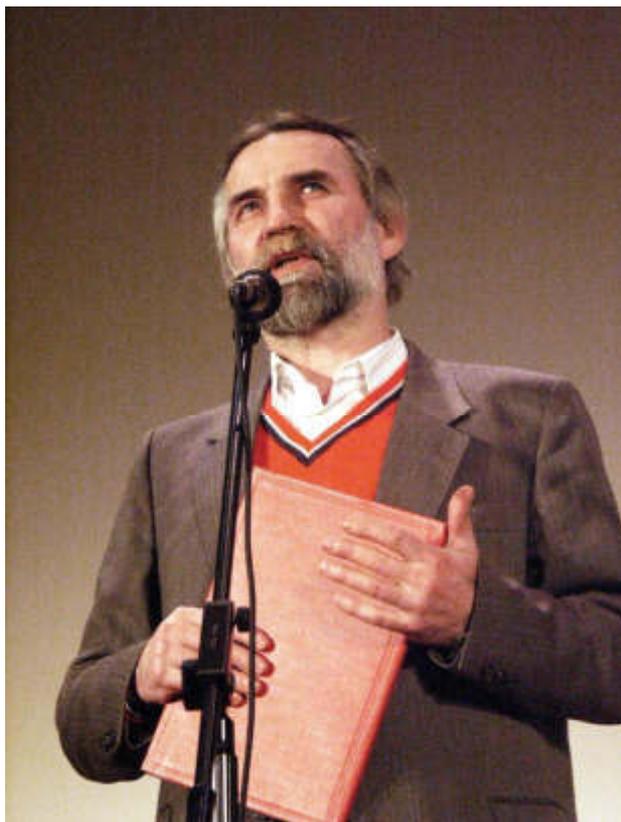
Даже по прошествии 50 лет, рассказывая мне эту историю, бабушка не могла сдержать слез. Люди, минуту назад кричавшие "ура" и обнимавшие друг друга, вдруг натурально завалили тысячной толпой. Заголосили, как на похоронах, женщины, заплакали дети. Для всех этот погибший летчик был как сын, муж, отец, ушедший на фронт. Люди просто стояли и плакали. Это было всенародное горе, великая скорбь. Боль потери самолёта с красными звездами, этой частички свободной и воюющей с врагом Родины, объединила всех наших людей на рыночной площади в своей ненависти к врагу. А немцы, стоящие тут поняли, что в этом, как им казалось, покоренном городе, они никогда не станут хозяевами потому, что народ люто их ненавидит.



Но в семье не без урода, как гласит старая пословица. Нашлись и в нашем народе предатели. Бабушка рассказала, что, когда наш самолет падал, она увидела, как женщина-полицай, желая, наверное, угодить своим новым хозяевам, начала громко хлопать ладоши и кричать «Ура!». Ее крик предательской радости был одинок в этом море людской скорби. Но ожидаемого ею эффекта

не последовало: старший немецкого патруля — здоровый рыжий фельдфебель со всего размаха отвесил ей по заднице пинок кованым сапогом.

...Наши вошли в Пятигорск тоже утром. Немцы ночью просто убежали. У того же самого колодца остановилась полуторка. Из нее вышли усталые бойцы в ушанках и телогрейках. К ним тут же подбежала детвора. Один старый усатый солдат, с медалью на выцветшей гимнастерке, достал из вещмешка белый холщовый узелок, развязал его и протянул на ладони ребятишкам четыре крупных куска сахара. Моя бабушка, которой уже исполнилось 13 лет, взяла один кусочек и сказала: «Спасибо!».



Капитан в отставке Владислав Владимирович Артемов.

Родился 17 мая 1954 года в селе Лысуха Березинского района Минской области. Окончил Литературный институт имени А.М.Горького в 1981 году. Выпустил три книги стихов «Светлый всадник», «Странник», «Избранная лирика». Автор романов «Обнаженная натура, или Пожар в коммуналке», «Император Бубенцов, или Хромой змей».

Главный редактор журнала «Москва». Член Союза писателей СССР.

Живет в Москве.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2004 года.

СЛОВО О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ

«Струны мои —
Сами славу ему
Рокотаху...»

I.

То не гром прогремел в вышине,
То не сдвинулись тучи седые,
То Георгий на белом коне
Объезжает пределы России.

Что за ветер в ночи поднялся,
Небо в сполохах, сны беспокойны —
Это злыми зрачками кося,
Рыщут по миру хищные войны.

Под Калугою воеет пурга,
Под Архангельском бесится вьюга.
Отодвинешь на север врага,
Глядь, другой подбирается с юга.

А уж как ты, земля, дорога!
Да раскинулась больно широко —
Опрокинешь на запад врага,
Глядь, другой подползает с востока.

II.

Может, нету у света конца,
Может, нынче конец приключится —
Из того ли рябого яйца
Бесноватая лютая птица
Выводила кривого птенца.

И железные перья на нем,
Обрастали тяжелым огнем.

Там, где буря от крыл прошумит —
Крыши сорваны, роща горит.

А куда упадет его взгляд —
Камни плаваются, реки кипят.

III.

Маршал ухо к земле приложил,
Все-то понял и в Центр доложил:

«Чую вражеских сил продвиженье,
Войску выдать оружие пора.
Полагаю, начнется сраженье
В воскресенье, в четыре утра».

Рассудили, прикинули — врет!
Паникеры... известный народ...

Нет страны веселей и чудесней,
И так вольно нам дышится в ней,
Оттого и звенят наши песни
От тайги до британских морей.

Если враг не дурак — не поперет.
Так что тихо. Ни шагу вперед!

А беды-то не видно, не слышно,
Затаилась до срока, хитра.
Как загадывал он, так и вышло —
В воскресенье. В четыре утра.

Смерть как туча пошла напролом.
Пол-земли у нее под крылом.

IV.

Застывает волна на песке,
Закипает кровавая пена,
Враг шагает по Бугу-реке.
Буг-река врагу — по колено.

Маршал скачет во весь опор,
Вылетает в широкое поле,
Видит — ворогу полный простор,
Видит — ворогу вольная воля.

Он глядит из-под правой руки,
Он зовет на подмогу полки,
Но ни звука, ни вдоха в ответ,
Ни подмоги, ни помощи — нет.

Он глядит из-под левой руки,
Он зовет на подмогу полки...
Подошли бы полки, помогли!
Только все как один полегли.

V.

Маршал даль озирает с холма,
Только даль не видна за дымами,
Дотлевает двory и дома,
Догорают сады за домами...

Только черные трубы торчат,
Только черные птицы кричат,
Только черная мгла, и во мгле —
Тонет родина в адском котле.

Разве душу удержишь в горсти,
Мати, мати, о чем ты рыдаешь?
«Сыне родный, спаси-защити!
На кого же ты нас покидаешь?!..»

«Сыне родный, спаси-помоги!» —
Это воют дороги, как вдовы,
И цепляются за сапоги,
Липнут глиной сырой, стопудовой...

Мечь и ненависть в сердце твоём.
Мать-земля, ты уже — за холмом!

VI.

То не ангел в трубу вострубил,
То, срываясь на брань и проклятья,
Крикнул маршал сквозь пепел и дым:
«Подымайтесь, сестры и братья!»

«Мы на месяц всего-то уйдем!..» —
Муж прощался с детьми и женою,
Отзывался молчанием дом,
Нехорошей звенел тишиною.

«Мы на месяц, а не насовсем!..» —
Сыновья матерей покидали,
И срывались иконы со стен.
Двери в отчих домах возрыдали.

Поседела от пепла земля,
Побелели поля от полыни,
Полыхает над лесом заря,
Будто небо с краев подпалили.

Эта память, лечи не лечи,
Будет после являться в кошмарах —
Завываньем сирены в ночи
И разрывами в черных пожарах.

Тяжкой поступью, мерной, стальной
Ломит враг через рвы и воронки.
Черный ветер свистит над страной
И несет на восток — похоронки...

VII.

То не грозы сошлись в небесах,
Колыхнулись озера и реки, —
Это маршал привстал в стремянах,
Поднял маршал тяжелые веки.

Он на карту глядит с высоты,
Ищет, в чем же оплошка и промах, —
Прогибаются, гнутся фронты
В страшных брешах, разрывах, проломах...

Хочет маршал Смоленск удержать,
Но за Вязьмой смыкаются клещи!..
Хочет рану на карте зажать, —
Кровь меж пальцев струится и хлещет!

Это подлая правда войны,
Так что маршала не попрекайте
Тем, что слишком густы и красны
Наши встречные стрелки на карте.

VIII.

Маршал Жуков к порогу шагнул,
Подогнулись под ним половицы,
Он дубовую дверь распахнул
Богатырской своей рукавицей.

Кто рассеет смертельную тьму,
Нет ни веры кругом, ни надежды...

И — Егорий явился ему
В осиянных багровых одеждах.

Непонятный, таинственный гул
Прокатился как гром по округе —
Это маршал колени согнул,
Поднял маршал тяжелые руки.

«Брат Георгий! Спаси-помоги!
Сила валит и ломит стеною,
И по правую руку — враги,
И по левую руку — враги,
И притихла Москва за спиною...»

IX.

Обручилась кручина с тоской,
И бедой поделиться не с кем.
«Встань из праха, Дмитрий Донской!
Пробудись, Александр Невский!...»

Из-за огненной той реки —
Видит Бог, что время не рвется! —
Будто грозы идут полки,
Пыль земная не ворохнется.

Вот идут они день-деньской,
При знаменах, в славе и блеске,
Впереди у них Дмитрий Донской,
Рядом с ним Александр Невский.

То-то гордость идет, краса! —
Ни следа на траве росистой,
Лишь разносятся их голоса
По широкой земле российской.

Светлый всадник встает над землей, —
То Георгий, таинственный витязь:
«Эй, откликнитесь, кто живой!..
Кто подмоги просил? Отзовитесь!...»

X.

Отпусти мою душу, печаль,
Отпусти мое сердце, кручина,
Отзывается дальняя даль
Еле слышно, едва различимо.

Мне привиделся русский солдат
С образком материнским на шее,
Что в окопы спускался, как в ад,
Зарывался по горло в траншеи.

Там от края до края земли
Рудой кровушкой ночь напилалась,
Наши все как один полегли,
Никого-то в живых не осталось.

Но отчаянных смерть не берет,
Но погибших не ломит кручина,
И вставал-подымался народ,
Отрастал из земли, как щетина.

Знает небо, и помнит земля,
Только что они скажут об этом...
Но высокие стены Кремля
Утро красило розовым светом!

XI.

Что за крик среди нищих полей?
Что за вой на пустых пепелищах? —
Это матери ищут детей,
И никак на земле не отыщут.

— Маршал, маршал, а где мой сынок,
Мой сынок Василек? Ты не помнишь?..

«Знаю, матушка, где твой сынок,
Как такого героя не вспомнить!
Ты прости меня, мать... Не сберег...
Опоздала к нему моя помощь.

Был твой сын — из героев герой,
Самый первый смельчак и красавец,
Жалко только, его той порой
Не успел я к награде представить.

Не боялся твой сын ничего.
И погиб он в бою по-геройски.
Но скажу я тебе про него —
Самый лучший он был в моем войске!

Как же мне не запомнить его,
Дорогого сынка твоего!..»

XII.

Похоронки летят и кричат,
Будто стаи ворон на погосте.
И осины, как нервы дрожат,
И березы белеют, как кости.

— Маршал, маршал, а где он лежит?
Ты запомнил? Приметил то место?

«Знаю, матушка, где он лежит,
Я запомнил, приметил то место.

Он лежит где-то там, где — убит.
А убит твой сыночек — под Брестом...
Под Калугой убит...
Под Ельцом...
И под Киевом...
И под Смоленском...
Он убит подо Ржевом...
Орлом...
Под Рязанью...
Под Курском...
Под — Энском.

Но не жить бы нам, мати, с тобой,
Если б он не погиб — под Москвой.

На широких российских ветрах
Плачет гром над могилою сына,
И туман проплывает в ногах,
И горит в изголовье рябина.

Как не ведать мне места того,
Где могила сынка твоего!...»

XIII.

Смерть заломит и вывернет локти,
Скрутит так, чтоб подняться не смог.
Не послушал ты мать, не берегся,
В придорожное жито улегся,
Василечек ты мой, Василек...

Что лежишь ты ничком, победитель?
Не ответишь ты мне ничего,
Прикрывал тебя Ангел-хранитель,
Только пуля прошла сквозь него.

Он замешкался, твой белокрылый,
Смерть прошла, обернувшись свинцом,
И горячую кровь отворила,
Отомкнула, и — дело с концом...

Зря кукушка твоя куковала,
Всей-то жизни — весна до войны...
Отчего же душа ликовала,
Озираясь на мир с крутизны?

Над дорогой кружась, над смоленской,
Расшвырвав облака, как бинты,
Красоте ты дивился вселенской,
В первый раз ты, простак деревенский,
Видел землю с такой высоты!

Ты ушел, а в миру опустелом,
На юру, на бугре обгорелом
Продолжалась по-прежнему жизнь —
Над твоим изувеченным телом
Две вороны, рыдая, дрались...

XIV.

«Никогда моя рота не встанет,
Кто же выручит вас и спасет,
Если темная сила нагрянет,
Если Родина-мать позовет?..»

Был твой Ангел и ласков, и светел,
И на все тебе Ангел ответил:
«Не смущайся, солдат, не робей,
Смерть случилась?.. А я не заметил...
Да и ты позабудешь о ней!
Все, что свято — вовек невредимо,
Здесь ни крови, ни горя, ни дыма...»

Но не сходит забота с лица:
«Отпусти меня, Ангел!.. Родимый...
Я поклялся — стоять до конца!»

«Не тревожься, солдат, будь спокоен,
Отправляйся ты смело в запас,
Весь народ перечтен и построен,
Сам Георгий, испытанный воин,
И вся горная сила — за вас!»

XV.

Этот плач разодрал твою душу, —
Без косынки, по пояс в снегу,
Об ушедших тоскует Катюша
На высоком крутом берегу.

Но отставить про чувства и нервы!..
Свои нервы ты выжег дотла,
Посылая на гибель резервы,
Чтобы вытащить Русь из котла.

Все черно, безнадежно и туго!..
Но, обнявшись, пошли на врага —

Ледяная калужская вьюга
И архангельская пурга.

И в дымах, будто в лентах, красуясь,
Взвыли ветры, отборная часть:
«Ты нас гнал, ты платил, не торгуясь,
Не считаюсь и не мелочась!..»

И метели, взметаясь и воя,
Затевают свою круговерть:
«Ты нас бросил в прорыв под Москвою,
Ты послал нас на верную смерть!»

«Ничего мы тебе не забыли! —
Ощетинившись, свищут снега, —
Ты пригнал нас сюда из Сибири,
Ты швырнул нас под танки врага!»

И морозы гремят ледяные:
«Ты нашел нас в глухой стороне,
Ты построил нас в роты штрафные,
Ты спалил нас в великом огне!»

XVI.

Наши марши ревели, как танки,
Наши песни дышали огнем,
Уходя под «Прощанье славянки»,
Каждый думал, что это — о нем.

Этот век нам выклевывал очи,
Нашу память калечил, как мог.
Но не вылинял — синий платочек,
Не погас в темноте — огонек!..

Поднимается русская слава
И клянется: «Ни шагу назад!» —
Из минувшего — полк Святослава,
Из грядущего — псковский десант.

Я сквозь слезы гляжу на державу, —
Царство муки, терпенья, любви,
Где народ получает по праву
И венцы, и награды свои.

Где пройдя через боль и страданья,
Видят люди добра торжество,
Получая награды и званья...
Но уже — не от мира сего.

XVII.

Ваши души на майских бульварах
Просияли, как в райских садах,
Не разрывами в черных пожарах,
А деревьями в белых цветах.

Маршал едет с великой Победой,
Едет с армией он на восход,
То не пыль встает на полнеба —
Слава воинская идет!

И проведав о том заранее,
У границ их встречает народ.
И такое у них обнимание!
И такой у них пир идет!

И, ей-богу, без всяких шуток,
Хочешь верь, а хочешь не верь,
Пировали двенадцать суток,
На тринадцатые — курьер!

Еле маршала разыскали.
Привезли во дворец. Тишина...
Самолично товарищ Сталин
Нацедил ему чашу вина.

Принял маршал тяжелую чашу,
И не дрогнула даже рука.
— Пью,— сказал он,— за Родину нашу!..
И была эта чаша горька.

XVIII.

Вешний гром прошумел в вышине,
Раздвигаются тучи седые,
Маршал Жуков на белом коне
Озирает пределы России.

То не птица кричит над водой,
То не горе столкнулось с бедой,
Слово вещее — что оно значит?..

Светлый всадник встает над землей,
Очи грозные в облаке прячет.



Юрий Николаевич Беличенко.

Родился 28 апреля 1939 года на Кубани (станция Крымская Краснодарского края). Отец – летчик, воевал на штурмовиках ИЛ-2; вернулся с войны без единой царапины... Мать - ученый - плодород, сотрудница Мичурина. (В 1941 году германцы едва не расстреляли ее вместе с маленьким сыном — выручили партизаны).

Окончив Харьковский политех, Юрий Беличенко стал военным: «Сперва — ракетчиком, потом газетчиком: от танковой «дивизионки» до «Красной звезды»»...

Выпускник Донецкого высшего военно-политического училища, позже окончивший и Литинститут (заочно), полковник Юрий Николаевич Беличенко - автор многих книг стихотворений и документального повествования «Лета Лермонтова» (М., 2001.). Жил в Москве.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2002 г.

ЛЮБОВЬ МОЯ, НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ!

Опять у них Россия виновата,
Что все темна, ленива и пошла.
А потому и брат восстал на брата,
И не туда история пошла.
Решения с подсказанным ответом
Нам не новы. Но это все слова.
Судить - суди. Но не забудь при этом:
Она была - и тем уже права.
Искажены, а где и стерты лица.
Резон не тот. И логика не та.
Но так от крови склеились страницы,
Что не разнять, не разорвав листа.

В суете, суматохе и дыме,
За работой своей дотемна,
Мы б, наверное, стали другими,
Не вспаши наше детство война.
Откровенно признаемся в этом:
Наши судьбы в масштабах страны
Освещались естественным светом,
Отраженным от молний войны.
Ни вины, ни обиды здесь нету,
Ни к чему привставать на носки.
Под горячим светилом Победы

Наше поле давало ростки.
Мы спешили, спешили, спешили,
Но в душе понимали одно:
Совершить, что они совершили,
Нам, наверно, не будет дано.
Отрешимся от праведной блажи,
Воздавая почет старикам, -
Ведь История наши поклажи
Не фасует по равным тюкам.
Мы за спинами их постарели.
Но, наверное, логика есть,
Что о тех, кто в огне не горели,
Нам заботиться
выпала
честь.

По выходным, когда его просили,
Хоть старым был и за день уставал,
Колхозный кучер, Ващенко Василий,
Военные иконы рисовал.
Еще казались вдовы молодыми,
Еще следили за дорогой мы.
Еще витала в сумеречном дыме
Печаль вещей, покинутых людьми.
А дед Василий - памятники строил.
Он выпивал, но дело разумел.
Он как художник, - ничего не стоил,
Но ключик от бессмертия - имел.
По имени погибшего солдата
Он брал сюжет. И посреди листа
Изображал Николу с автоматом
И рядом с ним с гранатой - Христа.
Мы шли к нему. Нам странно это было.
Но вот стоишь - и глаз не отвести,
Увидев меч в деснице Гавриила
И орден Славы на его груди...

В соловьиную ночь на Бориса и Глеба
кочевала заря по окраинам неба.
Отдыхая, тяжелые руки легчали.
И не ведало солнце беды и печали.
И костер веселился, по сучьям летая,
как летает по юности жизнь молодая.
И о счастье заботиться было нелепо
в соловьиную ночь на Бориса и Глеба.

А вокруг по садам соловьи распевали,
словно вечные клятвы друг другу давали,
уверяли, что смерти для любящих нету.
И хотелось поверить в нелепицу эту.

Ах Россия, Россия, крестьянское поле!
Все ты воли хотела – но где твоя воля? –
На пространствах твоих, как печальная треба,
повторяются судьбы Бориса и Глеба.

А вокруг по садам соловьи не смолкали;
то певучие клювы в заре полоскали,
то в летучие флейты искусно дышали,
так печально и сладко – как жизнь провожали.

Но хотелось, чтоб жизнь никогда не кончалась,
и над нею – дубовая ветка качалась,
и, дожди насылая на теплое лето,
в деревянной кадлушке плескались планеты.
Чтобы наши надежды и наши страданья
трепетали всю ночь в соловьиной гортани.
Чтобы, зябкое тело мое согревая,
истлевала, как сердце, зола костровая...

А когда я уеду из этого дома
на сосновый бугор в молодую урему,
принеси мне вина и можайского хлеба
в соловьиную ночь на Бориса и Глеба.
На поре молодой, на заре соловьиной
помолчим, как бывало в той жизни недлинной.
Посиди, коль не страшно, со мной до рассвета.
Может, смерти и вправду для любящих нету...

Я помню первый год от сотворенья мира.
Царапинами пуль помечена стена.
«Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...» –
учительница нам читает у окна.

Нам трудно постигать абстрактную науку.
И непривычен хлеб. И непонятен мир.
И Витька, мой сосед, приподнимает руку
и задает вопрос: «А что такое сыр?»

То было так давно, что сказка современной,
сквозь годы протекло, растаяло в судьбе.
Но бабушка и внук однажды в день осенний
вошли за мной в трамвай, бегущий по Москве.

Бульварами идти им показалось сыро.
Ребеночек шалил. И бабушка, шутя:

«Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...» —
прочла, чтобы развлечь игривое дитя.

Я опустил глаза, и память, будто внове,
пересекла крылом родительский порог...
А мальчик, перебив ее на полуслове,
потребовал: «Скажи, а что такое Бог?»

Когда тревога вставит ногу в стремя,
и, убывая, загорится время,
и мы пойдем, сминая зеленыя,
за танками, надев противогазы,
на жизнь и смерть по голосу приказа, —
любовь моя, не покидай меня!

Когда в горах или пустыне дальней
придет последний час исповедальный
на линии прицельного огня,
то, этот час доверив нашей чести,
не одного — с товарищами вместе, —
любовь моя, не покидай меня!

Когда в кругу веселого застолья,
где и стихи, и речи льются вольно
и, нас полунамеками маня,
горят глаза и светят чьи-то лица, —
дай руку мне, дай сердцу не разбиться,
любовь моя, не покидай меня!

И даже там, где только тьма немая,
а женщина, другого обнимая
и об ушедшем память не храня,
посмотрит ввысь; когда с небесной кручи
скользит на землю метеор падучий, —
любовь моя, не покидай меня!

САМАРКАНД

Озарив меня загаром,
затмевающим зарю,
«Приезжай, — сказал Сатдаров, —
пять столетий подарю».

И однажды из столицы
я приехал налегке.
Вяли травы. Пели птицы
на узбекском языке.

Светом огненно-кирпичным
солнце застило пути.

И казалось неприличным,
что в Москве идут дожди.

Я смотрел на минареты,
вроде даже не дышал —
и Сатдаров, видя это,
чемоданчик мой держал...

А потом по стертým плитам
мы спустились во дворы
к мавзолеям знаменитым,
затмевающим ковры.

Где Корана изречения,
руды памяти храня,
толковали назначенье
жизни, глины и огня.

Где глазури, как метели,
разлетаясь по стене,
что-то вымолвить хотели,
предназначенное мне.

Что работа — выше власти
и нарядней, чем парча,
но без боли и без страсти
не зачать и кирпича.

Что каким бы щедрым чаем
ни поила пиала —
но без неба и печали
не родятся купола.

Словно было вспомнить надо —
то ли имя, то ли лад —
позабытое когда-то,
лет пятьсот тому назад.

Чтоб волненью, целованью
и гаданью по руке
я придумывал названья
на узбекском языке.

Чтоб спросил я у столетий,
что в колючках и пыли:
как нас звали? Чьи мы дети?
И откуда мы пришли?

...Лебеда роняла семя.
Небо головы пекло.
И текло куда-то время —
словно в сторону текло...

ПО ШЕКСНЕ

Пароход от причала отстал.
А под утро, в четыре часа,
мокрый месяц купаться устал
и нырнул за ночные леса.

И опять колосились дожди
на коричнево-серой волне.
И высокий туман позади,
словно невод, побрел по Шексне.

На корме захмелевший завхоз
лимонад разливал на троих.
И учитель из города вез
две авоськи нечитанных книг.

Он на темные воды смотрел
и о жизни своей рассказал,
словно гласными — в дудочку пел,
а согласными — бревна тесал.

И хотелось мне в жизни его,
удивленье и робость тая,
может, встретить себя самого —
оттого что она не моя.

И о прожитых днях не грустить.
И любимых, как птиц, отпускать.
И тяжелые бревна грузить.
И веселые книги таскать.

И смотреть, как плывет на ветрах
неоконченный берег вдали
с валунами на низких буграх,
с деревеньками цвета земли.

Как буксиры и реки сквозят,
как деревья и камни растут
из времен, что под нами лежат,
к временам, что над нами пройдут...

Сыну Дмитрию

Кузнец сказал: «Дожди в горах, —
видать, вода прибует в реках...»
А я читал про древних греков
и жил в предгорных хуторах.

Полян непаханых волна

то чабрецом, то морем пахла.
И был похожим на Геракла
кузнец, пока не пил вина.

Я был в том возрасте, когда
в любом предмете и явленье
таится повод к размышленью
и ждет ответа и суда.

Когда, как шорохи из тьмы,
вопросы вспугивают душу.
И я спросил его: «Послушай,
коваль, а кто такие мы?»

Откуда ум приходит к нам?
Что он: железо или молот?»
Старик молчал. А я был молод.
И в горне сорный уголь гас.

Уже по склону тяжело
стучали грузные копыта —
оттуда, где была Колхида,
звучали тронки, стадо шло.

Старик сказал: «Дожди в горах.
Поля размочит у соседей.
Не время такой беседе.
Работы много — спать пора...»

И я подумал: «Как он сдал!
Как много в нем житейской прозы!
И воздух чист — какие грозы?»
А грозы — шли за перевал...

Нам досталась такая страна,
что к душе прирастает, как кожа,
где кругами идут времена,
а иконы — на близких похожи.

Где от шутки не сразу смешно,
и не всякая слава сгодится.
Где достаток иметь не грешно,
а богатства — привыкли стыдиться.

И какой-то родительский свет
насыщает деревья и травы.
Но в пророках Отечества нет,
а спасатели вечно неправы.

Выйдешь ночью — большая луна
за леса свои зарева прячет.
У вокзала гулянка хмельна
под советскую музыку плачет.

Задевая за кроны деревьев,
ходят звезды по вечному кругу.
И какой-то печальный припев
добавляется к каждому звуку.

И глядишь, как с осенних дубрав
прилетает листва золотая.
И стоишь, как последний дурак,
непонятные слезы глотая...

В июне мир припоминал отца.
Стояла сушь по всей степи великой,
орех чернел, как туча, у крыльца,
и молодостью пахла земляника.

Не утомляя темного крыла,
степная птица в воздухе парила.
Она меня утешить не могла —
но про него с ветрами говорила.

Я вслушивался в этот разговор.
В неравновесье сумрака и света
мне чудилось, что заполняют двор
знакомые отцовские приметы.

Листвою оперялся черенок.
Шуршали и покашливали тени.
Непоеный крыжовник, как щенок,
приятельски покусывал колени.

Поскрипывали грабли в борозде.
Играл сверчок, одной струны касаясь.
И поверяли яблони звезде
грядущих яблок маленькую завязь.
Он рядом был. Природа берегла
все, чем его когда-то одарила.
Она меня утешить не могла,
но за него со мною говорила.

О правде жить. О смертном рубеже
под гулками весенними громами.
О юности, которой нет уже.
О подвигах. О доблестях... О маме.

Дожди крупяного помола.
Распахнутый двери проем.
Станичный райком комсомола.
Четвертые сутки – прием.

-

В Москве – похоронные марши.
В депо паровозы гудут.
И матери скорбные наши
на траурный митинг идут.

-

В халатах из крашеной бязи,
надвинув платки до бровей,
по нашей породистой грязи
чистейших кубанских кровей.

И, кажется, тучи и горы,
и ставшая тихой река
идут к пьедесталу, который
так скоро обрушит кирка...

Прошло паровозов гуденье.
Под шинами щебень лежит.
Но то, что приходит с рожденья,
ревизии не подлежит.

Еда наша дымом горчила.
Была нам вода солона.
Нас добрыми быть научила,
пройдя через детство, война.

А то – началась наша юность.
И мы позабыть не вольны,
как больно в груди шевельнулось
огромное сердце страны.

Как дождь крупяного помола
латает оконный проем.
Как страстный райком комсомола
ведет перекрестный прием.
И круто нисходит с портрета,
и круто идет по сердцам
железная логика эта,
ломавшая жизни отцам.

Потом нам билеты вручают.
И, словно бы глядя в прицел, –
суровы. Не трогаем чая.
И сахар райкомовский – цел...

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Оле

Возраст и март. Голубое мерцанье небес.
Маковый цвет, наполняющий ветви березы.
При расставании с милой невольные слезы.
И, как сорока, во тьму ускользящий лес.
Ах, как банально, мне скажут, твое ремесло!
Сколько у прежних про это написано было?
Это – во мне, а у тех, кого было, – прошло.
Было похожее – год или много назад.
Но лишь текущее наново нами творимо.
Разве рябые поляны в лесу повторимы?
Разве вон те облака повернутся назад?
Возраст, и март, и берез розоватая даль.
В слово «прощенье» все больше приходит прощанья.
Даже в снегу или звонких синиц совещанье –
краткость минуты, в которой пролита печаль.
Липы с утра стали старые ветки ломать,
вместе с сосульками выпустив искорки света.
Разве я так бы сегодня почувствовал это,
если бы знал, что жива моя старая мать?!
А на полянах, гудящие ульи маня,
через неделю всю разгуляется верба.
Разве о том же расскажет тебе наша верба
в марте, в котором впервые не будет меня?!
И на банальные чувства не надо грешить.
Не существует банальных ни слов, ни предметов.
И по-другому наступит грядущее лето.
Но не для всех. А для тех, кто останется жить...

Накаркали снегу вороны.
Простуда в любом сквозняке.
И листьев в обтрепанных кронах
как денег в моем кошельке.

Пустыми идут электрички,
верша свой назначенный круг.
И смотришь скорей по привычке
на все, что творится вокруг.

Как банки, артели, картели
сшибаются в смертном бою.
Ведут телесъемки в борделе.
Убийцы дают интервью.

Как стынут на уличных водах
мазутная сажа и вонь,

Только бы выстоять, только бы духом не пасть,
не разрешая себе ни навета, ни лести.
Шут с ней, другая – но только бы честная власть:
стерпится-слюбится, если женилка на месте.

Печка пошла. Продолжается день не спеша.
Падает снег, проходящему дню не мешая.
Слышится стон – приближается чья-то душа –
или – в полях электричка проходит к Можаяю...



Владимир Эдуардович Березко.

Родился в 1964 году в г. Костроме. Прозаик, журналист. В 1985 году окончил Костромское высшее военное командное училище химической защиты, в 1995 году- факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1997 году- Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Мировая экономика».

1985–1991 гг. – служба на различных должностях в Вооруженных Силах СССР.

1991-1993 гг. – корреспондент газеты «Красный воин» Московского военного округа. 1993-2000 гг. – старший литературный сотрудник газеты «Красная звезда». 2000-2002 гг. – старший референт пресс-службы Министерства обороны РФ. С 2002 г. по февраль 2011 г. – редактор информационных программ телеканала «Россия».

В 2003 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Конституционно-правовые взгляды Б.Н. Чичерина».

Владеет английским языком. Воинское звание – полковник запаса Член Союза журналистов Москвы. Член

Союза писателей России. За работу в «горячих точках» награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (с мечами). Работает в жанре детективной прозы.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2012 года.

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА «ОРУЖИЕ, ВИНО И ПРИКЛЮЧЕНИЯ»

...- Нет, «на краю света» - это не в Арктике. Там слишком холодно. Я предлагаю тебе совершенно другую часть земного шара. Южно-Африканскую республику. Итак, где мы можем с тобой встретиться? И когда?

- Я предлагаю встретиться в одном хорошем пивном ресторане, - недолго думая, произнес Марк. - Благо, в нем нет очередей, как на благословенной советской земле...

- Ты знаешь, Марк, я думаю точно также. Советская земля, российская земля – всегда была и будет благословенным местом. А очереди за пивом – это совершенно частная проблема, которую просто не хотят надлежащим образом решать местные руководители.

Марк опять улыбнулся: - Слушай, Юрик, когда я с тобой говорю, то каждый раз умнею! Помнится, как-то раз в «Цветочном» ты цитировал Маркса и Ленина...

Симановский в трубке рассмеялся: - Должен тебе сообщить, дорогой Марк, что изучение «Капитала» мне очень пригодилось, когда я начинал собственный бизнес в Германии. Маркс гениально раскрыл сущность капитализма, рыночных отношений. Более фундаментальной работы найти невозможно. Даже у ведущих западных экономистов. Даже у Хайека...

Марк решил прервать эти рассуждения: - Так, когда мы встретимся? Место я уже назвал.

Симановский на другом конце провода тоже не стал задерживаться с ответом: - Давай прямо сегодня, где-нибудь через час...

- Согласен, - ответил Марк.

Спустя час Квитко смог увидеть своего московского товарища. Симановский обладал весьма хорошим ростом, что делало его похожим на баскетболиста. «Но, - с внутренней

улыбкой думал Марк, - скорее он бы предпочел быть владельцем баскетбольной команды, а не игроком, пусть даже и выдающимся».

Они сидели в зале пивного ресторана, носившего почти советское название – «Погребок Ганса». Конечно, Ганса в СССР никогда бы не допустили в название, но «Погребков» там было вполне достаточно и своих...

Официантка в нарядном переднике получила заказ и быстро ушла. Марк снова посмотрел на Симановского. Он выглядел весьма представительно. Солидно. Белоснежная сорочка, синий, в белую полосу галстук, отлично сшитый, классический немецкий пиджак – синий, неярко расчерченный в крупную клетку. Брюки строгого черного цвета. И сияющие, прекрасно начищенные, очень дорогие туфли.

Официантка принесла пиво и сосиски. Симановский взял большую кружку, в которой приятно золотился отлично сваренный напиток и сделал большой глоток.

Марк тоже отхлебнул пиво и принялся за сосиску. Аккуратно, стараясь не брызнуть, отрезал маленький кусочек и положил его в рот. Вслух оценил продукт: - Отличная кухня! Так что за дело?

Симановский поставил пивную кружку на стол и тоже попробовал сосиску: - Так, вот...

Следующие полчаса Квитко слушал Юрия Симановского так, как слушают преданные ученики своего гуру. Симановский рассказывал удивительные вещи. И, как отметил Марк про себя, весьма перспективные в смысле бизнеса. В словах старого приятеля имелся вполне конкретный смысл. И этот смысл вполне мог превратиться в «отчеканенную свободу» - деньги...

Самолет плавно, неторопливо снижался, а в момент, когда колеса коснулись бетона взлетно-посадочной полосы, он словно испуганно присел, но потом мягко, без рывков выпрямился и покатился по бетонному покрытию взлетно-посадочной полосы, постепенно сбрасывая скорость и утыкаясь закругленным носом в прозрачный, наполненный жарой воздух, повисший над аэродромом. Через несколько минут лайнер остановился полностью. Юрий Симановский повернулся к Марку и сказал: - Ну что, господин Квитко? Вот мы и в ЮАР. Нас ждут большие дела!

Марк и Юрий встали со своих кресел и спустились по трапу на бетон аэродрома. Прямо возле самолета их ожидал сверкающий «Мерседес» последней модели. Симановский вполголоса произнес, наклонившись к Марку: - Нас встречают. Это вице-президент компании, с которой у нас назначены переговоры.

Квитко изобразил на лице лучезарную улыбку и сделал шаг навстречу представителю господину: - Здравствуйте!

Вице-президент тоже широко улыбнулся.

- Здравствуйте, господа! Прошу вас садиться в машину. Мне поручено проводить вас в резиденцию президента нашей корпорации.

Солнце в Южно-Африканской республике встретило гостей из Германии типично африканским теплом. Его горячие лучи проникали даже сквозь одежду. Но Марк отметил для себя, что местный климат, тем не менее, ощущается для него вполне комфортно. Но, может быть, это только первое впечатление? Которое, как известно, вполне может быть обманчивым...

Вторым впечатлением для него стало обилие чернокожего населения на улицах. Квитко с интересом смотрел в окно и непроизвольно отметил, что все африканцы идут исключительно по одной стороне улицы. Марк взглянул на своего спутника – Юрий Симановский уже начал дремать на уютном сидении «Мерседеса». Немногочисленные белые шли, в свою очередь, по другой стороне улицы. Он улыбнулся, но ничего не сказал.

Автомобиль ровно урчал и быстро, почти неосознано двигался по практически идеальной трассе – без единой выбоины или неровности. Марк подумал, что дороги в Южно-Африканской республике напоминают дороги в Западной Германии. И очень контрастируют с дорогами в России...

Примерно через час «Мерседеса» скрипнул тормозами перед воротами огромного особняка. Марк с восхищением смотрел на ограду диковинной архитектуры. Длинной широкой лентой она вилась вокруг поместья. Сделанные из металла ворота с причудливыми завитушками открылись неожиданно легко, словно были сделаны из какого-то неведомого, необычайно легкого материала. Автомобиль плавно тронулся и вскоре остановился у восходящих к огромным стеклянным дверям ступеней. Дверцу открыл наряженный в причудливый костюм с золотым шитьем человек. Квитко и Симановский вышли из автомобиля и осмотрелись. Марк отметил, что особняк, в котором жил президент компании, потрясает роскошью. Он поймал себя на мысли, что больше всего этому уникальному строению или поместью подходит определение «замок» - настолько величественно и роскошно он выглядел. «Интересно, а как там внутри?» - подумал Марк.

- Прошу вас, господа! – вице-президент пригласил гостей из Германии пройти внутрь. И пока они шли по коридорам Марк в полной мере смог оценить великолепие и роскошь замка. Отделанные причудливой лепниной потолки, золотые ручки дверей. Ковер под ногами был настолько мягким, что, казалось, полностью поглощал шаги. Люстры под потолком тоже производили грандиозное впечатление. Они чем-то напоминали люстру в дубовом зале Центрального дома литераторов. Марк однажды там был вместе с Антоном Воронцовым на приеме, который устраивал друг его отца. Тогда он услышал от метрдотеля ресторана занимательную историю о том, что эту люстру якобы подарил Союзу писателей СССР сам Иосиф Виссарионович...

Квитко внезапно подумал: «Я имею миллион. А почему бы мне не иметь теперь вот такой же дворец? Или мне это не по силам?».

Его мысли прервал вице-президент, указав на сделанную из хорошего дерева дверь: - Сюда, господа! Это зал приемов!

В зале приемов был накрыт большой стол. У дверей стоял президент корпорации и, когда Марк и Юрий вошли, он сделал шаг навстречу и протянул руку Симановскому: - Здравствуй, Юрий. Как твои дела?

Симановский тоже радушно улыбался: - Отлично, Андреас! А как твои успехи?

Андреас Руш, так звали президента одной из крупнейших корпораций Южно-Африканской республики, улыбнулся и ответил: - Знаешь, Юрий, мои успехи, я в этом совершенно убежден, неотделимы от успехов моей корпорации, которая, как ты знаешь не совсем моя – в ней значительная доля государственного участия...

Симановский понимающе и даже где-то сочувствующе улыбнулся: - Понимаю, Андреас, в Южно-Африканской республике пришли к мысли о необходимости совмещения государственного и частного интереса.

- Дело не только в этом! Государство своим участием помогает нам решать очень многие проблемы, возникающие в рыночной экономике. Но, довольно теории, лучше представь мне своего друга!

Симановский указал на Марка и торжественным, даже немного пафосным тоном произнес: - Андреас, позволь представить тебе моего друга и отличного бизнесмена Марка Квитко.

Марк сделал шаг вперед и ответил на рукопожатие президента корпорации: - Здравствуйте, мне тоже очень приятно с вами познакомиться.

Андреас Руш осматривал гостя с неподдельным интересом: - И мне тоже. Юрий много рассказывал о вас...

Марк улыбнулся: - Я надеюсь, он рассказывал хорошее?!

- Конечно, только хорошее. Иначе бы мы с вами и не встретились. А сейчас, господа,

предлагаю продолжить разговор за столом...

Марк и Юрий расположились в уютных креслах, и услужливые официанты немедленно приступили к своим обязанностям. Замысловато оформленные блюда напоминали бесконечный калейдоскоп – они менялись, но не заканчивались. Андреас продолжал разговор: - Я так понимаю, господа, что вы приехали ко мне не только повидаться или познакомиться? Готов выслушать все ваши предложения.

Марк посмотрел на Симановского. Тот промокнул губы салфеткой и, кашлянув, словно до этого он поперхнулся косточкой, произнес: - Видишь ли, Андреас, Марк готов выступить инвестором и присоединиться к моей компании, которая уже действует в ЮАР. Или открыть собственную.

Руш взял рюмку с ликером и, сделав небольшой глоток, проговорил: - Хорошо. А что вы собираетесь обсудить со мной?

- Как ты знаешь, - продолжил Юрий, - мы также занимаемся строительством жилых коттеджей. И именно этот вопрос мы бы хотели обсудить. Строительство коттеджей для сотрудников твоей корпорации. Это, насколько я помню, работники золотых и урановых шахт.

Андреас отрезал специальным ножом для фруктов кусочек ананаса и отправил его в рот. Медленно прожевав, он поинтересовался: - А на каких условиях им будут предоставляться коттеджи? Я так думаю, не бесплатно?

Симановский усмехнулся: - Ты правильно думаешь. Рабочие, инженеры будут брать кредит в банке и покупать эти коттеджи. И всем, что называется, будет очень хорошо. Мы продаем жилье, работники шахт улучшают свои жилищные условия, а банки получают прибыль. Особенно, если учесть, что кредит сотрудники шахт будут брать именно в тех банках, которые контролирует твоя корпорация...

Андреас улыбнулся: - А у тебя хорошая информация о моей компании.

Симановский тоже отрезал небольшой кусочек ананаса и теперь сосредоточенно его жевал: - А что делать, Андреас? Как говорится, «под лежащий камень вода не течет»!

- Хорошая поговорка, - ответил Андреас.

Руш продолжал размышлять. Взяв стакан с апельсиновым соком, он сделал небольшой глоток и со знанием произнес: - На первый взгляд, это очень интересное предложение. Но мне необходимо подумать. Как ты понимаешь, это решение требует весьма серьезной проработки. И я хочу его принимать только тогда, когда буду владеть всей информацией по проекту. Кстати, где вы намерены остановиться? В какой гостинице?

- Мы планировали сразу поехать Кейптаун, - ответил Симановский. И добавил: - Хочу показать Марку один из самых красивых городов Южной Африки.

До вылета оставалось еще много времени, и Андреас распорядился отвезти гостей в лучшую гостиницу Йоханнесбурга.

Через пару часов после приема друзья оказались в пятизвездочном отеле. Марк держал в руке большой стакан с виски и говорил, а Симановский его слушал: - Ты меня на встрече с Рушем представил потенциальным инвестором...

- А что тебе не нравится, Марк? По-моему, это хорошо!

Симановский подошел к мини-бару и достал бутылку виски. Он налил немного в свой стакан и сделал небольшой глоток. Марк, тем временем, продолжал высказывать собственные мысли по поводу состоявшейся встречи: - Пока что Южная Африка мне совсем не нравится. Очень много чернокожего населения, которое не отличается трудолюбием и прочими добродетелями. И апартеид – система угнетения черных, при которой они не только не развиваются, но еще больше деградируют.

- Подожди, Марк! Что ты этим хочешь сказать?

- Я даже не представляю, как можно жить в этой стране! Как можно в ней жить и работать?!

Симановский усмехнулся и произнес: - Знаешь, Марк, практически те же самые слова

я говорил пару лет назад Андреасу, с которым меня тоже познакомили друзья. Так вот, чтобы лучше узнать Африку, ее нужно увидеть с другой стороны.

Квитко заинтересованно посмотрел на друга. В стакане с виски медленно, почти незаметно, оплывали, теряли форму крошечные квадратные айсберги: - Да, да, Марк! Не смотри на меня так! Во всей Южной Африке ты пока видел только Йоханнесбург и то из окна «Мерседеса». Об остальном, я позволю себе заметить, ты судишь исключительно по газетным и журнальным публикациям в западной и советской прессе. Там только и пишут про апартеид. И ты про него вспомнил!

- Обожди, - начал Марк. – Я хочу сказать...

- Нет, это ты обожди, - перебил его Симановский. – Прежде чем ты примешь окончательное решение, я хочу, чтобы ты его принимал осознанно!

- Да я тоже этого хочу!

- Так вот прежде чем ты примешь решение, я хочу тебе показать всю прелесть Африки! Главное, чтобы ты ее увидел!

Марк посмотрел на Симановского с неподдельным удивлением. Он отметил про себя, что всегда считал Юрия человеком исключительно практического склада, а сейчас вдруг увидел, что в его душе живут некие поэтические струны. И эти струны так необычно изменили тональность их разговора...

- Хорошо, Юрик, показывай свою Африку...

Издали белая лента водопада казалась сотканной из нежнейшей материи, по краям которой шипела бахрома брызг и ручейков. Лента разрезала надвое нежно-зеленый склон горы и казалась мазком огромной кисти неизвестного художника, нанесенным на прекрасный пейзаж в окрестностях Кейптауна.

Путешествие по Африке, которое устроил для Марка Симановский, длилось уже больше недели. За это время он увидел два океана, немыслимой красоты горы и озера. И сейчас они находились на берегу озера с чистой водой, на пляже. Марк и Юрий сидели в шезлонгах и наслаждались, потягивая виски со льдом. Неподалеку от них сотрудники отеля, находящегося на озере, а Марк уже мысленно окрестил отель турбазой, готовили недавно выловленных лобстеров.

Симановский втянул носом воздух и обратился к Марку: - Ну, что скажешь? Как тебе африканская кухня?

Квитко сделал небольшой глоток виски и ответил: - Ты знаешь, по-моему, ничем не отличается от процесса жарки шашлыка где-нибудь на мангале в Подмосковье...

Симановский улыбнулся: - Дело в том, дорогой Марк, что лобстеры в Подмосковье, на дачах, совершенно не водятся. И шашлык там делают из других видов мяса.

Запах от готовящихся в котелке на открытом огне лобстеров шел просто изумительный. Марк уловил в нем нотки местных специй и хорошо известного чеснока. «Как говорится, без этой приправы ни одна кухня не обходится...».

Через несколько минут чернокожий повар принес большое серебряное блюдо, на котором застенчиво краснели готовые к употреблению лобстеры. Он украсил их зеленью, маслинами и дольками лимона. Омары источали пикантный чесночный запах...

- Ну-с, Марк Константинович, - в предвкушении потер руки Симановский. - Предлагаю приступить к трапезе...

С этими словами он внимательно посмотрел на друга, словно пытаясь найти ответ на какой-то очень важный для него вопрос: - Ну что ты теперь скажешь об Африке?

- Ты знаешь, сейчас я могу сказать только одно – я нашел на земном шаре место, где мне, откровенно говоря, хотелось бы умереть. Но сначала насладиться всем по полной!

Симановский усмехнулся: - Я так понял, Марк, что Африка тебе очень понравилась?

Квитко, разламывая лобстера специальными щипцами, отозвался после секундной паузы: - Очень. А особенно лобстеры, приготовленные почти по-русски, с чесноком...

Юрий сделал знак дежурившему неподалеку сотруднику отеля и загадочно произнес: - А теперь давайте сюрприз!

Сотрудник радостно улыбнулся, показав отличные белые зубы, и побежал в сторону отеля. Он вернулся через полчаса. А вместе с ним к компании двух отдыхающих мужчин присоединились несколько африканских красавиц.

Квитко немного оторопел: - Это что?!

Симановский ответил совершенно невозмутимо и даже буднично: - Это, Марк, девушки, которые помогут нам скрасить мужской досуг. Если мне не изменяет память, ты что-то там говорил, что развелся с женой?

- Да, верно.

- Так вот, эти девушки помогут тебе забыть об одиночестве. Я уверен!

Марк стал внимательно рассматривать красавиц, которых привел сотрудник отеля – нежная кожа шоколадного цвета, стройные фигуры и европейские легкие платья из полупрозрачной ткани, под которыми угадывалось тоже европейское нижнее белье...

Над отелем постепенно сгущались сумерки. Они становились все более плотными, и вскоре южно-африканская ночь спрятала в бездонный карман своего черного балахона ухоженное белое здание. Только в нескольких окнах свет продолжал мягко переливаться наружу. Но вскоре и там выключили ночные светильники. Мистическое покрывало ночи, полное снов, фантазий и удовольствий, опустилось на отель...

Компания «MagAfrica» работала в Южно-Африканской республике уже три года. Марк Квитко приобрел роскошный офис в одном из самых престижных районов Йоханнесбурга. Дела компании шли на редкость хорошо. Квитко удалось получить кредит на крайне выгодных условиях и на эти деньги построить жилые дома для сотрудников золотых и урановых шахт. В пригородах Йоханнесбурга уже появилось несколько сотен домов.

«Мерседес» мягко шуршал шинами по идеально ровной дороге. Марк ехал в министерство промышленности на весьма важную для него встречу. Он посмотрел в окно и вспомнил, как впервые попал на юг Африки с Юрием Симановским. «Он уже уехал в Советский Союз, а я остался, - думал Марк. – Но в Союзе, сейчас говорят, большие перемены, как они там это называют, - «перестройка», «ускорение», «гласность». Интересно, чем вся эта история закончится?»

В это время автомобиль уже почти подъехал к центру города и вскоре остановился у неприметного особняка. Марк с иронией подумал: «Интересно, здание целого министерства выглядит куда менее роскошно, нежели замок Андреаса Руша – президента компании, с которым я начал сотрудничество в Южной Африке».

Квитко вышел из автомобиля и неторопливо, степенно поднялся по ступенькам к большому, широким дверям. Потянул за бронзовую ручку – тяжелая на вид дверь открылась неожиданно мягко, и он вступил на ковровую дорожку причудливой расцветки. Вслух негромко пробурчал: - Даже в ЮАР министерства почти ничем не отличаются от СССР...

Возле поста охраны Марк представился, и полицейский с готовностью отрапортовал:

- Вас ждут, господин Квитко!

- Спасибо!

Марк сделал несколько шагов вперед и навстречу ему вышел молодой человек в светлом костюме и ярком галстуке. Он сделал приглашающий жест: - Прошу, господин Квитко, министр вас ждет!

Оказавшись в кабинете министра промышленности ЮАР, Марк улыбнулся и направился к представительному мужчине в белоснежном костюме. Квитко сразу обратил

внимание, что хозяин кабинета одевается с хорошим европейским вкусом. Белоснежный галстук почти не различался издали на фоне такой же белоснежной сорочки и пиджака. Его можно было определить только по золотой цепочке, на которой сиял весьма приличных размеров бриллиант. «Камень, не иначе, местный, из африканских шахт», - мимоходом подумал Марк. Волосы у министра уложены в идеальную, без малейшего изъяна прическу, что само по себе уже служило отличительным признаком модников всего мира, как капиталистического, так и социалистического. «Мода – вот основа мирного сосуществования двух систем», - не без иронии подумал он.

Министр промышленности встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу Марку. Протянув руку для приветствия, он произнес с широкой улыбкой: - Здравствуйте, господин Квитко! Я рад приветствовать столь уважаемого бизнесмена, который много делает для экономического развития моей страны.

Марк искренне пожал протянутую ему руку: - Спасибо, господин министр! Мне очень приятно услышать лестную оценку моей скромной деятельности в Южно-Африканской республике. Я просто делаю все, что могу, все, что в моих силах, чтобы приносить пользу...

Министр жестом пригласил Квитко присесть в одно из кресел, окружавших изящный столик, на котором, словно солдаты на строевом смотре, застыли разнообразной формы бутылки с затейливо оформленными этикетками. Рядом, на большом блюде, ярко желтели кусочки уже разделанного ананаса. Марк ощутил приятный свежий запах экзотического фрукта. «Но в ЮАР – это вовсе не экзотика», - тут же мелькнула быстрая мысль.

Министр тоже опустился в одно из кресел возле столика. И приглашающим жестом показал на накрытый стол: - Угощайтесь, господин Квитко! Что будете пить – виски, ром, текилу?

- Я не пью, - ответил Марк. – На работе. Поэтому только минеральную воду. – И добавил с улыбкой: - Единственное из представленного здесь великолепия.

Он взял стакан с минералкой и приготовился слушать. Но министр промышленности не торопился. Отпив немного виски и помолчав несколько секунд, он веско и значительно произнес: - Господин Квитко, я пригласил вас для весьма конфиденциального разговора.

Марк слушал министра очень внимательно. То, что тот говорил, оказалось на редкость интересным.

- ...Так вот, господин Квитко, министерство промышленности нашей страны очень бы хотело совместно с министерством обороны закупить в Советском Союзе авиационные двигатели...

Марк, все это время державший стакан с минералкой в руках, поставил его на стол и спросил: - А для каких самолетов?

Министр улыбнулся: - Весьма грамотный вопрос, господин Квитко. Но сначала я должен сказать, какие двигатели нам нужны.

- И какие же? – спросил Квитко.

- Двигатели от МИГ-29. Они нужны Южно-Африканской республике для модернизации собственных истребителей, закупленных в свое время у Франции. Эти истребители называются «Миражи».

Марк улыбнулся даже против собственной воли: - Название, я должен сказать, весьма интригующее. Но все-таки сначала я должен понять, что такое «Миражи» и что такое – «МИГ-29». Пока же, господин министр, говорить со мной об авиации, это все равно, что рассказывать слепому о красоте окружающей его природы.

Министр тоже улыбнулся: - Хорошо, слушайте!

Марк, плохо представлял технические проблемы военно-воздушных сил ЮАР, но тем не менее, очень быстро уловил главное – проект, о котором говорил министр промышленности, может принести очень большие дивиденды. И к нему – бизнесмену Квитко – обратились по очень простой причине – у него российское, то есть советское происхождение.

Министр промышленности тем временем заговорил об идущей в СССР «перестройке»

и «гласности», как определяющей ценности жизни советского социума. И глубокомысленно при этом заметил, что год 1989 уже сильно отличается от года 1980. Именно поэтому в СССР сейчас возможны самые смелые проекты.

«А он прав, - думал Квитко, - сейчас, похоже, в Союзе действительно можно делать очень серьезные дела». Но вслух он произнес совершенно нейтральную и дипломатически безликую фразу: - Господин министр, мне – как бизнесмену, очень лестно, что представители государственной власти обратились именно ко мне. Я с радостью принимаю предложение.

Министр довольно улыбнулся и протянул Марку руку: - Тогда договорились! Необходимые бумаги будут подготовлены в самое ближайшее время. Должен сказать, что предварительные переговоры с советской стороной уже прошли. И когда вы прилетите в СССР, вас будут ждать представители военно-промышленного комплекса...

«Мерседес» плавно катился по автостраде, и Марк в который раз про себя отметил, что дороги в ЮАР почти ничем не отличаются от автомобильных трасс в Западной Германии. Но очень отличаются от дорог в России. «Да, - думал Марк, - прошло уже больше десяти лет после моего отъезда, а дороги все еще оставляют желать лучшего. Интересно, повлияют ли перестройка и гласность на извечную российскую проблему?»

Квитко посмотрел в окно. За тонированным стеклом мелькали хорошо отстроенные дома, ухоженные тротуары. Но цветное население ЮАР продолжало свой путь только по определенной стороне улицы...

- Видимо, именно поэтому они и обратились ко мне! – вслух проговорил Марк.

Водитель «Мерседеса» инстинктивно обернулся, но сразу же вернул голову в прежнее положение и продолжил внимательно следить за дорогой. Но при этом переспросил: - Вы меня звали, господин Квитко?

Марк ответил: - Нет, я о своем, не беспокойся...

Глава 5.

РЕАЛИИ НОВОЙ СТРАНЫ

1989 год стал для Виктора Ветрова годом радикальных перемен. Он уже давно не работал в Стоматологическом институте. Как перспективного комсомольского лидера его взяли, или, пользуясь аппаратной терминологией, «выдвинули» в районный комитет комсомола на должность инструктора.

Это означало, по сути, вхождение в элиту советского общества и одновременно восхождение на еще одну – очень важную – ступеньку к головокружительным высотам карьеры. Ветров прекрасно проявил себя на новом месте, но, когда Михаил Сергеевич Горбачев, стоявший во главе партии и государства, стал внедрять в обыденное сознание и обиход новые, фактически рыночные принципы хозяйствования, Виктор серьезно задумался о возникающих для него перспективах. Он очень хорошо помнил тот день, когда принял решение, ставшее для него судьбоносным.

Тогда он пришел в свою однокомнатную квартиру намного раньше обычного. Квартиру, кстати, он получил сразу же, как только его назначили инструктором райкома. Виктор достал из холодильника купленную по талонам в специальном магазине бутылку «Столичной» и поставил ее на стол. Рядом – хрустальную стопку и большой хрустальный стакан. Потом опять заглянул в холодильник и достал почти все имеющиеся в нем продукты – сервелат, докторскую колбасу, яйца. Порезал «Докторскую». Затем растопил на сковороде масло и аккуратно разложил кусочки колбасы. Получилось даже красиво. Он подождал пару минут и, легонько стукнув яйцом о край сковородки, разломил скорлупу надвое и вылил содержимое в сковородку на колбасу, которая уже начала покрываться аппетитной корочкой. Получалось у него ловко, словно Ветров работал не в райкоме, а поваром в столовой.

Виктор подумал, что неплохо бы добавить еще и помидоры. Но овощной отсек в холодильнике «ЗИЛ» оказался обидно пустым. А в магазин «Овощи-фрукты», который располагался на первом этаже, идти совсем не хотелось. Но не потому, что Виктор ленился. Нет. В этом просто не было никакого смысла.

Увы, но овощной магазин в Москве конца восьмидесятых годов XX века представлял собой совершенно унылое, если не сказать убогое зрелище. Неопрятные, с угрюмыми лицами и потухшим взглядом грузчики, хамоватые продавцы. Виктор всегда улыбался, когда мысленно сравнивал грузчиков овощного и винного магазинов. Винный тоже располагался неподалеку. Но там выражение лиц грузчиков было не угрюмыми, а сосредоточенно-веселыми. И даже – деловитыми.

Но главное – пустые полки овощного. И хотя товар в магазин завозили регулярно, он исчезал с пугающей быстротой, словно население отдельно взятого района Москвы увеличивалось огромными темпами. Но в действительности увеличивался товарный дефицит...

Виктор поставил на плиту другую сковороду, снова растопил масло, и высыпал из металлической миски заранее очищенную и нарезанную аккуратными ломтиками картошку. Охваченные кипящим маслом, ломтики картофеля весело зашипели, превращаясь в румяное, покрытое хрустящей корочкой и очень аппетитное блюдо.

Виктор еще раз открыл холодильник и достал из него банку маринованных помидоров. И еще бутылку «Пепси-колы», купленную накануне в райкомовском буфете. Ассортимент буфета, кстати, очень выгодно отличался от обычных гастрономов в районе.

Виктор дождался, пока картошка дойдет до окончательной степени томления и, открыв крышку, из-под которой нетерпеливым облаком вырвался пахнущий картофелем и луком пар, аккуратно переложил половину содержимого сковороды на большую, глубокую тарелку. Сверху Виктор присыпал аппетитный ароматный картофель мелко нарезанной петрушкой и укропом.

Он никого не ждал в гости. На столе стояла только одна хрустальная стопка и один большой стакан для воды. Или «Пепси-колы». Но стол Виктор накрывал старательно. В этот вечер ему хотелось побыть в одиночестве, принять очень важное, можно сказать, судьбоносное для него, отдельно взятого человека решение. Реализовать степень своей личной свободы.

Из стеклянной банки, этикетка на которой сообщала, что продукт произведен в Болгарии, Ветров достал упругие, терпко пахнущие помидоры. Выложил их на отдельную тарелку. На другой тарелке он разместил соленые огурцы. И в специальной вазе – нарезанный хлеб.

Виктор сел за стол и, налив из уже начавшей «потеть» бутылки водку, одним движением опрокинул ее в рот, закусил нежно лопнувшей мякотью помидора и с удовольствием отправил вслед большую порцию жареной картошки. «Божественное сочетание, - подумал он. – На редкость гармоничная формула. Нужно сказать, что эта гармония одинаково доступна самым разным социальным слоям, начиная от простого рабочего и заканчивая элитой советского общества».

Ветров ощутил в душе приятное умиротворяющее тепло. И задумался. Появление в советской экономике кооперативов означало только одно – советский строй медленно, но верно начинает двигаться в сторону формирования рыночной экономики. А рыночная экономика, капитализм, это Виктор прекрасно помнил из курса политической экономии, всегда стремится к прибыли, к тому, чтобы заработать деньги.

Он налил третью стопку. Взял с тарелки соленый огурец и откусил довольно большой кусок. Мякоть с пикантным вкусом послушно таяла во рту. Виктор с удовольствием выпил третью рюмку и закусил жареной картошкой. Потом взял ускользящую с вилки яичницу с кусочком колбасы и тоже отправил в рот. Сосредоточенно прожевал. Мысли уже не путались, а, наоборот, стали намного четче и яснее. Если можно зарабатывать, то грех этим

не воспользоваться. Капитализм, рынок стремится к прибыли, но к этому же стремятся и самые обычные люди. Они всеми правдами и неправдами улучшают жилищные условия, стараются получить более «хлебное» место и это естественный для человеческого общества процесс.

Виктор принял тогда решение совершенно неожиданно для себя. Он решил использовать ресурс комсомольской работы для создания фундамента своего будущего благополучия...

К середине 1989 года у Ветрова уже имелся созданный под эгидой райкома комсомола кооператив «Молодежный». Сотрудники кооператива занимались торговлей одеждой, электронной техникой, другими товарами. Фактически перемены выразились в том, что Виктор Ветров постепенно отходил от комсомольских дел, перемещая акценты жизни на руководство кооперативом. И вскоре ему пришлось позаботиться о новой «крыше»...

Палатка на Дорогомиловском рынке приносила кооперативу весьма существенный доход, хотя торговали в ней только мороженым. Продавец приготовился отпустить очередную порцию, но подсознательно понял, что подошедшие к палатке парни – вовсе не за мороженым. «Клиентов» оказалось трое. Все одеты по одинаковой моде – кожаные куртки, спортивные штаны и кроссовки.

Один из них наклонился к окошку, через которое продавец принимал деньги: - Эй, выйди, разговор есть!

Продавец почувствовал беспокойство. Тревога и ощущение близкой опасности заполнили сознание, словно он увидел перед собой несколько ядовитых змей, изготовившихся к нападению. Хотя возле палатки стояли самые обычные парни спортивного вида, но с манерами хозяев жизни и рынка в том числе. Голос говорившего, судя по всему, главного в этой тройке, наполнился угрозой: - Я не понял, ты меня слышишь?! А?!

Продавец решил немного потянуть время, хотя в глубине души вполне отчетливо понимал, что подобные уловки в данной ситуации не помогут. Парни наверняка уже не раз сталкивались с подобной формой защиты. И не только такой формой. Один из них обошел палатку сбоку и резким, выдающим большую силу движением, открыл дверь. Защелка, на которую продавец закрыл вход в палатку, просто не смогла сдержать яростный напор грубой силы и жалобно звякнув, выскочила из замка. Дверь распахнулась. Парень в коричневой кожаной куртке недобрый взглядом сверлил продавца. Губы скривились в презрительной наглой усмешке. Он неторопливо произнес: - Эй, клоун, ты что, не слышал, что тебе сказали? Сюда иди быстро!

Продавец произнес вертевшиися на языке слова, хотя прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации они ему мало помогут. Точнее, не помогут совсем: - А зачем?

Парень, который открыл дверь «вместе» с защелкой опять заулыбался. И неожиданно нахмурился: - Ты что, клоун? Решил с нами поспорить? Или я что-то не понял? Ну-ка, быстро сюда иди!!!

Продавец незаметным движением ноги задвинул глубже под прилавок картонную коробку, в которой обычно хранилась выручка. Потом на ставших ватными ногах направился к выходу. Когда он вышел, трое визитеров вполне профессионально окружили его. Главный – в черной лайковой куртке – подошел к продавцу ближе и легонько ткнул его кулаком в область печени: - Тебе что, жить надоело? Или ребра лишние появились? А может быть, печень?! Смотри, на первый раз прощаю, но если что, то в следующий раз ударю по настоящему. Теперь о деле.

Продавец проговорил автоматически, словно вел с неожиданными клиентами задушевную, дружескую беседу: - О каком?

Старший из тройки снова нахмурился: - Твое дело не спрашивать, а слушать. Закрой

пасть и внимательно все запоминай. Вы поставили палатку на нашей территории. Теперь будете платить. Две тысячи в месяц.

Продавец, который в свободное от работы время учился в институте, опять не удержался от вопроса: - Сколько?!?

Парень действительно был ошеломлен суммой. Его собственная стипендия составляла около пятидесяти рублей. И сумма в две тысячи в месяц казалась для него просто фантастической.

Старший опять нахмурился и еще раз ткнул продавца кулаком в живот: - Тебе сказали: стой и молчи. Все, что мы тебе скажем, слово в слово передашь хозяину.

Продавец кивнул: - Передам.

- Так вот, будете платить две тысячи в месяц. Мы будем приходить сюда 5 числа каждого месяца. Никаких отговорок и задержек. Иначе «включим счетчик» и штраф наложим. А проценты у нас очень серьезные... Взамен мы будем охранять вашу зачуханную палатку. Ты понял, что я сказал?

Продавец кивнул. И выдал из себя: - Понял. Я же на филологическом факультете учусь!

Старший хотел улыбнуться, но улыбка легкой тенью соскользнула с его губ, и лицо опять стало угрожающим: - Мне плевать, где ты учишься! Ты все запомнил, что я сказал?!

- Всё, всё! И передам в точности.

Через пару минут студент закрыл палатку, что вызвало недоуменные возгласы стоявших в очереди граждан, и почти побежал в сторону автобусной остановки. На такси у него просто не было денег...



Михаил Федорович Борисов.

Родился 22 марта 1924 года. В 1941 г., пройдя ускоренный курс Томского артиллерийского училища, ушел на фронт: наводчик 50-миллиметрового миномета на южном фронте, участник десанта под Керчью; наводчик 45-миллиметровой противотанковой пушки на юго-Западном и Донском фронтах, защитник Сталинграда; комсорг отдельного истребительного противотанкового дивизиона 2-го танкового корпуса на Воронежском фронте; участник Курской битвы. Под Прохоровкой совершил подвиг, лично уничтожив 7 немецких «тигров», заменив выбывшего наводчика. Освобождал Киев, Прагу, Варшаву, форсировал Одер, штурмовал Берлин. После войны, имея несколько ранений, продолжил службу, ушел в отставку только в 1981 г. в звании полковника.

Герой Советского Союза. Личный враг Гитлера.

Автор трех десятков поэтических книг. Его стихи переведены на болгарский, венгерский, немецкий, польский языки.

Он строил шахты в Кузбассе, возводил Западно-Сибирский комбинат и знаменитый Новосибирский Академгородок.

Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и другими орденами и медалями. Умер 10 марта 2010 г. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2005 года.

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Они идут за рядом ряд,
Как три лавины,
За ними Ворошиловград,
Пол-Украины.

И тянет явно коньяком
От их походки...
А мы скупым сухим пайком
Заткнули глотки.

Припали к снегу, затаясь,
Мороз по коже:
Идет коричневая мразь-

И все же, все же!

У дула черное кольцо,
Не видно неба,
Мне пистолет сует в лицо
Комбат свирепо.

Орет:

-Ты, Мишка, сибиряк,
По скулам вижу.
Дай подойти им, так-растак,
Как можно ближе!-

Мой командир еще орет,
Но сам при этом
Плашмя со лба стирает пот
Тем пистолетом.

Меня он знает-не слабак,
В мозолях плечи.
Я подпущу врага и так
Под хлест картечи.

И подпустили мы его,
И смерч ударил.
Не видно больше ничего
В смердящей гари.

Комбат опять орет:
-Растак,
Бери пониже!
Ты-настоящий сибиряк,
По хватке вижу!

А враг уже нахрапом прет
К моей траншее,
И у меня холодный пот
Бежит по шее.

Поручил цепь убойный град,
Мутится разум...
Но бью еще- и новый ряд
Ложится наземь.

Я возвращаюсь всякий раз туда-
В окопный быт, в обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,
Но без чего не вышли бы сюда.
Тогда ни ночи не было, ни дня,

Тогда земля и небо цепенели,
И мы нередко различали цели
В пределах только сектора огня.
Без выси, широты и глубины
Казался мир в винтовочную прорезь.
Он и сейчас спрессован, словно совесть
Мальчишек, не вернувшихся с войны.

Никогда нас не скинуть со счета,
Не забыть-отважных и усталых.
С сорок трижды памятного года
Мы стоим, братки, на пьедесталах.

Жили вроде «винтиков в машине»,
А смогли, не отказав ни разу,
Проложить к заоблачной вершине
Точную, как думается, трассу.

Было в наем подвиге солдатском
Внутреннее, личное веленье.
И –на Курском,
И-на Сталинградском,
И-на каждом новом направленьи!

ТРИ ОТВЕТА

Я когда-то учился и рос,
Не считая Жар-птицу за диво.
-Как дела?-задавали вопрос.
-Лучше всех!-отвечал я шутливо.

Было все у меня впереди,
Безысходность не мучила сроду-
Окрыляла любые пути
Благодарная служба народу.

Рыл окопы, не чувствуя рук,
Изводили песчаник и глина.
-Как дела-ободрял политрук.
-Метров сто-и дойду до Берлина.

И дошел до него. А потом
Подбирал и настраивал лиру,
Чтоб обугленным дочерна ртом
Спеть хвалу и народу, и миру.
Октябрят на душе, октябрят,
Не спасают и чайники чаю.
-Как дела-кто-нибудь говорит.-

Превосходно идут,-отвечаю.

СТРОКА, ОБОРВАННАЯ ПУЛЕЙ...

Памяти В. Стрельченко

Не голова – пчелиный улей,
А вздох как стон издалека:
Строка, оборванная пулей, –
Не полновесная строка...
Но, истекающая кровью,
Она до боли дорога,
В ней пепелища Подмосковья,
Огнем крещенные снега.
И на нее, на вскрик поэта,
Пророка горестной земли,
В тот миг крылатая Победа
Уже откликнулась вдали.

На фронте мы не думали о нервах –
Война кроила землю под погост,
А из траншей бойцы в шинелях серых,
Бывало, поднимались в полный рост.
Он так и встал
Однажды в сорок первом,
Мой командир, почти ровесник мой,
И поднял роту собственным примером
В последний и решительный наш бой.
Мой лейтенант, я видел краем глаза,
Как ты взлетел над бруствером:
– Вперед!
И показалось – перед нами сразу
Раздался вширь поникший небосвод.
Такой рывок губителен, во-первых,
Он, во-вторых, не легок и не прост...
Но за тобой
И мы в шинелях серых
Уже надежно встали во весь рост.
В те дни судьба не каждому светила.
Мой командир, тебе того рывка
Всего на шаг единственный хватило.
Всего на шаг... в грядущие века.

Я возвращаюсь всякий раз туда
В окопный быт,
В обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,

Но без чего не вышли бы сюда.
Тогда ни ночи не было,
Ни дня,
Тогда земля и небо цепенели,
И мы нередко различали цели
В пределах только сектора огня.
Без выси, широты и глубины
Казался мир в винтовочную прорезь.
Он и сейчас спрессован,
Словно совесть
Мальчишек, не вернувшихся в войны.

У ДОНЦА

Промчаться бы по утренней росе
К Донцу
Бок о бок с юностью отважной.
Там падали ребята в рукопашной
На узенькой прибрежной полосе.
Сегодня у заросшей огневой
С трудом я вспоминаю штыковую,
А сам ее душой и телом чую,
Склоняясь над цветущею травой.

ТУМАН НАД ВОЛГОЙ

Стою, застыв, над берегом
крутым,
Туман вдоль Волги стелется,
Как дым,
А сквозь него густые зелена
Да синь речная смотрят на меня.
Родимый край давно уже не строг,
Но в нем начало памятных дорог.
Здесь и теперь, до горечи остры,
Дымят мои солдатские костры,
Туман и тот здесь стелется,
Как дым...
Глотнув его парнишкой молодым,
Остался я пожизненно им сыт,
Он только вслух едва не голосит.
И вот стою на зябком берегу,
Стою, как будто согнутый в дугу,
А сквозь туман густые зелена
Да синь речная смотрят на меня...

РАССВЕТ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Старый берег Днепра от шоссе недалече
Приподнялся,
Привстал, как чумаков молодой,
Развернув во всю ширь угловатые плечи
Над шумящей внизу неумемной водой.
А на той стороне,
Где сплошные покосы
До сих пор первородной дремоты полны,
Расчесала заря порыжевшие косы
Гребешком набежавшей от стрежня волны.
Перед ней и стрижи свой урок отлетали
И мотив отыграл:
– Не-ог-ля-ден прос-тор!

И теперь наяву заплясал в краснотале
Золотой, шепутной, развеселый костер.
Рядом ахнула ель, как на наледи полоз,
Подыграло шоссе резким всхлипом оси...
У земли
Нутряной прорезается голос
И плывет и плывет по исконной Руси.

Не судачьте все, дорогие,
Обо мне хотя б средь бела дня.
Это ничего, что ностальгия
Одолела все-таки меня.
Показалось небушко с овчинку,
Придавил огрузший небосвод.
Но уже давно мне не в новинку
Дней таких бесцельный перевод,
Ведомо и действенное средство,
Как запеть, подобно соловью,
Как вернуть утраченное детство,
Пору беззаботную свою.
Соберусь и как-нибудь под вечер
Через все «никак» и «не могу»
Сизой чайкой вынесусь в заречье,
Приземлюсь на старом берегу.
Снова там почувствую приволье,
Снова там увижу белый свет,
Будто сброшу в рощу или поле
Груз своих совсем не малых лет.
Пробегу по клеверному свею
И, забыв про сотни передряг,
Всю тоску ко всем чертям развею
На семи живительных ветрах.

В октябрь врезая крылья плотно,
Заполоняя все вокруг,
Летят повзводно
И поротно
Родные
Лебеди
На юг.
Летят над стынью повилики
Крылом к крылу средь бела дня,
И их приветственные клики
В свой четкий строй
Зовут меня.
А тут –
Заречные просторы,
Тальник на пойменном лугу
И те березки, без которых
Себя представить не могу!
Мне по-сыновьи, на пределе,
Еще любить
И славить Русь...
Летите ж, други, как летели.
Я остаюсь.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Давайте вслух поговорим о лжи,
Давайте все по-строному обсудим
И здравый смысл
В самих себе разбудим
Державным откровением души.
Бывает, ложь считают за дурман.
Не видя в ней враждебного начала.
Об этом мне Заобье прокричало
И прохрипел под Внуково туман.
Он прохрипел,
Что наша, мол, беда,
Когда чернят высокие порывы.
Когда, подчас, обычный ропот ивы
За верность выдается без стыда.
Такая ложь убойна, как жакан,
Как времени недобрая примета,
Она легко на все четыре света
Разгульный направляет ураган.
Не каждый в этой буче устоит,
Не каждый,
Словно фразой наговорной,
Укроет душу от потравы черной
И суть её живую сохранит.

Давайте вслух поговорим о лжи
И, доброту на искренность помножив,
Дурные чувства миром переждем,
Высокие удержим рубежи.

Всей округе надо жить в ладу,
Только нет его под небесами.
Чтя закон, мы каемся, а сами
Тем лишь тешим жадную орду.
Говорим про соль земли родной,
Про ее величие и славу,
Видим же нахлебников ораву
За своей натруженной спиной.
Хватит городить нам городьбу,
Русичи - мы пасынки России.
Морем слез мы с вами оросили
Некогда высокою судьбу.
И пока не списаны в запас,
И пока на службе у державы,
Охранить ее бы от потравы,
Уберечь от ненасытных глаз...

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Нас много таких, кто застрял на пути
В глубокой тоске о величии прошлом,
Кто, пережив все до смятенья в груди,
Не стал отщепенцем, глумливым и пошлым.
Товарный вагон, наш сегодняшний дом,
Летит неизвестно во время какое,
И лишь перелески за смутным окном
Без горестных слов выбирают былое.
А нам всю дорогу призывно заря
Морзит и морзит то светло, то багрово.
Мы те, кто лишен был державного крова,
Кто даже на завтра надеялся зря.



Виктор Глебович Верстаков.

Родился 20 декабря 1951 года в Белоруссии, в семье офицера-фронтовика. Школу в Шуе окончил досрочно, сдавал экзамены экстерном. После двух лет учебы в МАИ ушел из института и поступил в Военную академию имени Дзержинского. По выпуску служил на подземном объекте в Подмоскowie, затем был переведен в военный отдел газеты "Правда". Неоднократно выезжал в "горячие точки", включая Афганистан и Чечню. Работал заместителем главного редактора еженедельника "Литературная Россия", руководил Военно-художественной студией писателей МО РФ.

Награжден медалью "За боевые заслуги" и орденом «Знак Почета». Полковник в отставке Виктор Глебович Верстаков – автор многих книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат литературных премий имени Б. Полевого, А. Твардовского, К. Симонова, А. Платонова, М. Лермонтова, И. Бунина и других.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2007 г.

ОТ БОЯ ДО БОЯ

Горит звезда над городом Кабулом,
Горит звезда прощальная моя.
Как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
Когда на снег упал в атаке я.

И я лежу, смотрю, как остывает
Над минаретом синяя звезда.
Кого-то помнят или забывают,
А нас и знать не будут никогда.

Без документов, без имен, без наций
Лежим вокруг сожженного дворца.
Горит звезда, пора навек прощаться,
Разлука тоже будет без конца.

Горит звезда декабрьская, чужая,
А под звездой дымится кровью снег.
И я слезой последней провожаю
Всё, с чем впервые расстаюсь навек.

От боя до боя недолго,
Не коротко, лишь бы не вспять.

А что нам терять кроме долга?
Нам нечего больше терять.
И пусть на пространствах державы
Весь фронт наш - незримая пядь.
А что нам терять кроме славы?
Нам нечего больше терять.
Пилотки и волосы серы,
Но выбилась белая прядь.
А что нам терять кроме веры?
Нам нечего больше терять.
Звезда из некрашеной жести
Восходит над нами опять.
А что нам терять кроме чести?
Нам нечего больше терять.

ДЕВЯТАЯ РОТА

Еще на границе и дальше границы
Стоят в ожидании наши полки,
А там, на подходе к афганской столице
Девятая рота примкнула штыки.

Девятая рота сдала партбилеты,
Из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
То не было роты, приснилась она...

Войну мы порой называли «работа».
А все же она оставалась войной.
Идет по Кабулу девятая рота
И нет никого у нее за спиной.

Пускай коротка ее бронеколонна,
Последней ходившая в мирном строю, -
Девятая рота сбивает заслоны
В безвестном декабрьском первом бою.

Прости же, девятая рота, оставших:
Такая уж служба, такой был приказ.
Но завтра зачислят на должности павших
В девятую роту кого-то из нас.

Войну мы подчас называем «работа»,
А все же она остается войной.
Идет по России девятая рота,
И нет никого у неё за спиной.

НЮРКА

Плачет Нюрка, живая душа,
Слезы с кровью смешались на лапах.

Ах, как Нюрка была хороша –
Самый тоненький чуяла запах.

Плачет Нюрка, а птица летит,
Боевая железная птица.
Плачет Нюрка, себе не простит.
Но ведь плачет. И всё ей простится.

Гладит Нюрку родная рука.
Ей лизнуть бы хозяйскую руку:
Так знакома она, так легка,
Обреченная Нюркой на муку.

Вертолетный врезается пол
В иссеченное Нюркино тело.
...Сотню раз она чуяла тол,
А в сто первый - чуть-чуть не успела.

По заливку прошел холодок,
Когда запахом сбоку пахнуло,
Но на тонкий стальной проводок
По расщелине лапа скользнула.

И взметнулся огонь из камней,
И запахло железом каленым,
И хозяин, идущий за ней,
Опустился на землю со стоном.

И ползла к нему Нюрка, ползла,
И лизала его, и лизала,
И хрипела - на помощь звала,
И глазами всю боль рассказала.

Подбежали к саперу друзья,
Обмотали бинтами сапера.
Он сказал: «Мне без Нюрки нельзя»
«Нет, - сказали ему. - Это горы...»

Вертолет прилетел поутру,
Их вдвоем погрузили в машину.
«Ты не плачь, Нюрка, я не умру,
Ты не плачь, я тебя не покину».
Но плачет Нюрка, живая душа...

ХАБИБА

Мы встретились ночью, на аэродроме,
Под лампой, свисавшей с кривого столба.
Афганский приятель, нас быстро знакомя,
Назвал только имя ее: Хабиба.

Она черноглаза и черноволоса.
Припухлые губы. Зубов белизна.
Породисто четкая линия носа.
Балетные плечи. Прямая спина.
Высокая. С ней целоваться, наверно,
Удобно б мне было; жаль, опыта нет...
Она улыбалась красиво и нервно
На мой автомат и на мой пистолет.

Проспектом Майванд по ночному Кабулу
Промчались, сумев миновать патрули.
В машине она потихоньку всплакнула;
О чем - мы с приятелем знать не могли.

Я вышел у темного входа отеля,
В горком комсомола вернулись они.
И больше у видеться мы не сумели
В дни выхода войск, в те безумные дни.

Спасибо за встречу на аэродроме,
Когда мне казалось, что я одинок,
Что я никому не понадобится, кроме
Себя самого на распутье дорог.

Спасибо друзьям, что сердца их открыты,
Поклон Хабибе за ее красоту...
А, впрочем, они были вскоре убиты,
Вслед выводу войск, на Майвандском мосту.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Война становится привычкой,
Опять по кружкам спирт разлит,
Опять хохочет медсестричка
И режет сало замполит.

А над палаточным брезентом
Свистят то ветры, то свинец.
Жизнь, словно кадры киноленты,
Дала картинку, наконец.

О чем задушатся, начштаба,
Какие вьявь увидел сны?
Откуда спирт, откуда баба?
Спроси об этом у войны.

А хорошо сестра хохочет
От медицинского вина.
Она любви давно не хочет,
Ей в душу глянула война.

Эй, замполит, плесни помалу,
Теперь за Родину пора...
Нам не спуститься с перевала,
Который взяли мы вчера.

ШТЫК НОЖ ОТ АК-74

Для чего по болотам хожу,
За трясиной миную трясину
И рассказываю штык-ножу
То, что должен рассказывать сыну?

Одинок ли я? Не одинок.
Есть друзья и влюбляться не трушу.
Просто, если не чувствуешь ног,
Начинаешь вдруг чувствовать душу.

С этой кочки до той прямиком
Не пройти. И поэтому лучше,
Не задумываясь ни о ком,
О душе поразмыслить заблудшей.

Исповедаться, что ли, в грехах
Перед чахлой, замшелой осокой?
Да, живу второпях, впопыхах.
Да, жесток в этой жизни жестокой.

Потому-то с дороги лесной
И сворачиваю на болото,
Где меж гневом Господним и мной -
Только тлеющий след самолёта.

Потому-то теперь напрямик
Не прошел бы от кочки до кочки,
Если б слегу не вырубил штык
Закругленной афганской заточки.

Ах, какая плохая погода!
Снег с дождем объявили в Крыму.
Время жизни со временем года
Совпадают один к одному.
Дует ветер с открытого моря,
Нагоняет на сердце печаль.
Я давно уже с веком не спорю,
Только мне Севастополя жаль.

Под погашенными фонарями
На Приморском бульваре стою.

Мы порой Севастополь теряли,
Но впервые вот так - не в бою.

Малороссы и великороссы,
Мы забыли, что русские мы.
Снег с дождем, роковые вопросы.
И последние в бухтах дымы.

Ослабевший орел над волною
Смотрит в мутно-дождливую даль.
Разве важно, что будет со мною?
Только мне Севастополя жаль.

АДМИРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ

На лестничной метке старинного дома,
В котором живут офицеры запаса,
Целуемся смело, как будто знакомы
Не с первого взгляда, не с прошлого часа.

Пусть лампочка над головою разбита,
Пускай батарея к стене привалилась, -
Среди перемен офицерского быта
Ты к лучшему, может быть, переключилась.

Высокая дверь в дерматиновых ключьях
Откроется вряд ли на звук поцелуя:
Давненько шалят в Севастополе ночью
Отнюдь не лирически - просто воруя.

А значит, на этой вот лестничной клетке
Мы как в герметично закрытом отсеке.
И ты прижимаешься к лифтовой сетке,
И ты опускаешь дрожащие веки...

Затем тишина. Я курю сигарету,
Любуюсь твоей непокорною статью,
Когда сквозь пульсацию дымного света
Прическу измятую вижу и платье.

Подходишь к окну. Я тебя обнимаю.
«Я думал, ты плачешь.» - «Я дочь адмирала.
Он переживает. Я очень устала.
Я даже себя больше не понимаю».

«Послушай, мы любим друг друга. Иначе
Все это бессмысленно было б с начала.
Чему ты смеешься?» - «Теперь уже плачу.
Я просто девчонка. Я очень устала».

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ МОРЕ

Здесь на реях и на стеньгах
Желто-синее тряпье,
Здесь украинские деньги
И российское жулье.

Рестораны, тары-бары,
Тили-грили, казино,
Иностранные товары
И поддельное вино.

Ну а в бухтах и барахтах
Догнивает Русский Флот.
Поневоле скажешь: «Ах, ты...» -
И добавишь оборот.

На пароме проплываю,
По Приморскому хожу, -
Сам себя позабываю,
Только на море гляжу.

Здесь - два века Русской славы.
Здесь Советская страна
Скоро встанет величаво
С Севастопольского дна.

СЕВАСТОПОЛЬ

Над Графскою пристанью - шепот
Глубокой соленой воды.
Еще далеко, Севастополь,
До нашей последней беды.

Еще инкерманские тропы
Полынью не все заросли.
Еще ты стоишь, Севастополь,
На краешке русской земли.

Над Азией и над Европой
Холодные льются дожди.
Останься со мной, Севастополь,
Пожалуйста, не уходи.

Пусть слышен отчаянный ропот
Листвы на осеннем ветру.
Останься в живых, Севастополь,
Иначе я тоже умру.



Александр Леонидович Вырвич.

Родился в 1953 году на Украине. Окончил Калининское суворовское военное училище в 1971 году, Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР – с золотой медалью в 1975 году, Военную академию имени М.В.Фрунзе в 1991 году.

Служил в Чехословакии и Оренбуржье, выполнял боевые, учебные и миротворческие задачи в Чечне, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, США и Казахстане.

Награжден орденами и медалями СССР, России, Чехословакии, Южной Осетии и Приднестровья.

Являясь членом союзов писателей России и Приднестровья, пишет стихи, прозу, песни, публицистику, литературную критику и пародии; выпустил 15 авторских сборников, лауреат 5 литературных премий.

Проживает в городе Москва, является руководителем литературного объединения «Белый камень» городского округа Домодедово, редактором ежегодных литературных изданий: поэтического альманаха «Вдохновение моё – Домодедово», сборника для семейного и детского чтения «Домовенок» и литературной газеты «Диалог».

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2020 года.

**Отрывок из второй книги «Противостояние» романа-трилогии
«Есть такая профессия»**

Глава 13.

«Иоане, Иоане...»
(Июль 92-го года)

Майор Сергей Александров ехал к новому месту службы. Утром он прибыл в штаб округа, получил предписание и проездные документы. Ехать по меркам необъятной России предстояло не очень далеко – всего ночь на поезде. И уже завтра утром Сергей должен оказаться в небольшом закрытом поселке, расположенном на краю большого полигона. Именно там располагалось войсковое соединение недавно образованных Миротворческих сил России, в которых отныне и предстояло служить офицеру. Единственное, что Сергей знал о новом месте службы, это то, что в 50-х годах здесь проводились широкомасштабные испытательные войсковые учения с реальным применением ядерного оружия. И что руководителем этих учений был маршал Жуков.

Все офицерские «пожитки», включая несколько комплектов военной формы, поместились в огромный, как его называл сам Сергей, «оккупационный» чемодан, приобретенный владельцем еще в начале военной службы в Чехословакии. И вот с этим большим чемоданом Сергей стоял сейчас на перроне, ожидая свой поезд.

Вечерело. Начался небольшой дождь. И хотя его капли до Сергея не долетали, но холодный порывистый ветер нет-нет, да и залетал под навес.

А вот и нужный поезд. Можно было особо не спешить, так как станция была узловая, и поезда здесь стояли очень долго. Но майора смущал номер вагона на проездном билете – «17». Значит, сначала надо определить, откуда начинаются номера вагонов, с головы или хвоста поезда, а потом уже тянуть туда свой насколько большой, настолько же и тяжелый чемодан. Надеяться на объявления по вокзальному радио смысла не было, так как разобраться в тех звуках, что оно издавало, было невозможно.

Подошёл локомотив, замелькали мокрые вагоны, отражая в окнах свет привокзальных фонарей. Заметив, цифру «1» в окне вагона, следующего за локомотивом, Сергей потащил свой чемодан в конец поезда. Навес кончился и холодный дождь, который к тому времени усилился, уже конкретно поливал офицера.

Когда майор, наконец, добрался до последнего вагона, то был одинаково мокрым, как извне, так и изнутри. Казалось, можно передохнуть и затаскивать чемодан внутрь вагона, но, как говорится, «не тут-то было».

Неожиданно оказалось, что нумерация вагонов в хвосте поезда заканчивается числом «15». Сергей озадаченно смотрел на номер последнего вагона, понимая, что так быть не должно, но, если все складывается именно так, то, что-то тут не так. Самое интересное в данной ситуации было то, что спросить о том, что случилось, куда пропал его вагон, было не у кого, так как последний вагон хотя и был открыт, но проводника у подножек не было.

– Эй, здесь есть кто-нибудь?! – крикнул офицер вглубь тамбура.

После небольшой паузы в полуоткрытые двери вагона просунулась голова проводницы.

– Что за шум?

– Шума нет, как и моего вагона, – сказал Сергей и протянул ей билет.

Проводница мельком взглянула на билет и тут же вернула его офицеру.

– Все правильно! Прицепные вагоны: шестнадцатый и семнадцатый сейчас цепляют к голове поезда. По радио, наверное, об этом объявляли.

«Ну, прямо как в истории про два девятых вагона, которые прицепили к одному поезду», – подумал Сергей, но вслух это говорить не стал. Училище, как и последующая военная служба, научили офицера многим вещам, но к данной ситуации подходили всего две: первая – в жизни не бывает безвыходных ситуаций; даже, если вас проглотили, то все равно у вас есть два выхода, и вторая – любое решение командира, доведенное до конца, является правильным. В решении, что уже принял Сергей, не предусматривалось, что чемодан придется тащить обратно через весь поезд.

– Девушка, но вы же понимаете, что дотащить этот чемодан до головы поезда я уже не только не смогу, но и не успею. Он же всего на чуть-чуть меньше вашего вагона. А так как билет на ваш поезд у меня есть, то решайте сами, что со мной делать, – с этими словами Сергей, поднатужившись, поднял чемодан на ступеньки, а затем – затолкал в тамбур со словами:

– Все! Никуда больше я не пойду.

Проводница, уже давно вышедшая из «девушкиного» возраста, выдержала паузу, хотя ее жизненный опыт подсказывал, что данную конфликтную ситуацию, в которую попал этот военный, перемещающийся по служебным делам, разрешить без особого напряжения не только можно, но и нужно.

– Ну да... Место у меня одно, пожалуй, найдется. Все, кто садятся в наш поезд на этой станции, обычно размещаются в прицепных вагонах. Так что... толкайте ваш чемоданище дальше, не в тамбуре же его оставлять.

Вагон был купейным. Он встретил промокшего и уставшего Сергея теплом, светом, непривычной чистотой и даже музыкой. По поезвному радио София Ротару пела зажигательную песню про молдавского Ивана:

«Иоане, Иоане,
Тоатэ лумя доарме
Нумай еу ну пот сэ дорм...»

Скоро Сергей, получивший в купе место на верхней полке, умывшись и переодевшись в спортивный костюм, стоял в коридоре и смотрел в окно. Радио замолчало. За окном было темно. Огни города остались позади, и только свет из вагонных окон падал на «пробегающие» мимо деревья, кусты и столбы.

Коридор был почти пустым, только шустрая девочка лет четырех-пяти не поддавалась маминым уговорам успокоиться и не мешать дяденьке. Малышка по очереди опускала откидные сидения, садилась на них, а затем резко соскакивала, умудряясь в прыжке повернуться и придержать сидение руками. Так как это ей не всегда удавалось, и сидения, опережая ее попытки, хлопали о стенку вагона, мама периодически выходила из купе и негромко ругала девочку:

– Соня, как тебе не стыдно! Все уже спят.

– А вот дяденька не спит.

Девочка близко подошла к Сергею и, задрав голову, спросила:

– А ты знаешь, как меня зовут?

– Конечно, знаю. Соня, то есть, София. В этом вагоне уже все знают, как тебя зовут.

– А тебя, как зовут?

– Сергей.

– Хм! А мою маму зовут «мама Оля».

– Хорошо. Вот и познакомились.

Мама Оля снова вышла из купе и сказала, обращаясь к Сергею:

– Вы уж нас извините, но мы поздно засыпаем.

Потом, повернувшись к дочери, снова поругала ее, сказав, что через пять минут будет общий «отбой», и скрылась в купе.

Девочка особо на мамины слова не реагировала, хотя и старалась бегать на носочках и играть без особого шума. Спрыгнув с последнего сидения, она развернулась и быстро побежала к середине вагона, где стоял Сергей. Бежала она «на цыпочках» и, когда на каком-то небольшом изгибе пути вагон качнуло, она, споткнулась, потеряла равновесие и полетела вдоль коридора головой вперед. Через секунду навстречу ей уже падал Сергей, потому что другого способа спасти ребенка от неминуемой травмы уже не было. Они встретились на полу коридора почти одновременно, но Сергей, вытянувшийся во всю длину своего среднего роста, все же коснулся пола на мгновение раньше, и девчушка даже не врезалась в него, а кубарем прокатилась по его спине, остановившись в его ногах.

В наступившей тишине Сергей услышал мамин вскрик:

– Ох!

Вскочив с пола, он ощупал девочку со словами:

– Нигде не болит? Не ударилась?

– Не-а! Ну мы и летели!

Сергей поднял голову и посмотрел на маму, застывшую в дверях купе, так как ее ноги, ставшие вдруг «ватными», по-прежнему не хотели двигаться. Офицер взял девочку за руку и подвел к бледной и молчавшей маме.

– Все хорошо, что хорошо кончается. Теперь у нас у всех есть повод, ложиться спать, потому, что все игры уже закончились. Да, Соня?

– Да, пойдём, мама, спать! – сразу кивнула девочка, так как поняла, что в данный момент ей надо быть очень послушной.

Они негромко разговаривали в дверях купе, в котором, как заметил Сергей, все полки, кроме одной нижней были заняты уже спящими пассажирами. На верхней полке головой к окну лежал одетый мужчина. Он, видно, снял только обувь, и его ноги в полосатых носках, упали в «дипломат», стоящий на полке у вешалки над дверью.

– Не знаю, как вас и благодарить, – наконец-то вымолвила молодая женщина.

– Ну что вы? Слава Богу, все обошлось. Спокойной ночи!

Скоро в вагоне все затихло. Сергей, уверенный, что проводница его разбудит тогда, когда надо, тоже заснул. Проснулся он от шума открывающейся двери. Свет из коридора ударил по глазам.

– «Ну вот и приехали!» – подумал он и соскочил с полки. Но вместо проводницы перед ним стояла Ольга с широко открытыми глазами. По ее лицу бежали слезы.

– Что случилось? С дочкой что-то?

– Сумочки нет! А там д-документы и д-деньги...

Сергей быстро обулся и выскочил в коридор. За окнами вагона было по-прежнему темно.

«Значит, еще ночь. И спал я часа два», – промелькнуло в голове.

– Я проснулась, а сумочки нет. А там – деньги. Мы едем в Оренбург к моей маме. Деньги ей на операцию я собирала.

Одолжила..., – бормотала Ольга сквозь слезы.

Сергей остановился около открытых дверей купе, посмотрел на спящую девочку.

– А где сумочка лежала?

– Там, за подушкой, в головах. Я ее всегда так кладу.

– А где этот... сосед... в полосатых носках?

– Иван? Он сказал, что его зовут Иван. Не знаю. Я проснулась, его уже не было.

– А вещи у него были?

– По-моему, только один чемоданчик.

Сергей постучал в дверь купе проводников. Оттуда появилась заспанная проводница.

– Что случилось? – спросила она, поправляя прическу.

– Пока ничего хорошего. А мужчина из шестого купе, где сошел?

– Нигде. Мы же пока нигде не останавливались. Минут через двадцать будет станция. Но еще не ваша, ваша – за ней. А что, его нет? Он мне говорил, что в этом поезде едут его земляки. Наверное, пошел их проведать.

– Ну да... Ну да. И вещи прихватил с собою. Вы дайте ей воды, – Сергей кивнул в направлении Ольги. – Успокойте... Сумочку у нее, похоже, украли. О, дайте ей валерьянки. А я скоро вернусь.

Проходя мимо заплаканной женщины, Сергей положил ей руки на плечи, встряхнул ее, посмотрел прямо в глаза и сказал:

– Успокойся! Рано еще плакать. Я скоро вернусь. Все будет хорошо! Поняла?

Та кивнула головой.

Сергей быстро прошел по коридору, открыл дверь, затем вторую, ведущую в тамбур, и уже сделал шаг вперед. Но увидев боковым зрением, как что-то блеснуло на дверях туалета, остановился, сделал шаг назад и посмотрел налево.

На ручке туалетной двери висела черная женская сумочка, мерно покачиваясь в такт движению поезда. Она была закрыта на защелку, украшенную сверху блестящими декоративными шариками.

«Вот, дуреха! Ходила в туалет и забыла сумочку», – понял Сергей. Он снял ее с дверей и вернулся в коридор.

– Это твоя сумка?

Глаза Ольги заблестели, по лицу скользнула улыбка.

– Ну да! – повеселевшим голосом сказала она, – А где она была?

– В туалете ты ее забыла, вот где!

Глаза женщины снова потемнели.

– Я не ходила ночью в туалет. И вообще, я сумочку из купе не выносила.

Она быстро открыла сумку, заглянула вглубь ее и, пошарив внутри рукой, достала паспорт.

– Здесь только паспорт, а денег нет, – сказала Ольга дрожащим голосом и ее глаза снова стали наполняться слезами. Затем она добавила:

– И духов нет... французских. Я маме везла на день рождения.

– Понял! Ждите тут! – быстро проговорил Сергей и побежал назад в сторону тамбура.

Конечно, в историю про земляков этого мужчины, назвавшегося Иваном, Сергей не поверил. А так как лица его он не видел, то искать вора надо было по другим признакам. Об этом и рассуждал Сергей, продвигаясь вдоль поезда:

«Во-первых, рост у него – выше среднего, потому, что лежал на полке, вытянувшись и касаясь ступнями чемоданчика, стоящего на краю полки. Во-вторых, – полосатые носки... Хотя носки могут помочь в поисках только в последнюю очередь. Нельзя же всех встречных высоких мужчин просить разуться. Остается только третий признак – вещи этого Ивана, а точнее, – его «дипломат», в который и упирались длинные ноги в полосатых носках».

Сергей, когда после падения отдавал девочку маме в дверях шестого купе, то сразу обратил внимание на тот чемоданчик, типа «дипломат». Дело в том, что точно такой «дипломат» был раньше и у Сергея. В начале своей службы он с несколькими офицерами выезжал в командировку в один южный городок за молодым пополнением. В военной комендатуре он и увидел такой компактный чемоданчик у одного из местных офицеров. Оказалось, что в городе один завод, выпускающий, в основном «оборонную» продукцию, делает и такие вот «дипломаты». Они отличались от тех, плоских и узких прямоугольников, которые были в широкой продаже. Эти были потолще, с рифлеными боками и слегка округленными краями. Короче, Сергей в свою часть вернулся с молодыми солдатами и таким вот «дипломатом». Из-за его вместительности и прочности Сергей неизменно брал его на все полевые занятия, стрельбы и учения. Уезжая к новому месту службы, Сергей подарил свой «дипломат» офицеру, принявшему у него роту.

И вот сейчас Сергей, продвигаясь по вагонам, искал взглядом именно такой «дипломат». Купейные вагоны он прошел быстро, не останавливаясь. Несколько человек, встречавшиеся на его пути в коридорах и тамбурах, Сергея не заинтересовали. А вот в конце первого же плацкартного вагона, заполненного лежащими и сидящими пассажирами, когда офицер пошел помедленнее, активно вертя головой и внимательно осматривая людей и вещи, он увидел, то, что искал.

Чёрный «дипломат», блестя гофрированными боками, мирно стоял на полу между ног высокого мужчины, сидящего на нижней полке у туалета. Дежурный свет горел только в проходе, и тень от верхней полки падала на сидящего, укрывая его лицо.

Долго не раздумывая, Сергей молча сел рядом с мужчиной на самый край полки, потому что больше места и не было.

– Эй! – сказал мужчина, – Ты, что не видишь, что места нету?

– Знаешь, Иван, или как тебя на родине зовут, Ион, а я к тебе пришел с приветом... из пятнадцатого вагона. Там соседка твоя по купе беспокоится, куда же ты, не попрощавшись, ушёл.

– Ты че? Я тебя первый и последний раз вижу. Ты что-то перепутал, братан, – сказал мужчина и вдруг резко попытался встать.

Сергей ожидал это движение, так как его кулак уже был наготове и резко воткнулся мужчине в спину. Мужчина охнул, обмяк и плюхнулся на место. Сергей нагнулся, задрал у него брючину на левой ноге и посмотрел на носки. Убедившись, что сидит он рядом с тем, с кем и надо, Сергей сказал:

– Пойдем, выйдем в тамбур, покурим и поговорим... о жизни.

Мужчина был крупнее и, наверное, сильнее Сергея. Но это офицера не беспокоило. На выпускном курсе военного училища к ним на занятие по рукопашному бою приехали члены сборной команды военного округа по боевому самбо. То занятие Сергей, которому наряду с товарищами-выпускниками уже шили лейтенантскую форму, запомнил, как говорится, «на

всю жизнь». Ребята конкретно показали, что и как надо делать с противником в ближнем бою, когда ценой победы в схватке является жизнь, то ли твоя, то ли противника.

Сергей хорошо запомнил те точки, куда в бою надо наносить удары, чтобы вывести противника из строя. И только от силы удара зависело, будет противник оглушен или убит. Эти точки он даже своим солдатам на занятиях не показывал, так как знал, что эти приемы применяются только в настоящем бою. А когда что-то серьезное начнется, он успеет научить этому своих подчиненных.

И вот теперь эти знания пригодились. Сергей взял «дипломат» в левую руку, а правой рукой взялся за кисть мужчины, и, вывернув ее, встал и потянул мужчину за собой. Острая боль заставляла того подчиняться Сергею и безропотно двигаться за ним.

Так они дошли до «нерабочего» тамбура, в котором никого не было. Сергей закрыл дверь и, выворачивая мужчине кисть, заставил его присесть, а затем, сбив с ног, толкнул в угол у вагонной двери. Мужчина упал.

Сергей, присев на корточки у противоположных дверей, открыл «дипломат». Вот и деньги. Находились они в двух разных местах. Пачка, что лежала в основном отделении между всякими мелкими вещами, среди которых явно выделялась коробочка с духами, была аккуратно завернута в целлофан, а купюры из второй пачки, что была значительно тоньше первой, были небрежно брошены в отделение под крышкой «дипломата». Сергей взял все деньги и духи и засунул их в свои карманы. Потом, немного помедлив, несколько «тысячных» купюр бросил обратно в «дипломат» и закрыл его.

Он уже вставал, когда краем глаза заметил движение мужчины, пытавшегося тоже встать. Сергей резко оттолкнулся ногами, в прыжке поднял дипломат над головой и с размаху ударил им мужчину. Тот охнул и, продолжая лежать, прижался к двери.

– Не дури, а то снова сделаю «больно», – сказал Сергей и бросил «дипломат» на пол. Он уже открыл дверь, чтобы уйти, но, передумав, прикрыл дверь и повернулся к лежащему мужчине.

– Мораль я тебе читать не буду. Бесплезно. Но и «ментам» я тебя сдавать не буду. Потому что, во-первых, – это хлопотно, а во-вторых, хоть одна, но светлая мысль у тебя есть. У тебя хватило ума не забрать из ворованной сумочки документы... не выбросить и не уничтожить. Но один совет на прощание я тебе все-таки дам. Заканчивай ты это грязное дело и возвращайся в свою солнечную Молдавию. Иначе закончишь ты свою жизнь плохо. Или на нарах или под колесами подобного поезда. А что-нибудь здесь строить вместе со своими земляками у тебя не получится. Кишка тонка. Потому что они вкалывают, а ты этого не умеешь.

Мужчина снизу-вверх посмотрел на Сергея и прохрипел:

– А как ты узнал, что я из Молдавии?

– А у меня в роте были солдаты-молдаване... толковые, дисциплинированные, исполнительные и работающие. Не то, что ты. Но слова «Молдавия» и «молдаванин» они произносили с таким же акцентом, как и ты, – сказал Сергей и вышел из тамбура.

Вагон трянуло. Завизжали тормоза. Поезд начал замедлять ход, подъезжая к очередной станции.

Пока Сергей возвращался в свой вагон, он вспоминал службу в Чехословакии. Действительно у него в роте служило несколько молдаван. Самый толковый из них был командир отделения сержант Ион Жушке. Конечно, все его звали Иваном. Когда же из роты одного командира взвода направили в Афганистан, то Сергей предложил сержанту стать не просто заместителем командира взвода, а стать исполняющим обязанности командира взвода. Жушке, поколебавшись, согласился, но с одним условием: чтобы в его взводе, кроме его самого, молдаван больше не было. И этот взвод на полгода, пока сержант не уволился, стал одним из лучших не только в роте, но и в батальоне.

Когда Сергей вернулся в свой вагон, уже рассветало. Проводница возилась у титана с кипятком, а Ольга по-прежнему сидела в коридоре на откидном сидении, прижимая к себе сумочку и отрешенно глядя в приоткрытую дверь своего купе.

Увидев Сергея, она вскочила и побежала ему навстречу.

Не ожидая ее расспросов, Сергей остановился, достал из карманов деньги и коробку с духами. Затем, молча, взял у женщины сумочку, положил все туда и вернул ей со словами:

– Я же говорил, что все будет хорошо.

Далее он крепко взял женщину за плечи, развернул ее, и, направив в дверь шестого купе, сказал:

– Отдыхайте, но сумочку больше не теряйте.

Женщина повернулась к Сергею.

– А где, а как...?

– Все нашлось, и – слава Богу! Отдыхайте! – с этими словами Сергей прикрыл дверь купе и пошел к себе.

– Ну, вы даете, – сказала, обращаясь к нему, проводница. – Чай будете? Хотя вам уже пора собираться. Мы уже подъезжаем к вашей станции.

Сергей закрыл изнутри дверь своего купе, переделся в военную форму. Когда он уже собирался вытаскивать чемодан в коридор, в дверь постучали.

– Уже иду! – сказал Сергей и открыл дверь купе, ожидая увидеть за ней проводницу. Но за дверью с сумочкой в руке и выражением недоумения на лице стояла Ольга.

– Здесь больше денег, чем у меня было.

– погоди секундочку, – сказал Сергей и вытащил свой чемодан в коридор. Затем он молча протащил его по коридору в тамбур. Там остановился, повернулся к женщине, безмолвно, в ожидании объяснений, следовавшей за ним, и сказал:

– Все эти деньги твои. На операцию маме, на ее лечение, на твое возвращение домой, на возврат долгов, в конце концов. Или тебе не надо отдавать долги?

– Надо, но...

Сергей приложил палец к губам Ольги.

– А раз надо, то считай это подарком судьбы. Жизнь не может состоять из одних черных полос. Деньги нашлись, значит, по закону «парности событий» и с мамой все будет хорошо. Операция пройдет успешно.

– Но я не знаю, как отблагодарить за все! Столько добра для меня в жизни никто никогда не делал. Может, только мама...

– Ольга, ты веришь в Бога?

– Да, конечно! Вот и крестик всегда со мной.

– Понимаешь... Я – офицер, то есть человек, который умеет воевать. А вот со вчерашнего дня я – миротворец, направлен служить в миротворческие силы. И в управлении кадров мне полковник сказал, что в Библии написано: «Блаженны миротворцы, ибо названы они будут сыновьями Божьими». Понимаешь, что это значит? Вот я с сегодняшнего дня и выполняю свою какую-то высшую миссию. Значит, это не случайно, что я попал именно в этот вагон, где нужна была моя помощь. Вернее, где я мог оказать помощь тем, кто в ней нуждался. Вот и все!

Женщина покачала головой:

– Но так не бывает!

– Сама видишь, что бывает. И последнее, что я хочу тебе сказать. Запомни, что в жизни всего три несчастья – это смерть, болезнь и плохие дети. Так написано в одной «умной» книжке. Так вот, смерть тебе в ближайшем будущем не грозит. Болезнь мамы вы преодолете, она выздоровеет и все будет хорошо. Так что тебе осталось только одно, не упустить воспитание своей дочери. Чтобы она, даже когда вырастет, продолжала тебя любить. Чтобы относилась к тебе так, как ты относишься к своей маме. Тогда ты

действительно будешь счастлива. Потому что все будет логично, значит, правильно, а потому хо-ро-шо!

Сергей замолчал. Молчала и Ольга, осмысливая услышанное.

В окне показались дома. Поезд начал замедлять ход.

Сергей неожиданно для самого себя вслух спросил:

– Да, а отец Сонин где?

– Уже год, как привыкаем жить без него, – спокойным голосом ответила Ольга. – Оказался предателем.

– В масштабах страны или семьи? – уточнил Сергей.

– А разве это не одно и то же? Семья – ячейка общества. Предал семью, значит, предал и страну. И наоборот, – глубокомысленно заявила Ольга и, помолчав, добавила. – Я вот раньше не понимала женщин, которые выходят замуж за военных. Это же – наплевать на себя, на свою жизнь, все подчинив мужу, а точнее, его службе. А с Москвы до Пензы в нашем купе ехала женщина, жена военного. Так она мне сказала, что если даже весь мир ополчится на ее мужа, то она его не бросит, будет стоять за его спиной и подавать патроны. А теперь я думаю, что, наверное, она права.

Открылась дверь тамбура, появилась проводница.

– Посторонись! Подъезжаем!

Из коридора через открытую дверь донеслась музыка. София Ротару по поезвному радио снова запела песню про молдавского Ивана:

«Ын грэдина луй, Ион,
Тоате пэсэриле дорм».

Песня звучала из прошлой жизни, потому что певица пела ее на молдавском языке, который запрещен теперь в Молдавии, где в качестве государственного языка определен румынский. Об этом Сергей узнал совсем недавно, когда находился в Приднестровье в командировке в качестве военного наблюдателя. И находясь там, он очень жалел, что рядом с ним не было его батальона, где он служил начальником штаба. Но скоро он вернется в Приднестровье, куда должны направиться миротворческие подразделения, чтобы помочь окончательно установить на берегах Днестра мир, позволив людям в этом регионе разговаривать и петь на любом языке, в том числе, и на молдавском.

Поезд остановился. Проводница открыла дверь и пропустила вперед Сергея.

– Стоянка две минуты! – объявила она.

– Всем счастливо! – попрощался Сергей, выгрузил свой чемодан и потащил его к зданию вокзала. Начинался новый период службы, новый период жизни.



Валерий Николаевич Ганичев.

Писатель, историк, издатель, исследователь жизни святого праведного воина Феодора (Ушакова). Родился 3 июля 1933 года на станции Пестово Ленинградской области. В юности жил в Сибири, затем в Полтавской области. В 1956 году окончил Киевский государственный университет. По специальности – историк. Работал преподавателем истории средней школы в городе Николаеве. С 1956 по 1967 год – на комсомольской работе на Украине и в Москве.

Писать В. Ганичев начал в 60-е годы. В 1976 году был принят в Союз писателей за книги «Наследники», «Во имя потомков» и публикации о литературе, творчестве молодых, истории. В 60 – 80-е годы он занимался и масштабной издательской деятельностью: возглавлял журнал «Молодая гвардия», издательство «Молодая гвардия», был главным редактором газеты «Комсомольская правда», затем – главным редактором литературных журналов «Роман-газета» и «Роман-журнал XXI век».

Более 50 лет В.Н. Ганичев занимался исторической темой. Известны его романы: «Росс непобедимый», «Тульский энциклопедист», «Флотовождь», «Державница», «Православный дорожник» и другие. Роман «Адмирал Ушаков. Флотовождь» вышел в серии ЖЗЛ шестью

изданиями. Работа писателя способствовала канонизации великого адмирала Ушакова в чине святого Русской Православной Церкви в 2001 году.

Председатель Союза писателей России (1994 – 2018 гг.), Заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора (1994-2018).

В.Н. Ганичев способствовал осмыслению деятельности Всемирного Русского Народного Собора – участием отечественной литературы в духовной жизни страны. Был страстным публицистом. Особо заметны его последние публикации: «Итак, о русском», «О литературе Великой Отечественной войны», «Неба житель — Гагарин», «Восточно-славянская цивилизация», «Россия, песня и душа» и другие.

Заслуженный работник культуры РСФСР, награжден орденами Почета, Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», орденом Дружбы, многими медалями и другими наградами.

Отмечен наградами Русской Православной Церкви: орденом Преподобного Сергия Радонежского I -II степени, орденом Святого благоверного князя Даниила Московского I-II степени, орденом Святого равноапостольного великого князя Владимира II степени) и другими.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2005 года.

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ЕКАТЕРИНЫ

ДВА ВЕЛИКИХ ПОДВИЖНИКА, ДВА РУССКИХ СВЯТЫХ

Главы из книги Валерия Ганичева «Державница».

Величественно и благородно встает из века восемнадцатого Федор Ушаков. Адмирал, флотоводец, дипломат, стратег, политик, добродетель и милосердец. Ныне, когда везде только и повторяется: «Политика – грязное дело»: кажется, невозможно соединить столь разнородные и противоречивые качества в одном человеке. А Ушаков соединил. Соединил и спаял их. Слил в сердце своем, в душе своей. А отсюда, наверное, и блестящие победы под Тендрой, у Фиодониси, у Калиакрии... А затем -при Корфу. Он создал тогда, в конце XVIII века, новую тактику парусного флота, разрушил канон, установленный адмиралами «владычицы морей», покорителями Нового Света – испанцами и честолюбивыми голландцами, флибустьерами французами. Мелкопоместный дворянин с берегов Волги, воспитанник Морского кадетского корпуса и русской школы мореходцев не оробел перед самыми высокими авторитетами и расковал морское искусство. Сделал он это, опираясь на русского моряка, трудолюбца, исполнителя и христианина. Итак, на Черном море он стал адмиралом, флотоводцем, стратегом. А в 1798-1800 годах – Средиземное море. Он вместе с турецкой эскадрой освобождает от французов Ионические острова, становится отцом-основателем первого свободного греческого государства после разгрома Константинополя (Республика Семи Островов). Многие не помнят, да и не знали этого. А ведь он со своей эскадрой освободил острова, разрешил там греческий язык, способствовал созданию самой демократической в Европе Конституции. Он сохранил мир между сословиями, оградил острова от бунта низов и чванливого деспотизма аристократов. Он восстановил там в правах православие. Республика Семи Островов, пожалуй, в то время была самым справедливым и свободным государством. А между тем сам Федор Федорович – верный слуга Отечеству и императору, монархист и человек глубоко православный. Но, значит, все это не делает человека ограниченным консерватором, тупым реакционером, примитивным исполнителем воли царствующих особ, как пытались нередко представить в наше время тех, кто был «слуга царю, отец солдатам». А Ушаков был самый заботливый отец солдату и моряку. Не раз из-под его пера выходили приказы, подобные этому: «Рекомендую всем господам командующим корабли, фрегаты и прочие суда в палубах, где должно для жилья поместить служителей, привести в совершеннейшую чистоту, воздух даже в интертрюмах кораблей очистить, а затем здоровых служителей перевести на суда... Больных служителей, которые не могут помещаться в госпитале, содержать при командах... в казармах, в которых соблюдать всевозможную чистоту и рачительный за ними присмотр и попечение самих господ командующих. Также и я не упущу иметь и собственный присмотр за всеми...»

Моряки его обожали и боготворили. И без них он бы новой тактики не создал. Моряк был для него Человек, Соотечественник, Соратник. Он был для него брат во Христе. Он это подтвердил, уйдя в отставку и поселившись у Санаксарского монастыря на Тамбовщине. Там загорелась его новая звезда – звезда милосердца и благотворителя, Божьего служителя. В «Русском вестнике» после кончины великого адмирала в 1817 году было написано: «Кто жил для пользы общественной, тому приятно в преклонные годы жить с самим собой и Богом. Вот для чего покойный Адмирал для жительства своего избрал деревню, близкую к святой обители».

Верно подметил современник Ушакова. Это стремление многих истинных людей, изведавших суеты деятельной жизни в обществе. Однако Ушаков, удалившись от столицы и флота, не стал затворником. Его дом был открыт для всех жаждущих помощи, для ищущих успокоения, для бедных и убогих. В «Русском вестнике» писали: «Уклоняясь от светского

шума, Ушаков не удалил сердца своего от ближнего. С какой ревностью служил он некогда Отечеству, с таким же усердием спешил доставлять помощь тем, которые прибегали к нему».

Вначале Ушаков считал, что уединился, отошел от мирских дел целиком, и усердно молился. Это истовое моление было замечено всей братией монастыря. Даже через двенадцать лет после смерти Ушакова иеромонах Нафанаил в письме архиепископу Тамбовскому Афанасию сообщал: «Онный адмирал Ушаков... и знаменитый благотворитель Санаксарской обители по прибытии своем из С.-Петербурга около восьми лет вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в своей деревне Алексеевке, расстояние от монастыря через лес версты три, который по воскресеньям и праздничным дням приезжал для богомоления в монастырь к служителям Божьим во всякое время, а в Великий пост жила в монастыре в келье для своего посещения... по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неукоснительно, слушая благоговейно. В честь и память благодетельного имени своего сдал в обитель в Соборную церковь дорогие сосуды, важное Евангелие и дорогой парчи одежды на престол и на жертвенник. Препровождал остатки дней своих крайне воздержанно и окончил жизнь свою, как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви».

Ушаков молился усердно, помяная ушедших из жизни своих соратников, родственников, случайно встреченных на дорогах людей, желал здоровья живущим и раздавал все, что имел, всем, кто приходил к нему с просьбой, кто тихо надеялся, кто безмолвно стоял с протянутой рукой на паперти.

Мы часто говорим и вспоминаем замечательных русских меценатов – Морозова, Мамонтова, Бахрушина. Думаю, что с не меньшим благоговением следовало бы нам вспоминать великого милосердца и братолюбца Федора Федоровича Ушакова. Он ведь с самого начала своей «большой» карьеры, «дабы не было розни» между родственниками, братьями, племянниками, раздавал и отдавал им свои поместья. Дальше – больше. Кто не знал на Черноморском флоте, что моряки, экипажи у Ушакова никогда не останутся голодными, раздетыми, бесхозными. Адмирал, если не мог вырвать довольства у чиновников Адмиралтейств, выкладывал на пропитание и обмундирование свои личные, кровные, адмиральские денежки. Вот, например, что писал он в приказе от 18 октября 1792 года: «По случаю же недостатка в деньгах по необходимости сбережения служителей в здоровье отпускаю я из собственных своих денег тринадцать тысяч пятьсот рублей». Наверное, ему потом что-то возвращала казна, а что-то и пропадало. Но не пропадала вера в адмирала у моряков, офицеров и всех служителей морских. Поселившись же у стен Санаксарского монастыря, казалось, спешил он отдать людям все, что у него накопилось. В грозную и кровавую войну 1812 – 1814 годов, будучи уже немощным для того, чтобы возглавить ополчение (а именно его избрали тамбовские дворяне во главе ратников), вносит вклад за вкладом, чтобы облегчить жизнь раненых и покалеченных солдат.

Темниковский предводитель дворянства Александр Никифоров, донося 15 января 1813 года тамбовскому губернатору о том, что для содержания и лечения больных солдат необходимо 540 рублей, далее сообщает: «Относился я по изъявленному благодетельному расположению к таковым пособиям к его превосходительству господину адмиралу и кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, вследствие чего его превосходительство и представил вышеписанную сумму для продовольствия больных военнослужащих – 540 рублей в мое распоряжение».

Сам Федор Федорович в письме обер-прокурору Синода в апреле того же 1813 года, в ответ на обращение императрицы Елизаветы Алексеевны о свершении денежных пожертвований страждущим, писал: «Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания, и ныне, находя самый удобнейший и вернейший случай исполнить мое желание, пользуясь оным по содержанию... в пожертвование от меня на вспомоществование бедным, не имущим пропитания. Полученный мною от С.-Петербургского опекунского совета на вышеозначенную сумму

денег двадцать тысяч рублей билет сохранной кассы, писанный 1803 года августа 27-го дня под № 453, и объявление мое на получение денег при сем препровождаю к вашему сиятельству. Прошу покорнейше все следующие мне... деньги, капитальную сумму, и с процентами, за все прошедшее время истребовать, принять в ваше ведение и... употребить их в пользу разоренных, страждущих от неимущества бедных людей».

Образ жизни Федора Федоровича, скромность, щедрая благотворительность делали его почти святым для окружения, ему поклонялись, желали многих лет жизни. Так под прекрасным духовным знаком Благотворения и Милосердия закончилась жизнь великого адмирала. В графе о летах красивой вязью выведено: погребен в Санаксарском монастыре.

Почему же прибился старый адмирал в бухту монастыря в центре России, вдали от ярославской родины? Тут вроде и имений-то у него не было, родных, кажется, тоже... Как стал он таким верующим и милосердным? Всегда меня занимал вопрос: как рождается добро, порождается добродетель? То ли следствие это врожденного чувства у человека, то ли приходит оно с родительским словом, то ли передается как эстафета от соприкосновения с духовно наполненным, благородным поводырем? Наверное, все вместе. Так вот, к Федору Ушакову, по-видимому, пришло это от сияния его дяди Ивана, бывшего преображенца, принявшего в монашестве имя Федор. Начиная свою карьеру, Иван Ушаков, как и многие дворяне в храбром, бесшабашном и буйном Преображенском полку, вел достойный гвардейца образ жизни: пил, бражничал, кутил, был готов отдать жизнь за царя. От похмелья по утрам побаливала голова, вспоминалась буйная ночь, дух веры не просыпался. И вдруг однажды, в тот час, когда рухнул во время кутежа собрат-гвардеец и испустил дух без покаяния, Иван очнулся. Очнулся, огляделся, понял, что живет во грехе. И душа его вострепелась, позвала к очищению. В одночасье бросил он службу, переделся и бежал в северные леса. Молился, постился, просвещался. Потом, теснимый чиновными ревизорами, рыскавшими в поисках бежавших крепостных, перебрался в курские монашеские кельи, но там был отловлен как бездокументный бродяга и оказался перед судом. Преображенец? Дезертир? Клятвоотступник? Давно не было таких. Предстал перед самой императрицей Елизаветой Петровной.

- Пошто бежал из полка?
- Богу хотел молиться.
- Я бы и так отпустила.
- Тогда бы не поверили, а сейчас ясно.
- Прощаю. Можешь снова служить.
- Уволь, матушка. В монастырь прошусь.
- Куда же?
- В Саровскую пустынь.

Ладно. Но помолись за нас вначале в Александро-Невской лавре...

Такой приблизительно, как говорили современники, состоялся разговор между императрицей и беглым преображенцем. Отстоял он после этого у кружки подаваний в лавре. Прослыл честнейшим и чистейшим монахом, получившим новое имя – Федор. К нему толпами шли верующие. Братия ревновала. А он молился за всех, просил прощения за грехи их у Бога. И Бог, наверное, прощал многим из-за усердия святого отца, и потому многие из них пошли за ним в Саровскую пустынь, там вершил дела во имя Бога, помогал всем сирым и убогим. И распространялась вокруг Федора слава духовного подвижника, бессребреника, трудолюбца и страстотерпца. Затем перешел в глухую Санаксарскую обитель.

Маленький Федя Ушаков уже знал о бегстве своего дяди из преображенцев. Как и его отец, наверное, не одобрял этого. Но, поступив в Морской кадетский корпус, побывав в лавре, услышав о духовных его деяниях, постиг его подвижническую сущность. И, вполне возможно, заехал он к своему светлому родственнику, направляясь на юг, в Азовскую флотилию.

Было это или примерещилось мичману Федору Ушакову в морозные декабрьские дни 1768 года, никто сказать не может, да и не вспоминал он об этом позднее. Но, наверное, было, ибо не мог он упустить такой славной возможности, чтобы не завернуть, направляясь в Воронеж, к мудрому своему дяде. Тот уже оставил Саровскую пустынь и стал настоятелем Санаксарского монастыря на Тамбовщине. Было, наверное, ибо память дорогого ему человека привела старого адмирала Ушакова в эти края в конце собственного пути, а образ жизни его – милосердного, богомольного, доброго отшельника – не виделся случайной вехой в конце жизненного пути, а был скорее данью, памятью в честь святого подвижника, позвавшего его на путь служения Богу, путь долга, великодушия и добродетели.

Саровская обитель по пришествии отца Федора стала наращивать кельи, распахивать пашню, принимать богомольцев. И снова слава о душевном, добром, духовно просветленном монахе пошла по рязанской, тамбовской, сибирской, воронежской земле. В 1759 году отец Федор с учениками переселился в Санаксарскую обитель. Там он восстановил старую церковь, кельи, огород и был рукоположен в иеромонахи с назначением настоятелем Санаксарским. Впоследствии в монастыре была воздвигнута каменная двухэтажная церковь. «Облеченный саном священника, отец Федор с невыразимым благоговением совершал служение в церкви. Во время литургии он весь сиял какой-то необычайною красотой и весь тот день находился в глубокой радости, ярко выражавшейся на его лице. Настоятелем он был твердым и строгим, в наставлениях нарочитое имел искусство, в рассуждениях был остр и пространен... В общем, на богослужение посвящалось в пустыни в сутки часов девять, а в воскресенья и полиелейные дни – десять и более того; при всеобщем бдении – до двенадцати».

Старец завел у себя первую и прочную основу иночества: личное руководство братии и полное откровение помыслов. Днем и ночью была открыта его келия, и часами он говорил с иноками. На монастырские послушания, покос, рыбную ловлю выходили все, во главе с настоятелем. В монастырь приходили крестьяне, молились, просили заступничества, и отец Федор был нетерпим к тем, кто нарушал Божьи и земные законы. Богомольцы тянулись к светлому слову и молитве, завистливая братия, как и в Александро-Невской лавре, строила козни. Не любили праведное слово, обличение и многие власть предержавшие. Вера для таких хороша лишь тогда, когда их благословляет, обслуживает, а когда требует справедливости для всех, соблюдения одинаково всеми христианских законов, она становится неуютной и неудобной. Стал неудобен для воеводы отец Федор, по его наущению решением Синода был отправлен в Соловки. В Санаксар был прислан посыльный, чтобы описать его имущество и в сундуках отправить на Север. Но имущества всего оказалось: войлок коровьей шерсти на холстине, небольшая подушка, овчинная шуба, мантия и ряса. С этим его и отправили в Соловки. Девять лет молился в северном монастыре, но затем было доложено императрице, и он возвратился в Санаксар, где тихо скончался 19 февраля 1791 года, на 73-м году.

Преподобный старец Феодор схоронен в Санаксарском монастыре у воздвигнутого им храма на северной стороне, недалеко был погребен и его племянник. Так и покоились они там – два великих человека своего времени, два великих истинно верующих, два святых Русской Православной Церкви – подвижники XVIII века.

Старец Феодор канонизирован в лике местночтимых святых в 1999 году. Память преподобному Феодору Санаксарскому празднуется в день его кончины - 19 февраля (по старому стилю) (4 марта, а в високосный год 3 марта по новому стилю), а также в день обретения его многоцелебных мощей - 21 апреля (4 мая). В 2004 году Архиерейским собором Русской Православной Церкви канонизирован для общецерковного почитания.

Адмирал Ушаков причислен к лику праведных местночтимых святых в 2001 году.

КАНЦЛЕР ВИКТОР ПАВЛОВИЧ КОЧУБЕЙ

Война 1812 года закончилась. В Париже гарцевали казаки, а армия постепенно возвращалась в Россию. Император с вершин радости и триумфа опускался на землю. Центральная Россия была разорена, десятки тысяч искалеченных солдат вывезли обозами из приутихшей Европы. Страну надо было восстанавливать, возрождать, оправдывать надежды на мудрое, доброе, справедливое правление, но странное дело: сейчас, когда Александр мог, казалось, почти все, он не возвращался к тем своим возвышенным мечтам о переустройстве, реформам и преобразованиям, которые вращивал в начале царствования. В Лагарповых возвышенных мечтаниях он уже видел почву для новых революций; реформы, предложенные Сперанским, казались надуманными; стремление Чарторыйского определить судьбу Польши представляли большой изменой; не грели сибаритские мечтания Строгонова; нужны были работники по восстановлению России, ее возвышению. Таких было не много. Лучшие – Аракчеев да Кочубей. Они разные. Аракчеев предан ревностно и безоглядно, служит беззаветно и безупречно. Кочубей упрям и несговорчив, осторожен и умен. Александр не любил его осторожности в юности, считая ее нерешительностью, предпочитая пылкого поляка Чарторыйского, но с годами понял, как прав был вельможный малоросс, сдерживая либеральные и республиканские порывы его негласного Комитета.

Александр нравилось управлять Европой, но хотелось, чтобы Россия была непоколебимой – ведь только в таком случае можно смело делать самые глубинные и полезные изменения. И тут Кочубей, человек, пришедший во власть еще при бабке, властной и умелой Екатерине, незаменим.

Виктор Павлович стал снова министром внутренних дел Российской империи. А затем и министром полиции. Позднее Кочубей – председатель, а затем и канцлер «господ министров». О его деловитости, умении, ответственном исполнении ходили легенды. Державник и рачительный хозяин, блюститель законов и решительный предприниматель, экономный распорядитель и щедрый благотворитель – говорили о нем.

...Ныне, когда власти всех мастей демонстрируют умопомрачительный непрофессионализм, дилетантство и антипатриотизм, нам как никогда дороги те наши предки, которые во всяких условиях служили Отечеству преданно и самоотверженно, вкладывали всю душу в дело, которое им поручалось. Одним из таких выдающихся служителей делу Отечества был Виктор Павлович Кочубей. Сын Украины и России, он объединял в себе лучшие черты своих народов – здравость, оптимизм, разумность, размах, основательность и глубокую любовь к Отечеству, которое он не делил на части. Державный деятель, политик, расчетливый экономист, тончайший дипломат, выдающийся организатор, он один из сонма государственных чиновников стоит на памятнике 1000-летию России в Новгороде. Один, значит – символ, значит – образец. Что мы знаем о нем? Вот о Ришелье, Сюлли, Кольбере, Питте, Меттернихе, Бисмарке еще туда-сюда, а о Кочубее?.. Мало... А между тем А.С. Пушкин, который очень тонко чувствовал державные устремления, записал по поводу его кончины: «Государь был неутешен, новые министры повесили головы». Было отчего, вот и князь-губернатор И.М. Долгорукий отметил: «Не было, по мнению моему, в России министра просвещеннее его и способнее к званию». Да и в «Биографическом словаре», подводившем итог деятельности Виктора Павловича Кочубея, писалось о том, что его «деятельность всегда была направлена к пользе России, обыкновенно правильно понимаемой».

Природные способности, неизменное усердие к приобретению познаний, искреннее желание добра в сдержанных формах житейского проявления, любовь к России, не исключая уважения к степени просвещения, достигнутой другими народами, умение

находить людей и устанавливать с ними добрые человеческие отношения, без которых невозможна плодотворная человеческая деятельность, мужество в отстаивании своих коренных убеждений, слово правды перед царем как первый долг верноподданного – таковы главные черты, светло озаряющие историческую личность князя В.П. Кочубея. Да, князь Кочубей – министр и канцлер, один из самых умелых, осторожных и основательных политиков России – прошел по ее мостовым, мостам, мосточкам и просто узеньким кладкам довольно искусно и решительно. Своих предшественников, пожалуй, превзошел не только долголетием, но и мастерством политика. А сделать это было почти невозможно. И действительно мудры были министры и канцлеры России, хитры и хватки. Возьмите канцлеров – все они оставили серьезный след в формировании политики России. Граф Гавриил Иванович Головкин открыл эту блестящую плеяду. За ним следовали князь Алексей Михайлович Черкасский, граф Бестужев-Рюмин, граф Воронцов. Один из самых искусных политиков XVIII века Никита Иванович Панин, граф Остерман и хитрейший тактик, расчетливый стратег князь Александр Андреевич Безбородко. Затем Воронцов, Ростопчин, Румянцев и уж потом, хотя вся официальная Россия, да и заграница давно признали его оформителем и в немалой степени вершителем державной политики, но уже внутренней, – князь Виктор Павлович Кочубей.

Еще в самом начале своей внешнеполитической карьеры (в 1801 г.) он, приняв управление внешними делами, твердо заявил: русское правительство обязано заботиться о непосредственных, ближайших выгодах своего народа. «Россия, – говорил он, – слишком часто и без достаточного повода вмешивалась в дела, прямо ее не касающиеся, и войны, дорого ей стоившие и даже бесполезные, русское население не извлекало из них никаких выгод и между тем несло огромные экономические невыгоды, не говоря уже о потере людьми». «Я буду стараться следовать национальной системе, т.е. системе, основанной на пользе государства, а не на пристрастии к той или иной державе», – писал он графу С.Р. Воронцову.

Ему всегда представлялось крайне нежелательным, чтобы Россия подчинялась в своих международных и тем более внутренних отношениях какой-либо европейской державе. Завершая свою деятельность, будучи назначенным в 1834 году канцлером по внутренним делам, он не отступил от этих принципов.

Виктор Павлович Кочубей происходил из рода страдальца за верность Отечеству генерального судьи казацкой Левобережной Украины Василя Леонтьевича Кочубея. Эта вековая верность «православну государю» и «вере христианской» была принципом истинных казаков Запорожья и Дона, Левобережной Украины и Кубани. Кочубеи пронесли эту преданность через годы, потеряв своего славного предка, казненного изменником Мазепой.

Наставником малолетнего Виктора был его дядя (родной брат матери), известный царедворец, чиновник, умнейший политик, дипломат и вельможа Александр Андреевич Безбородко. Правда, первые наставления Виктор Кочубей получал от него еще как от чиновника, состоявшего при Потемкине. Это уже позднее Екатерина и Павел не могли обойтись без опытного Безбородко, наделенного ими и графскими, и княжескими титулами. Нет сомнения, что советы и покровительство дяди решающим образом способствовали развитию и образованию Виктора, ибо три года мальчика воспитывали непосредственно в доме Безбородко, а потом на средства последнего отправили в Женеву, где обучали разным языкам.

Пройдя службу в Преображенском полку, он получил звание прапорщика, а затем, по-видимому, не без старания дяди, Виктор стал камер-юнкером Высочайшего двора, подпоручиком гвардии и сопровождал императрицу Екатерину в ее знаменитом путешествии в Таврические края.

Вслед за этим он направляется в Лондон, где сидел искуснейший дипломат и англоман Семен Романович Воронцов.

Иногда даже неясно было, чьи интересы он отстаивает – Англии или России? Виктор Павлович англоманом не стал, получив высокую патриотическую зарядку в доме отца и дяди, в гвардии и при дворе. Зато он тщательно изучил политические науки, в коих Англия преуспела. Все это легло на подготовленную и благодатную почву. Правда, западноевропейские теории Виктору Павловичу сразу после этого не понадобились, ибо он получил серьезное назначение – послом в Константинополь. Пост этот в дипломатической иерархии России был одним из главнейших и наипотребнейших, ибо в Лондоне и Париже наступали приливы и отливы дружелюбия и неприязни, а в Константинополе всегда было горячо. Там постоянно находилась напряженная точка для русской внешней политики. Туда направлялись умудренные и стойкие дипломаты. Там находились до Кочубея блестящие и мужественные Обресков и Булгаков. И вот пришел черед молодого Кочубея. Как писалось в «Словаре достопамятных людей Русской земли», он послан туда был «не только по покровительству дяди, но и по собственным достоинствам, в которых лично удостоверилась мудрая монархиня из разговоров с ним и произведений пера его». Так Кочубей стал чрезвычайным посланником и полномочным министром в Османской Турции.

Весь XVIII век Турция и Россия противостояли друг другу, шли непрерывные войны и столкновения – казалось, они вечные враги. Но с приходом Кочубея ситуация меняется. Он, М.И. Кутузов и В.П. Томара (тоже послы в течение последних лет века) способствовали тому, что войн в этот промежуток между соседями не было, они даже стали в конце века союзниками. Кочубей в годы пребывания в Константинополе стал действительным камергером, получил орден Святого Владимира и, обогатившись ориенталистскими знаниями, возвратился в Россию зрелым и опытным дипломатом.

На троне был уже Павел, но к Кочубею он отнесся благосклонно, сделал его тайным советником, членом коллегии Министерства иностранных дел, наградил орденом Святого Александра Невского.

В конце XVIII века Павел решил создать коалицию европейских государств против пугающей своей революционно-захватнической политикой Франции. Англия, Австро-Венгерская монархия, Неаполитанское королевство, княжества Германии, Россия и даже Оттоманская империя объединились в борьбе против республиканской Франции. Получивший звание графа Всероссийской империи (1799) «за отличную и ревностную службу» Виктор Павлович Кочубей развил бурную дипломатическую деятельность, участвовал в подготовке и заключении договоров между Россией и Королевством Обеих Сицилий (1798), Великобританией (1798), Португальским королевством (1798, 1799), Курфюршеством Баварским (1799), а также конвенции, заключенной с Великобританией об освобождении Голландии и Семи Соединенных Островов от французов (1799). Правда, при участии своего дяди.

Европейские союзники, однако, как обычно с интересами России не считались, предавали ее. Это было и в Швейцарии, где австрийцы оставили на произвол судьбы войско фельдмаршала Суворова, и в Голландии, куда также были посланы русские войска. Россия выстраивала принципы, союзники – интриги. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский так оценил попытки и царского двора, и тогдашней российской дипломатии:

«Принципы, введенные русским двором в международную политику: политическое равновесие – как основное правило, коалиция и конгресс – как средство против республики, религиозно-национальная самобытность – как вывод из основного правила против революционного космополитизма. Среди господствующих тогда мелких эгоистических расчетов только в дипломатических бумагах петербургского Кабинета можно найти какой-то материал для системы, достойной европейской цивилизации. Так, выступая деятельной участницей европейских движений, Россия вступила на путь, по которому шла целый век, – становится во главе угнетаемых и угрожаемых какой-либо исключительной силой».

И, безусловно, исключительная заслуга в создании этой системы принадлежала Виктору Павловичу Кочубею. Впрочем, это не помешало его удалению от двора в результате

вспышки недовольства Павла I, да и изменению ориентации императора, его попыток наладить связь с Францией. Заговор, произведенный с помощью английского золота и при участии недовольных екатерининских вельмож, устранил Павла.

В России воцарился новый император Александр I, внук Екатерины Великой. С его приходом появились новые надежды. Большинство представителей русского дворянского общества тяготело к временам Екатерины Великой, когда достоинство страны не унижалось, когда привлеченные к службе иностранцы не поносили последними словами свое новое Отечество, когда авторитет России оберегался царским указом. Поэтому в манифесте о вступлении на престол оглашалось: «Мы восприемлем наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей, Государыни Екатерины Великия, коея память нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по ее премудрым намерениям шествую, достижением вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим».

Как и всякий не умудренный опытом властитель, пришедший к власти, Александр, конечно же, считал, что с его приходом начнется невиданная пора реформ и преобразований, которая осчастливит державу, дворян и все остальные сословия. Вокруг императора стараниями царедворцев, гонимых при Павле вельмож (а таковых было немало), дипломатов, особенно английских, создавалась атмосфера обожания и рукоплесканий. Александр уверовал, что он сделает Россию счастливой, отдаст ей лучшие годы, замолит чужой грех (убийство отца) и, совершив подвиг, осуществив мечты преобразования, покинет престол под рукоплескания, обожаемый и благословленный народом.

Но с первых шагов он почувствовал тяжесть короны, ее непомерное бремя, сопротивление общества. Для того чтобы облегчить эту тяжесть, он решил призвать в помощь мудрых и известных вельмож и сановников. Те и появились при дворе. Были призваны к службе генерал от инфантерии Беклешов, барон Васильев, тайный советник Трошинский, граф фон Пален и другие. Веер высочайших указов последовал из канцелярии императора. Они появлялись чуть не каждый день и должны были уничтожать несправедливость и способствовать благотворной деятельности. Все в этих действиях и указах было необычно, ново, потрясало воображение, предвещало новое управление империей. И действительно обрезались букли у солдат, спиливались виселицы в публичных местах, объявлялось, что не должна проводиться продажа крепостных людей без земли. Упразднялась известная Тайная экспедиция, и ее дела передавались в архив «для забвения». Все в государстве должно было, по мнению нового императора, подчиняться «единому действию закона». При дворе был учрежден Непременный совет при верховенстве небызывестного Трошинского. Но не этот совет стал основным органом при царе.

В небольшой туалетной комнате, рядом с внутренними покоями императора, чуть ли не ежевечерне заседал тайный и реальный Совет Александра I. Это были друзья его детства, люди, опиравшиеся на либеральные, западные, порой противоречивые взгляды. Один из них, Николай Николаевич Новосильцев, долго жил в Англии, знал ее порядки и обычаи; особо интересовался управлением, хотя сам ничем и никогда не руководил, так же как слыл либералом, хотя был абсолютистом, крепостником и консерватором. Отнюдь не приверженцем России и ее порядков был Адам Чарторыйский, польский магнат, и на службу-то пришедший к Александру, чтобы вернуть селения отца, отобранные после раздела Польши. Павлом он был отторгнут от цесаревича после всяческих «нашептываний» о папаше и направлен послом в Неаполь. Александру же он нравился своей пылкостью, дальновидностью и некоторым мученическим ореолом, создаваемым вокруг себя. На самом деле Адам был человек расчетливый и ловкий. Александр искал в юношеские годы в Адаме безрасчетливую преданность и доверял ему свои самые пылкие, часто неустойчивые помыслы. Французский же дипломат Дюрюк писал, что Чарторыйский «обрек себя к вечной ненависти русским, коих гнушается, императору, которого обманывает».

Третьим членом Совета был сын русского вельможи и богача Александра Строганова – Павел. Он был большой любитель искусств, литературы, Мирабо и французских мыслителей. Четвертым членом Совета был князь Виктор Павлович Кочубей. Вместе со всеми был он в «этом братстве умов и государственных талантов». Вместе со всеми – и особняком, ибо в отличие от своих молодых собратьев он уже попробовал державной службы, ощутил ее сложности и противоречия, тяжести и конфликты. Он знал Россию, не только наблюдая ее из Лондона, Неаполя и Парижа. Он жил в ней, служил ей, отстаивал ее интересы. И в этом было его преимущество, его призвание, его вклад в дела Тайного совета. Он был там самый трезвый, самый ответственный советчик. И вполне возможно, что уберег императора не от одного неверного шага, от действий, противоречащих интересам России. Эта его осмотрительность, внимательность привели к тому, что Александр I назначает его вначале министром иностранных дел, а потом, посчитав, что дела внутри государства не менее важны, переводит министром внутренних дел, чего хотел и сам Кочубей. Наверное, не было в Российской государственной структуре такого системного и четкого правителя, как В.П. Кочубей. Вот и придя в Министерство внутренних дел, став министром, он предложил ряд четких рекомендаций по организации работы.

В старых чиновных кругах многое обсуждалось коллегиально, медленно и бесконтрольно. Виктор Павлович сразу подверг критическому разбору делопроизводство, заявив «о неудобствах» и бессистемности. Он обнаружил:

«1) медленность в делах управления только нетерпение составляет, так сказать, существо коллежского обряда; 2) недостаток разделения работы и постепенное ее усовершенствование; 3) множество форм совершенно излишних и образ письмоводства весьма затруднительный; 4) недостаток ответственности: министр имеет в каждой коллегии свою канцелярию и свой архив, и все сие для того, чтобы сказать ей свою резолюцию, объявить указ. Сие вводит министра в бесполезные подробности, развлекает внимание, отнимает время и средства обозреть их в совокупности».

Для устранения этих неудобств министр полагал:

«а) не терпеть в форме письмоводства ничего излишнего, сколько бы ни казалось оно маловажным, ибо при великом стечении дел, при множестве маловажных остановок составляет наконец весьма уважительное препятство; б) при великом стечении дел нужно, чтобы каждая бумага несла с собою все признаки, по коим бы можно было по первому взгляду определить принадлежность ее не только известному отделению, но и к самому Столу, и к самому делу; в) никак не должно употреблять к такому делу два или три лица, которое может кончать одно с равным успехом, ибо всякое действие решение есть, потому самому действие вредное... г) работа отделения должна быть расположена на степени одна одной подчиненные так, чтобы дело, проходя через сии стадии, в каждой из них усовершенствовалось, пополнялось и полнилось; д) в делах текущих не должно разделяться присутствие от канцелярии».

Кочубей заменил коллегиальное делопроизводство на одноличное и, как написано в «Истории Министерства внутренних дел» (Часть I, СПб., 1858) П. Варадиновым, «можно безошибочно сказать: наше делопроизводство вошло в новую эру со времени образования министерств и получило свой особенный характер и вид». В годы его управления министерством были приняты меры к улучшению в России рыбных промыслов, овцеводства, пчеловодства, к развитию шелководства, виноделия, сахароварения. Он высказался за то, чтобы обрабатывающая промышленность переходила в частные руки, «ибо всякие казенные промышленные предприятия хуже частных, и вообще промышленность всего лучше развивается, если ей предоставлена полная свобода, если в ее ход меньше вмешиваются». Но вместе с тем он считал: коль отечественная промышленность еще не окрепла по сравнению с другими государствами, то ей необходимо оказать поддержку, – для чего было решено создать особый капитал. Он всячески поддерживал переселение иностранцев на пустующие земли, но не всяких неудачников и лентяев, которых немало просочилось в Россию при

Екатерине, а лишь трудолюбивых земледельцев и ремесленников. Занимался он и «благоустройством евреев», но в связи с той ролью, которую отвел евреям Наполеон, деятельность была приостановлена. Большое внимание уделял Кочубей запасам продовольствия, создавая резервный фонд государства, стимулировал строительство складских помещений.

Особое внимание уделял Виктор Павлович южным землям, куда из Центральной России широким потоком шли русские переселенцы, а также выходцы из других земель. Ему пришлось даже испытать гнев Павла I, который отрицательно отнесся к его записке «О недостатках устройства южных земель России», но он продолжал заботиться об устройстве этих земель, особенно Бессарабии, на благоустройство жителей и переселенцев которой было истрачено за два года почти полмиллиона рублей. Постоянно держал во внимании Крым, Одессу, Херсон, Николаев. В Крыму и Одессе он провел больше года. Еще раньше, в 1802 г., по его инициативе Новороссия была разделена на Таврическую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии, а генерал-губернатором Одессы был назначен герцог Ришелье, проявивший кипучую деятельность по развитию города и порта. В.П. Кочубей высказал тогда надежду, что в ближайшем будущем Одесса сделается важнейшим портом и экспортным пунктом империи. В то же время он возражал против желания Грузии присоединиться к России, считая, что последней это невыгодно и обременительно. Его системная деятельность укрепила губернии. Несмотря на то, что Кочубей был не самый «удобный» министр и через несколько лет заболел, Александр возвратился к нему после победы над Наполеоном. Реформаторский, преобразовательный, либеральный зуд императора утих, своих бывших советников он уже не звал для совместных размышлений, не надобно было уже. А Кочубея пригласил. Нужны были работники ответственные, самостоятельные, твердые. С 1819 года Виктор Павлович снова министр внутренних дел. В «Истории Министерства внутренних дел» (СПб., 1862) пишется - «Князь В.П. Кочубей вступил в управление Министерства внутренних дел 4 ноября 1819 года и нашел его в том состоянии, какое еще в 1802 году предполагал для него, т.е. учрежденным в «обширнейшем плане».

Министерство внутренних дел – отнюдь не нынешнее МВД. Это действительно были все внутренние дела государства: дороги, связь, учебные заведения, медицина, охрана обывателей и т.д. Достаточно назвать усилия Кочубея по созданию и обустройству дорог, особенно в Петербургской губернии. Или, например, ярмарочные заботы. Его стараниями проводилась Нижегородская ярмарка, решались вопросы губернского управления, учредилось Волжское пароходство. Справки и предложения по переустройству, финансированию, строительству вносились императору Кочубеем лично. Тот, зная основательность и обязательность графа, доверял ему полностью и немедленно подписывал указы. Такое право надо было заслужить безошибочным отношением к делу, безукоризненной работой.

Новый император Николай I, жесткий, авторитарный, как говорят ныне, набирая «свою команду», предпочел поставить председателем во главе Государственного Совета и Комитета господ министров Кочубея. Такого, пожалуй, в отечественной и мировой истории еще не бывало. При четырех разных правителях, у четырех императоров служил непрерывно Отечеству в высших эшелонах власти вельможа, державный человек, профессионал политической, экономической, государственной службы. Обычно, отслужив при одной власти, государственный чиновник уходил в отставку, если его не изгоняли раньше. В лучшем случае он служил еще «один срок». А тут все время на самых высших и действенных участках государственной власти. Ну и ордена, и звания были у него державные: Св. Апостола Андрея Первозванного (1821), Св. Анны (1821), титул князя (1821). В 1834 году Кочубей утвержден канцлером по внутренним делам. В этот год он съездил в родную ему Диканьку. Скончался на руках у жены в Москве. У его гроба стояли Николай I и его сын Александр. Серьезного и истинного работника потеряла Россия. На похоронах в Александропо-

Невской лавре собрались тысячи людей. А различные по своим взглядам «Ведомости» и «Северная Пчела» в унисон писали: «Князь Виктор Павлович Кочубей с ясным наблюдательным умом соединял опытность, быстрый и верный взгляд на вещи, определяющий существо их от разносторонностей, способность открывать в самом многосложном деле простые первоначальные его стихии, дарование сравнивать, сводить, соглашать разномыслие, был Министр утонченный, Вельможа во всем пространстве сего слова. Неизменное доверие и личное уважение Государя сопровождали его до гроба».

Мы же добавим, что он был человек державных принципов, величайший профессионал в государственных делах и истинный патриот Отечества.

Славный век птенцов Екатерининского гнезда подходил к завершению...



Анатолий Федорович Горохов.

Родился 25 октября 1948 года в селе Мухино Шимановского района Амурской области в семье железнодорожников. В 1952 году отца назначили начальником станции Бузули Амурской железной дороги, и семья переехала в деревню Черновка Свободненского района Амурской области. Здесь окончил 8 классов. Дальнейшую учебу продолжил в Михайло-Чесноковской средней школе №192. После ее окончания поступил в Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта на факультет «Промышленное и гражданское строительство». В 1971 году получил гражданский диплом инженера-строителя и воинское звание инженер-лейтенант. Дал согласие на двухлетнее прохождение действительной военной службы в Железнодорожных войсках. Получил назначение в Шатурский батальон железнодорожных войск. Во время прохождения военной службы окончил

Муромскую бригадную партийную школу и исполнял обязанности замполита роты. Предложение о продолжении военной карьеры с поступлением в Академию тыла и транспорта не принял и уволился в запас с выездом к семье на станцию Буряя Забайкальской железной дороги. В запасе проходил неоднократные военные сборы, получил звание «капитан». Много лет работал в строительных организациях Бурейского района, Бурейском райкоме КПСС, Совете народных депутатов. В 2003 году вернулся на железную дорогу, в Восстановительный поезд станции Буряя. С должности заместителя начальника восстановительного поезда в 2009 году уволился на пенсию. В 2016 году испытал тяжелую утрату. Умерла единственная дочь, а через 3 месяца – жена, не пережив такую потерю. Системным литературным творчеством начал заниматься с 2015 года. Оно и стало опорой в жизни после потери семьи. В 2019 году встретил близкого по духу и творчеству человека Камоско Ольгу Яковлевну и переехал в город Белогорск Амурской области. Вместе работают в общественных организациях, возглавляют литературное объединение Белогорского гарнизона.

Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия сыновья!» 2021 года.

ВАСИЛЕК

(отрывок из повести)

Василий Гончаренко, как лучший ученик класса, и моделист-конструктор, был допущен на экскурсию к военным летчикам. Сидя в учебной кабине самолета, трогал приборы и тумблеры руками, тихонько шевеля губами.

- А, полетать хочешь? – неожиданно спросил сержант.

- Да! – коротко выдохнул школьник.

- Тогда пошли, мня Олегом зовут!

Полет длился не долго, но Василий заметил, как менялись показания приборов и маленький самолетик на одном из них наклонялся вправо и влево от черного перекрестья. После полета летчик помог Василию выбраться из кабины и спуститься с крыла.

- Что молчишь, понравилось?

- Да! – коротко ответил Василий – А молчу потому, что хочу запомнить работу приборов и рычажков управления.

- Для чего?

- Хочу дома оборудовать тренировочную кабину самолета!

- Это сложно!

- Но я попробую.

- Желаю успеха!

Через месяц, летчик был поражён увиденным сооружением. Все было предельно точным, хотя изготавливалось из дерева. Усевшись в кресло, пошевелил штурвалом и педалями. Кабина наклонилась и приборы дрогнули. Самолетик авиагоризонта показал крен 30 градусов. Олег улыбнулся и сказал:

- Меня в город Свободный переводят, поэтому не скоро встретимся снова.

- А, что мне посоветуешь на прощание?

- Хорошо учи немецкий язык!

Молодые люди расстались, крепко пожав друг другу руки.

После окончания седьмого класса Василий Гончаренко поступил в Свободненский железнодорожный техникум и школу ОСОАВИАХИМ. Сначала занимался в парашютном кружке, а потом перешел в группу подготовки пилотов.

Весной 1940 года Василия отчислили из техникума в связи с призывом на действительную военную службу.

Темной морозной ночью, воинскую часть, в которой служил Василий, подняли по тревоге. Шла вторая неделя пути, а поезд продолжал движение на Запад.

Ночью 6 ноября поезд остановился надолго. Последовала команда на выгрузку. В свете редких огоньков карманных фонариков выгрузили технику и построились на ближайшей улице в походную колонну. Они поняли, что находятся в Москве. Утром начался Парад.

Пулеметчики шли в задних рядах, и, не обращая внимания на свою тяжелую ношу, снегопад, четко держали строй.

Через несколько часов дальневосточники уже окапывались на лесистых холмах Подмосковья. Командир отделения ставил задачу пулеметному расчету Василия.

- Патронов маловато будет! Нужно еще на 2 ленты! – сказал Василий.

- Хорошо, пришлю вам пару «цинков». Снаряжать будете сами.

По цепи передали команду:

- Отсекать пехоту!

Захлопали винтовочные выстрелы. Тёмные фигурки автоматчиков стали падать. Дальневосточники умели стрелять. Василий дал длинную пулеметную очередь в разрыв между танками. Пехота залегла, но танки продолжали движение. Один из танков шел прямо на их пулеметную точку. В голове мелькнула мысль, что сейчас эта стальная громадина сомнет их вместе с пулеметом. По спине пробежал холодок, но вспомнилось наставление капитана Иванова. Спокойно прицелился и дал три коротких очереди по смотровой щели механика-водителя. Танк дернулся, съехал в воронку и остановился. Громко грохнул выстрел из бронебойного ружья, и танк задымил черной струйкой дыма.

В воздухе завывали мины, падая и поднимая комья земли. С каждым залпом минометов, они падали все точнее. Похоже, было, что работает корректировщик. На одной из сосен, ветки выглядели не совсем естественно, и отсутствовал снег.

- Костя! Новую ленту! – скомандовал Василий своему напарнику.

Второй номер быстро подал коробку и открыл крышку. Откинув не дострелянную ленту, Василий заправил новую, лязгнув затвором и выпустил длинную пулеметную очередь по стволу подозрительной сосны. Полетели щепки, дерево затрещало и рухнуло на землю. Выстрелы из минометов стали менее точными, хотя продолжались с прежней

интенсивностью. Батарея стояла на обратном скате высоты, и артиллеристы не могли ее уничтожить. Второй номер открыл коробку с патронами и быстро пополнял не дострелянную ленту. Василий определил расстояние до высоты, задрал ствол пулемета вверх и выпустил две длинных пулеметных очереди бронебойно-зажигательных пуль. Миномётный налет прекратился, а через минуту, на обратном скате высоты ухнули два взрыва.

5 декабря 1941 года началось контрнаступление Красной Армии под Москвой.

В пехоте, среди моряков, даже танкистов искали тех, кто проходил летную подготовку в группах ОСОАВИАХИМа, чтобы направить на обучение в летные школы.

В середине марта Василий Иванович Гончаренко был направлен на Дальний Восток, в летную школу города Комсомольск –на- Амуре, где быстро приобрел необходимые знания и навыки.

В июле эшелон с самолетами и лётчиками отправили на фронт.

На горизонте показалась колонна отступающих войск и беженцев. На машинах ярко горели красные санитарные кресты. Крики «Воздух!» прозвучали одновременно с сигнальными ракетами. Василий быстро запрыгнул в кабину самолета, на ходу застегивая ремни парашюта. Взлетел сразу за своим ведущим. На госпитальную колонну с беженцами заходили немецкие бомбардировщики. Ведущий ЛаГГ-1 с ходу атаковал первый самолет, выпустив по нему пулеметную очередь, но и сам оказался под струей трассирующих пуль. Василий бросил свой самолет в атаку, прикрывая отход товарища, даже подбил второй бомбардировщик. Но его начали атаковать два Мессершмита. Пуля чиркнула по шлемофону и разбила переднее стекло фонаря. Василий бросил самолет в штопор, и фашисты решили, что с русским самолётом покончено. Но он вывел самолет из штопора, почти у самой земли и рванул вверх. Увидев зацепки на брюхе Мессершмита, ударил по ним из обоих пулеметов. Стервятник завалился на крыло и стал падать чадящим факелом. Другой Мессершмит развернулся и пошел на него. Василий нажал гашетку, но пулеметы молчали. Патроны кончились. Два самолета летели навстречу друг другу с максимальной скоростью. В последний момент у фашиста сдали нервы, и удар оказался скользким. Винт И-16 только рубанул по хвостовому оперению Мессершмита, нырнувшего вниз. Но этого оказалось достаточно, чтобы отправить его с небес на землю. Обломки винта и переднего стекла хлестко ударили по шлемофону Василия. Со лба потекла кровь, заливая глаза. Мотор самолета чихнул, затрясся и остановился. Самолет не горел, а только падал. Теряя сознание, летчик почувствовал себя мальчишкой, сидящим в самодельной кабине самолета на чердаке дома. Руки и ноги автоматически шевелились, выравнивая черный самолетик авиагоризонта. Самолет проскользил на брюхе по склону холма и замер на краю ржаного поля, не перевернувшись и не загоревшись. От санитарной машины к самолету, через поле бежали двое санитаров с носилками. Они успели вытащить летчика из машины, а один брызнул на лицо водой из фляжки, и стер кровь с глаз. Ему хотелось рассмотреть зрачки. Но веки дрогнули и один глаз открылся. Словно через вату, до Василия доносился голос санитаря:

- Как зовут тебя, герой?

Лицо санитаря постепенно выплывало из мутной пелены, становясь все более четким. Когда его укладывали на носилки, Василий увидел, знакомый с детства полевой цветок.

- Василек! – вполне разборчиво прошептал летчик.

В госпитале ему вручили орден Боевого Красного Знамени за первый воздушный бой. Общительный, жизнерадостный летчик быстро шел на поправку, а ласкательное имя «Василек» прилипло к нему, как кличка, до конца войны.

Вскоре Василий предстал перед членами медицинской комиссии. Они задавали много вопросов и внимательно листали документы. После короткого совещания, председатель комиссии сказал:

- Дальнейшие полеты на истребителях вам пока противопоказаны! Но, недалеко от авиационного завода организованы курсы летчиков для штурмовиков ИЛ-2. Скорость и высота полета этих машин значительно ниже. Можно допустить вас к этим курсам, если вы согласны. В другом случае, вас необходимо направить на долечивание и повторную комиссию.

- Я хочу летать сейчас! – коротко ответил Василий.

- Хорошо! Вот вам воинское предписание! Убываете, сегодня вечером! – спокойно сказал председатель комиссии, подписывая документы.

Собрав свои не хитрые пожитки, Василий отправился на новое место службы. Тяжелое, массивное тело с широкими крыльями и мощным шасси, значительно отличалось от легкого истребителя.

Зато авиационные пушки, пулеметы и реактивные снаряды вызывали уважение и восторг. Наши бойцы называли этот самолёт «Летающим танком», а фашисты «Черной смертью».

После нескольких полётов с инструктором, его допустили к самостоятельной работе. Многие приборы находились на привычных местах и отражали знакомые параметры.

Вскоре Василий уже летал в составе эскадрильи на штурмовку немецких позиций и коммуникаций. На самолетах стояли радиостанции с переговорными устройствами. Во время полета к русской речи иногда примешивались переговоры немецких летчиков. Василий очень хорошо знал немецкий язык, а, иногда, даже умело пародировал голоса немцев.

Фашисты вышли к Волге. Шли тяжелые бои в Сталинграде. Восьмая воздушная армия теряла самолеты и людей. Но тыл стабильно поставлял фронту новую технику. С многократно «заштопанной обшивкой» самолет «Василька» продолжал летать.

19 ноября 1942 года началось контрнаступление Красной Армии под Сталинградом. Восьмая и шестнадцатая воздушные армии поддерживали наступление наших войск, завоевывая господство в воздухе.

В одном из воздушных боев штурмовик «Василька» сбили, и ему пришлось спастись на парашюте. Приземлился удачно, в расположении наших войск, и вскоре снова поднялся в воздух на новом самолете. Он был двухместным. Штурмовики теперь летали с прикрытием истребителей, поэтому потери от нападения Мессершмитов стали реже.

Василий Гончаренко не раз слышал по радиации панические крики немецких наблюдателей: «Ахтунг, ахтунг, Ла фюнф ин дер люфт!» (Внимание, внимание, Ла-5 в воздухе!) Впрочем, неоднократно слышались сообщения и о штурмовиках. Но «Черная смерть» пролетала на бреющем полете быстро, не оставляя после себя ни одного опорного пункта и техники. Снаряды авиационных пушек легко пробивали верхнюю броню танков и самоходных орудий, а реактивные снаряды наводили вообще панический ужас.

Однажды поступила информация, что во время стремительного рейда танкового полка был захвачен большой немецкий аэродром. На него решили перебазировать эскадрилью штурмовиков и истребителей, чтобы с утра поддержать наступление пехотного полка. Для обеспечения быстрого захвата железнодорожного узла полку предстояло занять господствующие высоты. Без поддержки с воздуха, штурмовать долговременные огневые точки, было просто невозможно.

Василий, покидая прежнее место базирования, всегда старался захватить с собой то, что могло пригодиться на новом месте.

Подлетая к новому аэродрому, летчик всегда делал широкий облет, стараясь запомнить наземные ориентиры. В этот раз, еще издали, заметил высокую колокольню. «Отличный ориентир!» - подумал Василий, разворачиваясь в сторону колокольни, чтобы лучше ее рассмотреть. Прочная кирпичная кладка не имела трещин, хотя местами была повреждена пулями и снарядами. Уже разворачиваясь в сторону аэродрома, заметил на колокольне маленькую белую искорку. «Снайпер или наблюдатель? Чей он?» - подумал летчик и решил повторить облет. Но никаких стекол или блестящих вещей заметить не

удалось. Посадив самолет, оставил его на краю летного поля, и сразу отправился к командиру, чтобы доложить о своих наблюдениях. Но тот только отмахнулся:

- Ладно, перезвоню пехотинцам, пусть проверят! А ты лучше займись размещением своего самолета, а то уже все места вакантные заняли истребители!

- А, мне где размещаться?

- В любом месте! Лишь бы сигнальную ракету видел! Мы взлетаем первыми, истребители за нами.

Разместится, действительно, было негде. Саперы подсказали, что они разминировали бетонный капонир в восточной части аэродрома.

- Занимайте «квартиру», если поместитесь! – предложил молоденький лейтенант – мы тоже рядом размещаемся.

Василий подогнал свой штурмовик к капониру и заглушил мотор. В капонир шел пологий бетонный пандус. Закатывали самолет вручную, страхуя веревкой и деревянными башмаками, подкладываемыми под колеса шасси. Провозились долго. На улице быстро наступили сумерки, а в капонире, под бетонной крышей, вообще стоял мрак. В свете карманных фонариков пришлось подвешивать реактивные снаряды, заливать ведрами бензин, заряжать авиационные пушки.

- Как ты с такой нагрузкой взлетать будешь? – поинтересовался один из саперов.

- Нормально! Вырулить на взлетную полосу по бетону, силы хватит, а дальше, тем более.

Небо на Востоке стало светлеть, и вскоре над аэродромом повис огромный диск луны.

- Светит, как прожектор! – воскликнул авиационный механик, глядя в небо – Как бы самолеты не налетели!

- Не налетят! За небом следят «слухачи» и «зенитчицы»! – ответил ему пожилой сапер.

- У девчат в это время ветер в голове гуляет!

- Не согласен! У нас в части девчата достойно служат! А ночью у них зрение, как у кошек. В соседней части на фанерных По-2 летают.

- Не серьезный самолет!

- А, помнишь, как они за один налет 50 «Тигров» кумулятивными бомбочками уничтожили, когда другие самолеты не могли летать из-за низкой облачности. Не зря их «Ночными ведьмами» называют.

- Это было! А сейчас «видимость почти на миллион»! Могут фашисты свои самолеты послать! У них тоже хитрости, да и подлости хватает!

Опасения не были напрасными. На участке фронта у фашистов находилась батарея тяжелых дальнобойных орудий.

Василий остался ночевать в капонире, под крылом своего штурмовика. В четыре часа утра, земля содрогнулась от тяжелого грохота. Первая мысль была, что начался налет вражеской авиации, но это рвались снаряды дальнобойной артиллерии. Они крушили самолеты на стоянке, взлетно-посадочную полосу и аэродромные постройки. В свете горящих машин и бочек с горючим по аэродрому металась люда. С противным шелестом прилетали новые снаряды, подбрасывая в воздух куски бетона, обломки самолетов и тела людей. Налет продолжался всего 30 минут, но последствия его были ужасными. К аэродрому примчались санитарные машины, чтобы оказать помощь раненым. Тела убитых оставляли пока на месте. Вся взлетно-посадочная полоса была изрыта воронками. Большинство самолетов имели повреждения. Но взлететь по такой полосе не могли даже истребители. В воздухе загудел немецкий самолет-разведчик «Фоке Вульф - 189». За его конструкцию, многие называли этот самолёт «Рамой».

Василий забрался в кабину своего штурмовика и включил радиостанцию на немецкую волну. Вражеский наблюдатель докладывал, что разрушения на аэродроме

огромные и ни один самолет не сможет с него взлететь в течение суток. Саперы и все, кто мог двигаться, лихорадочно засыпали и трамбовали воронки на взлетно-посадочной полосе. В полку пехотинцев уже знали о трагедии на аэродроме. Начало наступления на высоту откладывалось на неопределенное время. Связь с аэродромом восстановили, и командование требовало немедленной авиационной поддержки.

С запада на пехотный полк под прикрытием истребителей надвигалась черная туча немецких бомбардировщиков. Самолеты шли плотным строем на низкой высоте. Пехотинцы с тоской смотрели на небо. Готовясь к наступлению, они не успели хорошо окопаться и теперь понимали, что под бомбами многие из них найдут свою смерть.

Над аэродромом взлетела сигнальная ракета. Василий видел, что взлетно-посадочная полоса еще не готова для взлета. Но сигнал, это – приказ, а приказы он привык выполнять. В голове мелькнул отчаянный план. Из самолета выбросил все, что можно, вплоть до парашюта. Схватил веревку и стал привязывать хвост самолета к металлической балке, замурованной в бетонную стену. «Технар» недоуменно смотрел на его лихорадочные действия.

- Полечу без стрелка! Одень противогаз и стань около верёвки с топором! Как только махну фонариком, руби веревку! – приказал Василий, вынимая колодки из-под колес.

- Так и сделаю! – ответил Максим, еще не совсем понимая, что собирается делать «Василек».

А тот запустил мотор, зажал тормоза и продолжал поднимать обороты мотора. Наконец в темном облаке пыли мелькнул свет электрического фонарика. Максим изо всей силы рубанул по веревке, натянутой, как струна. Самолет вылетел из капонира, как пробка из бутылки шампанского, и полетел поперек полосы, постепенно набирая высоту.

Василий стал убирать шасси, и как раз вовремя. Под брюхом штурмовика мелькнули обломки здания и поваленные деревья. Теперь с полным боевым оснащением штурмовик летел на помощь стрелковому полку. В задние стекла фонаря ярко светило восходящее солнце.

Пехотинцы услышали гул самолета с востока. Но краснозвездный самолетик был один.

- Один в поле не воин! – горестно вздохнул майор, глядя в небо.

Но дальше произошло то, что никто не мог себе представить. Штурмовик летел со стороны солнца, и ему удалось приблизиться к армаде бомбардировщиков на расстояние около километра. Его заметили, но строй не меняли. Что мог сделать одинокий самолет?

«Василек» дал залп реактивными снарядами по армаде бомбардировщиков. У двух «Юнкерсов» сдетонировали бомбы от прямого попадания, и они разлетелись на куски. Осколки сбили ещё три самолета. Остальные «Юнкерсы» стали быстро сбрасывать бомбы. Смертоносный груз сыпался прямо на высоту, на головы фашистов.

Два истребителя развернулись и стали заходить в хвост штурмовику. Казалось, что «Василек» обречен. Неожиданно штурмовик выпустил шасси и тормозные решетки. Скорость резко упала, самолет «провалился вниз» и истребители проскочили вперед. Приподняв нос самолета, Василий ударил по ним изо всех авиационных пушек. Один из истребителей закадил дымным факелом, а другой развалился на куски в воздухе.

В радиостанции слышалась немецкая речь: «Вас из даз?» (Что это?). Таким же голосом, на чистом немецком языке, Василий прокричал: «Это - дьявол! Я сам видел у него хвост! Спасайтесь, кто может!» На заднем колесе шасси, действительно, трепыхался обрывок веревки, напоминая хвост черта.

В наушниках послышались панические крики: «Цурюк! Цурюк!» (Назад, назад!) и вся грозная армада повернула на запад.

Немецкие летчики, ошарашенные таким ударом одиночного самолета, действительно, увидели в нем Вельзевула.

Зато наши бойцы приняли штурмовик за спасительного ангела, сошедшего с небес.

Пехотный майор приподнялся над бруствером окопа:

- Братцы! Один самолетик сбил на наших глазах семь фашистских стервятников, а остальных повернул вспять. Но он один, а нас много, и мы сила! Ура, товарищи, бей фашистскую гадину! Вперед, в атаку!

Все солдаты поднялись в полный рост и устремились к вершине высоты.

Деморализованные увиденным, воздушным боем, оглушенные бомбардировкой, фашисты не оказали сильного сопротивления наступающим. Высота была взята с минимальными потерями.

Израсходовав боеприпасы, штурмовик возвращался на аэродром. Но сесть на него не мог. Пришлось садиться на поле, не выпуская шасси. Василий открыл фонарь и стал снижаться. Винт рубанул землю, веревка захлестнулась за поваленное дерево и оторвала обшивку руля. По плоскостям ударили сучья, самолет подбросило на неровностях почвы, и Василий вылетел из кабины.

Упал удачно, на остатки прошлогодней скирды сена. Остался жив, но потерял сознание. Его обнаружили через час и отправили в госпиталь.

В это время на аэродроме заканчивали восстановление взлетно-посадочной полосы и ремонтировали самолеты, имеющие небольшие повреждения. Заместитель командира авиационного соединения, приняв на себя командование, носился по аэродрому, как угорелый.

Телефонист позвал его к телефону. Звонил «Первый». С холодком в спине взял телефонную трубку, ожидая разноса.

Командира авиационного соединения арестовали, за непринятие мер по докладу «Василька», насчет колокольни. Теперь наступал его черед.

- Поздравляю с успешным выполнением боевой задачи! – прозвучал в трубке приятный баритон.

- Да, я... – начал оправдываться майор.

- Не скромничай! Без прикрытия истребителей действовал отлично! Высоту пехотинцы взяли с минимальными потерями! Предоставь рапорт на всех отличившихся и погибших, а также потерях материальной части. На тебя я сам сделаю представление. Молодец!

Голос в трубке замолчал, а ошарашенный майор несколько минут не мог прийти в себя. Насколько он помнил, взлетал только штурмовик «Василька». На аэродром он не вернулся и никаких сведений о нем не было.

Возник план, расписать одну победу на всех погибших. А, уничтоженные на аэродроме самолеты, – на боевые потери.

Командир пехотного полка написал рапорт о воздушном бое, произошедшем над стратегической высотой. Но никто не мог поверить, что штурмовик в одном воздушном бою сбил 7 самолетов противника. Представление на звание Героя Советского Союза мог отправить только командир авиационного соединения. Старого командира уже не было, а новый командир знал о бое со слов пехотинцев, и тоже не мог поверить в победу «Дьявола с хвостом».

Позже, за воздушный бой «Василька» наградили орденом Отечественной войны. О его беспримерном подвиге ходили легенды. Некоторые очевидцы боя, считали, что таких летчиков нужно награждать сразу двумя звездами Героя Советского Союза. Но у воинской канцелярии действовали свои законы случайностей.

Василий мечтал снова летать, но врачи были категорически против. Последствия двух неудачных посадок сильно сказались на здоровье летчика. И хотя Василий относился к ходячим больным, до выписки было далеко. Однажды в госпиталь привезли раненого немецкого генерала. Генерал был в сознании, но жить ему оставалось немного. Перевозить раненого в Москву было невозможно. Решили допросить на месте. Хорошего переводчика не было, а неточности перевода могли стоить жизни многим воинам. Проходя по коридору,

Василий услышал, как в палате орал нерадивый переводчик, пытаясь понять сообщение генерала. Немец тоже повышал голос, теряя последние силы. У двери стояли двое солдат «Смерша» (сокращенное название специального подразделения «Смерть шпионам»). Не выдержав, Василий произнес знакомую с детства фразу:

- Вот орут, не понимая друг друга! Один про Фому, другой про Ерему.

- А, ты что, немецкий язык хорошо знаешь?

- Вполне сносно!

- Откуда сам?

- Из летчиков! Здесь на лечении!

- Ты, случайно не из штурмовиков, которые немецких бомбардировщиков разогнали?

- Из них!

- Тогда пошли, поможешь с переводом!

Василий обратился к генералу на чистом немецком языке, без акцента:

- Как себя чувствуете, господин генерал?

- Неважно! Силы покидают меня! Война для меня закончилась! Сожалею, что поддержал авантюру Гитлера! У меня только одна мечта, чтобы война поскорее закончилась, и мои дети остались живы. Вот фотография моей семьи. В центре сын Ганс.

- Где они живут?

- В городке Шаталлупенен, в Восточной Пруссии. Я готов рассказать все, что знаю. Может быть, это приблизит конец войны. У вас тоже прусский акцент. Даст бог, вам удастся передать привет моей семье. Я напишу записку.

Лейтенант «Смерша» насторожился, забрал фотографию и подозрительно посмотрел на Василия.

- О чем вы с ним говорили?

- Он воспринимает меня, как пленного немца, перешедшего на сторону Советской Армии, показал фотографию своей семьи, и готов рассказать все, что ему известно.

- Это хорошо! Но впредь переводите только наши вопросы и его ответы, без всякой отсебятины!

- Есть! – коротко ответил Василий.

В палату пригласили стенографиста и допрос продолжился. Генерал, действительно, дал ценные сведения. Они подтверждались другими данными разведки.

Так, «Василек» снова вернулся с небес на землю. Разведчики люди ушлые, кличку нового бойца узнали и приняли, как позывной.



Владимир Адамович Гуд.

Родился в 1956 году в Белоруссии. Окончил Военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова в Ленинграде в 1980 году. Служил на Краснознаменном Черноморском флоте на различных офицерских и командных должностях. Находился в длительных служебных командировках в «горячих» точках: Афганистан, Абхазия, Африка, Чечня.

После увольнения в запас в 2001 году, живет в Санкт-Петербурге. Работал в медицине, журналистике, известен, как фотохудожник.

Член Союза писателей России с 2012 года. Автор 11 книг стихов и прозы.

Рассказы «Половина шоколадки», «Славики из мглы»,

«Кипарисовый тоннель», «Восьмой гном», «Ужин в пустыне Регистан», «Мамино варенье», «Дева-Богиня», «Сход с эскалатора», «Вальс на автостраде» и другие принесли автору известность в стране и за границей.

Подполковник медицинской службы в отставке.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2020 года.

ЗЕМЛЯ У НАС ОДНА

АВТОПОРТРЕТ

Вот и зрелость пришла.. Здравствуй, возраст Христа!
Эта тропка в снегу холодна и чиста,
Это пищет, сходя от волнения с ума,
Ученическим почерком хвои зима
Бесконечную, грустную повесть о том,
Как один человек оставлял “на потом”
Все земные дела ради призрачных дел.
Он еще над пустыней чужой не летел...
Над горячей пустыней — чужой стороной.
Ослепит его снег. Опалит его зной.
И по грозному небу. В Россию назад
Перелетные письма его полетят
Сквозь тротилом оплавленные облака...
Это все у него впереди.. А пока
Он наивен и юн. Он не знает, как жить
И у Господа просит себя сохранить
Ради будущих книг, ради юной жены
От сумы, от тюрьмы, от афганской войны...

ПОЛЕТ НА ВОЙНУ

Летим в Кабул!

Сказал пилот
Не радуя прогнозам,
Что серый этот самолет
Зовется “скотовозом”.

- Садитесь на дорожный скарб!
Здесь — не палата пэров!
В гермокабину — только баб
И старших офицеров

И мы, не “старшие” еще,
И не из “пэров” родом
Летим в Кабул — к плечу плечо

И дышим кислородом
Из общей маски..
— Эй, ку-ку!
Уснувшим будет плохо!
Как тюлька в собственном соку
Из выдохов и вдохов
Летим - живые “шурави”
В сквозной метеоступке.
Но, слава Богу, не в крови,
Не в цинковой скорлупке.
Не мясо, не металлолом...

И матом гоним дрему,
Летим в отсеке нежилом
Семь тысяч метров под крылом
Семь тысяч верст до дома...

КОРРЕКТИРОВЩИК ОГНЯ

По склонам гор клубятся облака.
И дождик шелестит в холодной роще.
Уже темно, в столовой артполка
Холодный ужин ест корректировщик.

Бушлат пропитан пылью, не пылью,
И я гляжу немного удивленно
На юное безусое лицо,
На взрослые майорские погоны.

Мигает свет, тускнея и слепя...
Он говорит о прошлом без волнения:
Два ордена - за вызов “на себя”
И красная нашивка — за раненье.

Он говорит, что дважды был в огне,
Что завтра надо быть на дальней “точке”,
А думает о том, что столько дней
Вдали от дома, от жены и дочки...

Вдвоем идем во мгле, сквозь дождь и он
Прощается со мной у общежитья,
Диктует ленинградский телефон
И просит: “Неприменно позвоните!

Хоть из Ташкента... Очень ждет жена.
Подробно, сами знаете, не надо...
Земля у нас одна... И связь одна.
Любым приветам дома будут рады...”

...Иду на свет далекого окна,
Я этот телефон не потеряю.
Я вновь шепчу: “Земля у нас одна!...”
“И связь — одна!” - упрямо повторяю.

А ночь вокруг, как мина — только тронь!
И все во мне подчинено порыву,
Как будто вызвал на себя огонь
И жду мгновенья первого разрыва.

И ждут враги... (Их участь несладка).
И ждут друзья, когда мой пост ответит.
И ждут междугородного звонка
Жена и дочь на Лиговском проспекте.

ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР

В ташкентском аэропорту
Гудит страстей обвал.
Берем в пыли, берем в поту
Последний перевал.

Полет закончился - и вот
Порог родной страны.
Идет таможенный досмотр
Вернувшихся с войны.

Идут минуты и часы.
И просьба, как приказ.
Нам паспорта клеймят, и псы
Обыскивают нас.

Мы знаем, этот труд не мед
Формальности нужны.

Идет таможенный досмотр
Вернувшихся с войны.

В глазах контуженного злость:
— Зачем вам мой башмак!
Просветят чемодан насквозь,
Как будто ищут рак.

Возьмут излишки “В оборот”
У фронтовой жены.
Идет таможенный досмотр
Вернувшихся с войны.

Ты в рукопашном был бою.
Ты видел смерть. А тут
Шутя, из тюбика твою
Зубную пасту жмут.

Кривит сержант- десантник рот:
— У-у-у, сукины сыны!
Идет таможенный досмотр
Вернувшихся с войны.

И мы чисты не все подряд.
Обманчив внешний вид.
У нас находят, говорят,
Гашиш и лазурит.

В семье скрывается урод.
И потому должны
Пройти таможенный досмотр
Пришедшие с войны.

Закон для всех. Его не тронь!
Но есть бесчестья грань,
Где лезут пальцы под погон
И вывернут карман.

Разденут до... Залезут в рот.
Врываясь в наши сны,
Который год,
Который год
Идет таможенный досмотр
Вернувшихся с войны...

В ШИНДАНДСКОМ МОРГЕ

На цинковых столах, вне суеты
Убитые спокойны и чисты.
Вот-вот с недостижимой высоты
Скользнет на них надежды тонкий лучик.

У Смерти тоже конкурс красоты —
Война и Смерть не знают доброты,
Равняют всех у роковой черты,
Но непременно выбирают лучших.

БАЛЛАДА О ВЗВОДНОМ

Завтра будет убит
Взводный Ваня Здоровых.
А пока он сидит
В офицерской столовой.

И румянцем цветет
Возле повара Кати
И перловку жует
Со ставридой в томате.

Вентилятор гудит.
В зной распахнуты рамы.
Два письма на груди —
От сестренки и мамы.

И в поту поборов
Остывающий завтрак,
Взводный думает вновь,
Что напишет им завтра.

А сегодня опять
(Отдохнуть в тишине бы!)
Огневая... И плац
Под расплавленным небом.

И в казарму идет
Взводный, шурясь от света,
И не знает, что взвод
Бросят в бой ночью этой.

И ударит вот тут —
Где письмо от сестренки...
На руках понесут,
Отошлют похоронку.

...Далеко от войны
Спит, навек успокоясь
Ванька-взводный страны,
Покоряющий космос.

Спит, не помня о зле,
Ни о чем не жалея,
Спит в сибирской земле,
На “афганской” аллее.

Друг прервал разговор.
В тишине над рекою
Наш рыбацкий костер
Пережевывал хвою.

И закату вдогон
Дым струился сквозь ветки.
И летели в огонь
Мотыльки-однодневки....

Над кандагарскою дорогою
Непреходящий саван пыли...
Зачем я снова память трогаю,
Желая, чтоб меня любили?!

Не для строки, не для реляции —
В панельной выгородке счастья,
Где ленкоранские акации
Сплели над окнами запястья,

Где поцелуй и объятья
Сплелись с прощальной тишиною...
А здесь — страдания и проклятия
Людей, помеченных Войною.

А здесь Аллах — палач и суженный
Грозит четырнадцатым веком.
И кто-то доживет до ужина,
И кто-то выживет .. калекой.

...Быть может, Смерть над нами сжалится?
Пылит дорога до Фараха,
И на броне трясушей жарится
“Бифштекс” предчувствия и страха,
Кровавый... С мыслию убогою —
Чтоб дома помнили, любили...

Зачем я снова память трогаю?
Над кандагарскою дорогою
Непреходящий саван пыли...

И сплетенье сухих стебельков,
И радар на песчаном откосе...
Этот рейдовый сбор облаков
На Земле называется осень.

В гарнизон возвращались, устав,
И встречало нас окон свечение.
И летела в ладони листва,
Словно карточки оповещения.

Будто вновь, после залповых гроз.
Вечный вызов искал меня снова.
От сырых полигонных берез,
От далекого отчего крова...

Холодеющий росчерк луча
На стекле все багровей и уже...
Поднимали машины, урча
Облака, отраженные в лужах.

Из кюветов осенняя мгла
На дорогу ползла постепенно
И лиловая туча была,
Как шинельная скатка Вселенной.

И ощупывал воздух радар...
Впереди, на проселочной стыни
Сутки марша. Внезапный удар.
И объятия сконфуженных “синих”...

Ночь... Качание тронутых осенью крон
Над дорогой — туманная роздымь.
Только две колеи, как просветы погон.
Только встречные фары, как звезды.

Ночь. Колонна на марше. У сердца конверт,
Не отправленный в дальней дороге.
Ночь. На этой земле выше звания нет
Человека Любви и Тревоги...

Тяжелые веки, ресницы.
Попутной машины не ждем.
Под утро с ракетных позиций
Идем через лес под дождем.

Подлесок растрепанный редкий
Листвою бросается вслед.
И мыслей об отдыхе нет...
Как тумблеры, щелкают ветки.

Недолги сборы. Свет не зажигать!
И даже не присесть перед дорогой.
В квартирной мгле пульсирует опять
Семейный круг, разомкнутый тревогой

Осваивая заданный маршрут,
Где ветви темноту и дождь связуют,
В ночи оповестители бегут
И карточки на лестницах тасуют

Сигналит мне машина под окном.
Сынишка спит, спокоен и наивен.
И жабрами подъездов дышит дом,
Нас выпуская в предрассветный ливень.

После красных ракет — по домам.
Под ногами белеет бетонка.
Звездный купол светлеет и звонко
Тишина отвечает шагам:
“После красных ракет — по домам!...”
Есть сугубо мужская работа.
Есть сигнал к окончанию полетов.
Нет сигнала к спокойствию нам.
Незаметно бледнеет луна.
Разминаем усталые ноги.
После красных ракет — тишина...
До рассвета?
До новой тревоги?

И опять для меня этой ночью покоя не стало.
За оконным стеклом пробежала по лужицам рябь.
Дождь на крышу обрушился топотом ног по металлу.
Я вскочил по тревоге, проснулся и ... вспомнил корабль.

Наяву фонари. У подъезда — укатанный щебень
И безлюдный бульвар.

Но навстречу в кипении волн
Плыл не угол соседнего дома, а острый форштевень.
Пальцы сжали не плед, а сырой орудийный чехол.
Наяву — листопад, начинавшийся обыкновенно.
Отчий дом наяву.

Но не зная, что я отпускной,
Чуткой “снисовской” мачтой на крыше дрожала антенна.
Тьма грозила из форточки хлынуть забортной водой.

Наяву засыпал, озадаченный связью такою.
Приближался рассвет, где авралов и вымпелов нет,
Где будильник звучал, а не колокол громкого боя.
Но почудился снова спасательный флотский жилет
На дорожном рабочем, когда из троллейбусной двери,
Выходил на проспект. И потом, в окруженье друзей,
Не хватало весь день ожидания схода на берег.
Наяву. Вдалеке от готовых в поход кораблей.

С первым снегом, город детства!
Что еще сегодня надо?
И куда еще мне деться?...
За кладбищенской оградой
С непокрытой головою
Жди, покуда не признаешь,
Что кружится над тобою,
Ставший облаком, товарищ.
Уплывает...

А далече?

Вот он виден еле-еле.
Хвойный запах. Зимний вечер,
Сосны красные шинели
Запахнули аккуратно,
Впереди белеет тропка,
Уводя тебя обратно
Молчаливо. Неторопко.
Ты прохожих знать не знаешь,
Но известен почему-то.
И рассеянно киваешь
На приветствие кому-то.
Окна вспыхивают редко.
И друзей за ними нету...
Пешкой, движешься по клеткам
Тьмы и света...
Тьмы и света...

РЕЧКА ДЕТСТВА

Ряды картофельной ботвы
В тумане тонут...
Фамильным серебром плотвы
Наполнен омут.

Камыш у берега продрог —
Не отогреться.
И солнца красный поплавок
Над речкой детства

С порога медленного дня
В начале мая
Всплывает, и плывет, меня,
Не узнавая...

Обретать на года, на века
Между прошлым и будущим связь
Уплывают в моря облака,
В речке детства покачиваясь.

Будто ранен и выжить нельзя,
И в бреду повторяешь одно,
И выносят из боя друзья
На прозрачных носилках. И дно,

Прорастая травой голубой,
Словно перегоревший софит,
Чуть отсвечивает под тобой
И пугливой рыбешкой блестит...



Ильяс Дильшатович Дауди.

Родился 29 января 1967 года в г. Азнакаево Татарской АССР. С отличием окончил Азнакаевскую среднюю школу. Кандидат в мастера спорта по боксу. В 1984 году поступил в Московский институт нефти и газа имени Губкина И.М., откуда был призван в ряды Советской Армии для прохождения службы в Республике Афганистан. Принимал участие в боевых действиях, был тяжело ранен. Герой России, награжден двумя орденами «Красной Звезды», медалями.

В 1987 году восстановился в институт, который окончил в 1991 году. Стоял у истоков создания и принимал активное участие в деятельности ведущих российских общественных организаций ветеранов и инвалидов Афганской войны.

В 2012 году с отличием окончил факультет национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС).

Член Союза писателей России, автор документальной книги «Большая игра в Афганистан» (2021); военных повестей: «Мы все вернемся!»; «Не парадным коридором»; «Цугцванг обер-лейтенанта Бруно Тевса», многих эссе и рассказов об Афганской (1979-1989) и Великой Отечественной войне (1941-1945). Автор военно-исторического романа «В круге Кундузском», главы публиковались в российских литературно-художественных журналах: «Невский альманах», «Берега», «Русское поле», «Белая скала», «Бийский вестник», «Дон», «Гостиный двор», «Литкультпривет», «Казань», «Крым», «Аргамак», «Истоки», «Новая Немига литературная» и других изданиях.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2017 г.

ИЗ ПОВЕСТИ «МЫ ВСЕ ВЕРНЕМСЯ!»

АЭРОДРОМ ГЕРАТ. АФГАНИСТАН. 26 августа 1986 года — ИТОГОВЫЙ ДЕНЬ ОПЕРАЦИИ «ЗАПАДНЯ»

На взлетно-посадочную полосу аэродрома, один за другим, приземлялись вертолеты Ми-8МТ, возвращавшие из района операции боевые роты. Тем, кому повезло — кто не погиб и не был ранен, — предстояло возвращение бортами Ан-12 в пункт постоянной дислокации в провинцию Кундуз. Разведчики расположились перед командно-диспетчерским пунктом КДП на пятачке, где провели ночь перед десантированием. Они вспоминали напряженные дни операции и выбывших боевых товарищей. Повидаться с эвакуированными в госпиталь ранеными Рустом и Сидором по возвращению в Герат Костру не удалось, и мысль о том, что встреча с ними в Афганистане судьба уже не сулила, зело бередила. Желая отстраниться от мирской суеты, он раскинулся в сторонке на плащ-палатке, положил за спину свой, Руста и Сидора рюкзаки, достал транзистор SANYO и, настроив на рабочую волну, впал в раздумье. Костра удручало, что из дружной шестерки товарищей в строю остался лишь он один. Перед глазами, друг за другом, представляли пятеро друзей — Руст, Сидор, Костян, Монгол и Стрела. Костер вспомнил их между собой потасовку в поезде на пути в Сурхандарью,

послужившую знакомству, и как всех их по прибытию в воинскую часть отобрали в учебную разведывательную роту; три тяжелых месяца в учебке и совместное участие в череде операций Афганской войны. Вспомнились Костру драматические события прошлого дня — рассказ Руста о безногом деде Ахмадулле, его поутру подрыв на mine, прошитый пулей Сидор и переданная им в горах Кишима спасительная фляжка воды. Из непрерывного потока воспоминаний Костра вернула неожиданно начавшая звучать хорошо запомнившаяся песня авторов Стаса Намина и Игоря Шаферана «Мы желаем счастья вам»:

...Чтобы было легче в трудный час,
Нужно верить каждому из нас,
Нужно верить каждому,
В то, что счастье есть...

СПУСТЯ 8 МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ СИДОРА, КОСТРА И РУСТА ИЗ АФГАНИСТАНА

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД — середина лета 1987 года

Друзья, Сидор — Сергей Сидоренко, Руст — Рустам Тукаев и Костер — Иван Костров в ноябре 1986 года вернулись с Афганской войны и, окунувшись в мирную жизнь, начали налаживать быт. Сидор — кавалер ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За Отвагу», пользуясь преференцией ветерана войны, поступил на рабфак исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Руст, пройдя вместе с ним череду госпиталей в Афганистане и Ташкенте, встал на протезы и восстановился на первый курс экономического факультета Московского института нефти и газа им И.М. Губкина, откуда призывался в армию. А Костер, отмеченный двумя орденами «Красной Звезды», возвращаться в институт, откуда призывался в Армию, не стал, а решил поступить в Высшую школу КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. По предложению Руста в дни студенческих каникул друзья решили навестить в Ленинграде маму погибшего Стрелы — Людмилу Васильевну. Она приезжала к сыну в Сурхандарью на присягу и угощала всех шестерых — Костяна, Монгола, Стрелу, Руста, Костра и Сидора, купленными в местной базарной чайхане самсой и пловом. Поездка осложнялась тем, что записная книжка, содержащая домашние телефон и адрес Стрелы, была утрачена раненым Рустом вместе с разрезанным медиками маскхалатом перед хирургической операцией в гарнизонном госпитале Шинданда. В его памяти, после перенесенной вместе с ранением, тяжелой контузии, сохранилось лишь то, что жил Стрела на Полюстровском проспекте. Номер его дома, по отрывочным воспоминаниям, был то ли 20, а квартира 25, то ли наоборот, а может, и ни то, и ни другое.

Как бы то ни было, Руст, Сидор и Костёр, сев в поезд Москва-Ленинград тронулись в путь. Они заняли отдельное купе и, проговорив в пути всю ночь, утром прибыли на Московский вокзал северной столицы. Город встретил пасмурной погодой. На площади перед вокзалом, выстроившись в ряд, стояло десятка два такси со светящимися зелеными огоньками. Одеты в модные по времени джинсы и куртки MONTANA и USTOP, купленные в афганских дуكانах, в кроссовках ROMIKA и Adidas, с яркими спортивными сумками наперевес, друзья привлекли внимание тшедушного, курносого, в потертой кожаной куртке и несуразной оранжевой кепке таксиста.

— Куда ехать?! — спросил он с прищуром, цвиркнув в сторону.

— Полюстровский проспект, — с нежеланием ответил Руст, оценив моветон таксиста.

Название проспекта было единственным, что он помнил твердо.

— Какой дом? — спросил таксист.

— Давай пока на Полюстровский, — дал целеуказание Костёр, — а там будет видно. Начнём с дома 20!

Таксист поглядел на друзей с опаской и указал на свою белую Волгу ГАЗ-24 с шашечками. Руст сел вперед, Сидор и Костер на заднее сиденье. После сорока минут езды по широким проспектам и улицам Ленинграда такси въехало в безлюдную заброшенную промышленную зону со старинными, с царских времен, буро-кирпичными домами, с ожидавшими переселения жильцами. Друзья одновременно насторожились.

— Ты куда нас везешь?! — с напором спросил Сидор.

— Так срежем. Путь будет короче, — ответил таксист, заметно егозя.

Проехав еще немного, он остановил машину у железной телефонной будки и, посетовав, что забыл что-то выключить дома, отпросился срочно позвонить. Сняв трубку и начав с кем-то говорить, он отвернулся. Через некоторое время повернулся, пристально поглядел на ожидавших в машине друзей и, будто проведя рекогносцировку, кому-то о них доложил.

Друзья не ждали подвоха, пока четверо крепких молодцев, скоро вышедших из подъезда и обежавших вокруг такси, резко не открыли передние и задние двери, и не приставили к горлу каждого из друзей финские ножи:

— Деньги и ценности, выкладываем быстро! — прогорланил один из налетчиков. — Иначе порежем на ремни!

Паузы не было. Сидор, Костер и Руст мгновенно мобилизовались, крепко схватив налетчиков за руки и, затянув в салон такси, начали жестоко бить и душить. Четвертый член гоп-компании — акаренок, сунувшийся в салон через водительскую дверь, тщетно старался нанести удары по молотившим его корешей кулаками и головами, Костру и Сидору, а затем разжать руки Руста, заключившего в клещи и заставившего хрипеть от удушья третьего подельника. Таксист с ужасом наблюдал за происходившим из телефонной будки. Драка внутри автомобиля вскоре перенеслась на тротуар, где, спустя пять минут, Сидор добивал крайнего налетчика, лицо которого напоминало мякоть переспевшего арбуза. Трое его подельников, к тому времени обработанные Костром и Рустом, смирились с разгромом и, бросив кореша, хромая, держась за бока и вытирая с лица кровь, поспешно удалились. Как только сковники покинули место нападения, из окон завешанного сохнувшим бельём дома послышался женский крик: «Бандиты! Ты посмотри, что среди бела дня делают, а?! Сейчас в милицию позвоним!»

— Вакханалия! — отметил Костер, сплюнув на тротуар кровавую слюну.

— Видел бы покойный Стрела, как его родной Ленинград принимает ратных наперсников, непременно огорчился бы! — пригорюнился Сидор.

За этим разговором к машине вернулся таксист. Он был в смятении от неожиданного исхода и, не сумев скрыть возбуждение, подтвердил подозрение друзей в своей причастности к налету.

— Что, штопарь-закоульщик, привез нас на гоп-стоп?! — припер его Сидор. — Ты у них за тиуна?!

В ответ таксист стал без умолку лотошить, скабрёзно кляня приневоливших его басивал.

— Будешь теперь, бисова нэвира возить нас по городу нашармака, пока не отыщем искомого адреса или наш крепко контуженый споборитель впрасол вдруг не встямится! Или нам огулом заслатся на съезжий двор?! Выбирай, клеветрет презренный!

Таксист благоразумно выбрал первое. Друзья заехали сначала на Полюстровский проспект дом 20 квартира 25, потом в дом 25 квартира 20, а затем еще и по другим со схожими цифрами 0,2,5, адресам, но не находили квартиры Стрельцовых. При проверке очередного места, друзья, направлявшиеся к подъезду дома, услышали за спиной визг шин, рванувшего с места такси.

— Сбросил кандалы, ракалия! — пошутил Сидор.

— Вот незадача! — затужил Костер.

— Надо искать районный военкомат, к которому прикреплен Полюстровский проспект, — домкнул Руст.

— Верная мысль! — поддержал Сидор.

Узнав от одного из прохожих адрес ближайшего РВК, друзья тотчас направились в путь. Уже через пятнадцать минут они стояли у дверей военкомата.

Наступил вечер пятницы. Рабочий день к тому времени уже закончился, дверь в РВК была заперта и на стук никто не отвечал. Друзья обошли здание с тыльной стороны и, обнаружив служебный вход, постучались. Из-за двери без политеса коротко спросили:

— Чего надо?!

— Здравствуйте! Мы ветераны-афганцы. Приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане нашего товарища, — громко проговорил Руст. — Его звали Стрельцов Герман Владимирович. Могли бы вы дать нам домашний адрес Стрельцовых?

— Ничего не скажем! — ответил за дверью грубый мужской голос, — РВК таких сведений не дает! Приходите в понедельник в 8.00 к дежурному.

— Вы наверно не поняли?! — вмешался Костер. — Мы приехали из Москвы, и не можем ждать до понедельника. У нас в этом городе никого нет!

За дверью замолчали. Отчаявшись получить адрес Стрельцовых, друзья сели на ступеньки служебного входа и призадумались: что делать дальше? Внезапно, морок внутреннего двора РВК осветился яркими фарами, съезжих с двух сторон жёлто-синих милицейских УАЗ-469, с включенными мигалками и сиренами. Слетевшие с них два наряда патрульно-постовой службы ППС из местного РОВД, ничего не выясняя, пустили в ход резиновые дубинки, не давая друзьям вставить даже слово. Остановить шквал ударов словами не удавалось. Чтобы умирить пыл запредельно усердствовавших блюстителей порядка, друзья прибегли к силовому сдерживанию. Однако силы были неравны. Прикрывая от ударов дубинками голени, лежавший на асфальте Руст прокричал: — Нам кто-то объяснит, в чем наша вина?! — Сейчас мы повезем вас в РОВД и там продолжим объяснять, в чем ваша вина! — изрек дебелистый старшина с черными усами в виде подковы, защелкивая за спинами лежавших ничком друзей, наручники. — А еще наши сотрудники снимут в травмпункте побои, и на вас откроют уголовное дело по статье 191 часть 1 — за неповиновение и оказание сопротивления сотрудникам милиции с применением насилия и угроз при исполнении ими обязанностей службы.

Друзей затолкнули в УАЗ-469, в отсек для задержанных. Дверь за ними, оглушительно клацнув, захлопнулась. Неутомимый злокоманный старшина прильнул потным круглым лицом с мефистофельской улыбкой к оконной решетке и желчно проговорил:

— А с учетом устойчивой группы, каждый из вас получит по пятерке!

В ответ, Сидор приник вплотную лицом к сизому носу старшины и негромко пропел:

— «Рояль раскрыт, ты подошла, и ты промолвила:

«Твоя любовь запала в сердце глубоко»». Чудак кавальный! — балагурил он неунывно с измазанным лицом и рассеченной губой, отряхивая пыль с джинсовой куртки, пуговицы которой были вырваны с корнем.

— Ничего не скажешь, радушный прием! — поддержал юмор Костер. — Сперва гопники, потом дежурный РВК, а под занавес и милиция родная поучаствовала. Что будет дальше, не берусь даже предположить.

— А мы не к ним приехали! — веско привел аргумент Руст, сжимая от боли высунутые из протезов посиневшие культы голеней.

— Это верно! — согласился Костер.

— Ну как ты?! — поинтересовался Сидор, взирая, как Руст вдевает культы обратно в протезы.

— Штатно! — по-военному ответил Руст. — В Герате было хуже!

Вскоре милицейский УАЗ-469 подъехал к районному ОВД, и друзей препроводили в камеру предварительного заключения, называвшуюся в ленинградском простонародье «Аквариумом». Сюда со всего района свозили участников чрезвычайных происшествий, внутрисемейных разладов и, прибывшую на матч 18-го тура 50-го юбилейного чемпионата СССР с Ленинградским «Зенитом», пылкую торсиду Тбилисского «Динамо», успевшую рукоприкладно поспорить с автохтонными любителями футбола. Некоторых из них выводили на допрос, а о друзьях-афганцах совершенно позабыли, словно их и не существовало вовсе.

— Оно может и к лучшему, — кумекали они, — чего будить лихо.

Не докучая дежурному вопросами, Сидор, Руст и Костер разлеглись на деревянных скамейках и, повспоминав события армейской службы, а в них и павших Стрелу, Монгола и Костяна, заснули.

Наступило утро. Дверь в камеру отворил заступивший на дежурство невысокого роста и интеллигентного вида, приятный, светловолосый капитан.

— Тихо! Тихо! Посторонись! Уроженцев чайного края допросим последними! — иронично уведомил он смятых в кулачной сече неугомонно горланивших болельщиков «Динамо-Тбилиси» и, протиснувшись вглубь заполненной камеры к лежавшим на скамейках друзьям, спросил:

— А вы, камрады, за какой выдающийся подвиг к нам удостоены?!

— Да не было подвига! — отреагировал Руст.

— Не было, говоришь? — усомнился капитан. — Ну пойдём со мной, расскажешь все обстоятельно. А дружки твои подождут пока в камере.

Руст прошёл за дежурным в комнату, где стоял мигавший лампами большой пульт и куча телефонов, трещащих без устали.

— Присаживайся! — предложил дежурный-капитан, и начал толковать, — в «Книге учета лиц, доставленных в РОВД» и «Журнале учета материалов об административном правонарушении» записано: «Вчера около 19.30, группа нарушителей общественного порядка была в дверь районного военного комиссариата, требуя впустить их вовнутрь. На требование дежурного РВК удалиться, дебоширы не только не реагировали, а нецензурно выражались и грозили рукоприкладством». Что можешь пояснить по данному поводу? Только по существу!

— Не было этого, — препирался Руст, — мы вели себя пристойно. Объяснили, правдиво, как есть, что приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане друга. Поскольку номер дома и квартиры, где он жил у нас не сохранился, а только название проспекта, мы решили обратиться за помощью в райвоенкомат. А добраться до него обстоятельства позволили нам только вечером.

Вчера, как известно, была пятница — конец трудовой недели и короткий рабочий день. Военкомат к нашему прибытию был уже закрыт. Нам не оставалось ничего другого, как обратиться к дежурному РВК, чтобы он помог с адресом. Он оказался заскорузлым, не пожелав гуманно войти в наше положение и цинично послал до понедельника. В довесок вызвал два наряда милиции, задержавших нас жестко с применением силы.

— Складно суммируешь! — оценил необлужный капитан. — Покажи-ка вначале свой паспорт и назови полное имя матери погибшего друга.

— Вот мой паспорт! — Руст протянул его капитану. — А маму покойного друга зовут Стрельцова Людмила Васильевна, она живет на Полюстровском проспекте.

Капитан пролистнул паспорт, убедился в Московской временной студенческой прописке и вернул его.

— Сейчас я запрошу по базе, — сообщил он и, сняв трубку, проговорил: — База! Посмотрите мне, Стрельцова Людмила Васильевна, Полюстровский проспект.

Вскоре ему ответили. Он возбудился, прижал подбородком к плечу трубку и, спешно порвав чистый лист бумаги пополам, повторяя за голосом на линии, быстро написал адрес: дом 5 квартира 20 и номер домашнего телефона.

— Держи! Сейчас наберем ей по телефону, — намерился капитан.

— Не надо! — резко пресек Руст. — Ее лучше не бередить раньше времени. Мы подъедем и на месте все решим.

— Как знаешь, — не возразил капитан.

Они вернулись к камере, капитан выпустил оттуда Сидора и Костра, и, сопроводив всех троих к выходу, приготовился закурить. В этот момент в дверях им встретился привезший надысь друзей в РОВД, водитель УАЗ-469.

— Гриша! Подбрось афганцев на Полюстровский, 5! — по-свойски призвал капитан.

Сидор, Руст и Костёр переглянулись.

— Нет, спасибо! — с улыбкой отверг Руст. — Мы охотно своим ходом.

Утро было пасмурным. Откуда-то слышалась песня «Звезды нас ждут сегодня» популярной в конце 1980-х группы «Мираж». Воодушевленные обретенной свободой, друзья остановили такси и, купив по пути торт и цветы, приехали на Полюстровский, дом 5. Они легко нашли нужную квартиру, и Руст позвонил в дверь. Послышались шаги, и через несколько секунд дверь отворила высокая седая женщина.

«Глаза у мамы, как и у Стрелы — такие же голубые, голубые», — заметил про себя Руст:

— Здравствуйте Людмила Васильевна! Мы Герины армейские друзья! Вы нас помните?

— Боже мой, ну, конечно же, я вас помню! Проходите, ребята! — пригласила она войти.

Друзья заметили у Людмилы Васильевны кручину, наполнившую ее очи слезами, и сконфузились. Костер передал цветы и торт. Друзья помыли с дороги руки и направились в зал. Когда проходили мимо маленькой комнаты, их взгляды зацепились за висевший на стене большой портрет с улыбавшимся Стрелой. Друзья на мгновение оцепенели.

— Проходим дальше! — тихо скомандовал Руст.

Они зашли в зал и сели в мягкие кресла и диван. Наверху серванта в вертикальном положении стоял катушечный магнитофон МАЯК-203 с бобинами и заправленной лентой. Было ощущение, будто Стрела, поклонник творчества советских рок-групп: «Воскресенье», «Динамик», «Круиз», «Карнавал», лишь ненадолго вышел из комнаты, выключив его. За стеклом в рамке стояла коллективная школьная фотография.

— Ребята, помогите мне раздвинуть стол, — попросила, принесшая вазу с цветами, Людмила Васильевна.

Друзья дружно встали, споро выдвинули, и, соединили воедино две столешницы, накрыв их скатертью и засервировав.

— Скоро будут готовы вареники с картошкой и творогом, Гера их обожал, — поделилась воспоминаниями из светлого прошлого Людмила Васильевна. — Я как чувствовала, налепила их с запасом и положила в морозильник. Герины одноклассники меня все время навещают, и на кладбище к нему ездят. Бывает, поеду туда, а на могилке цветы свежие — помнят. Спасибо им!

Друзья, опустив взгляд, молчали. На их сердцах лежал тяжелый камень — ведь они вернулись живыми, а ее сын Герман — их товарищ Стрела, погиб. Каждый из них вспоминал тот бой в Хост-Ва-Ференге и думал, можно ли было предотвратить его гибель, а с ней, Монгола и Костяна.

Людмила Васильевна отлучилась недолго на кухню и, подав горячие вареники, пригласила всех за стол.

— Вот и собрались, — произнесла она, утерев слезу.

— Мы хорошо помним, как вы приезжали к Герману на присягу в Сурхандарью, — начал Руст — как угощали нас шестерых пловом и самсой. Их вкус у нас до сих пор во рту.

Людмила Васильевна с грустью улыbnулась.

— Герман, наверняка писал вам о нас, и все же, я напомним наши имена: я — Рустам Тукаев, справа от меня — Сергей Сидоренко, слева Иван Костров. Нас было шестеро, трое — ваш сын Герман, Константин Тевс и Дархан Бадмаев погибли. У нас нет для вас слов утешения, — продолжил Руст уже стоя — их еще не придумали для матери, потерявшей единственного сына. Но мы втроем постараемся хотя бы частично заменить вам Германа.

Друзья встали и, молча, помянули друга. Затем, с разрешения Людмилы Васильевны, Сидор снял висевшую на стене гитару и, настроив, запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

Не надо нам громких тостов,
Не надо бокалов звона,
Не в радость нам эта водка,
Что в кружках у нас сейчас.

Останутся в памяти нашей
Запыленные батальоны,
И погибшие наши ребята,
Что всегда будут жить среди нас.

Первый тост — за ушедших в вечность,
Пусть же будет земля им пухом.
Мы запомним их всех живыми,
Тихим словом помянем их.

Тост второй — за удачу и смелость,
За ребят наших, сильных духом,
Чтоб остались душой молодыми,
И друзей не бросали своих.

На суровой земле афганской,
Под чужим, неласковым небом,
Родилась наша крепкая дружба,
Что в бою выручала не раз!

За нее третий тост поднимем,
И поделимся солью и хлебом,
Пусть же вечная будет та дружба,
Здесь навеки связавшая нас!

Отведав любимых Гериных вареников и, поговорив за столом, друзья предложили Людмиле Васильевне поехать на его могилу. Было пасмурно, все ждало дождя. Друзья взяли такси и выдвинулись к Северному кладбищу. В дороге, на проспектах и улицах города, sporadично встречались болельщики «Зенита», загодя сбивавшиеся в кагалы перед походом на стадион имени С.М. Кирова. Когда добрались до кладбища, к месту, где были похоронены погибшие в Афганистане воины-интернационалисты, взору друзей предстал длинный ряд свежих могил. С фотографии на памятнике одной из них, глядел молодой лейтенант-летчик в парадной форме. Под его именем была высечена эпитафия:

«Ты моя радость, мое горе, моя любовь, моя печаль».

— Этого парня привезли давеча, и, памятник на могилу поставили тем же месяцем, не выдержав времени, пока земля осядет, — поведала Людмила Васильевна, проходя за спинами застывших у могилы с бередившей надписью на памятнике, Сидора, Костра и Руста.

Свежие захоронения воинов-афганцев заслонили могилу Стрелы, оставшуюся в глубине. Дойдя до нее, друзья увидели выгравированные в светло-бордовом граните фотографию и имя: «Стрельцов Герман Владимирович. Воин-интернационалист». На могиле лежали несколько букетов свежих роз и гвоздик.

«Молодцы одноклассники!» — подумали про себя Руст, Сидор и Костёр.

— Здравствуй сынок! Вот и друзья к тебе приехали, — спокойно произнесла Людмила Васильевна.

Она постояла недолго, глядя на фотографию сына, и, полив водой из бутылки на отрез материи, начала вытирать памятник от пыли. На безмолвно взиравших из-за ее спины друзей это произвело тягостное впечатление. С фотографии улыбался благодушный по жизни Стрела.

— Великая Отечественная война застала меня полугодовалым ребёнком в Пскове, — стала рассказывать Людмила Васильевна при выходе из кладбища, — кроме меня в семье были еще старшие: сестра 1938-го и брат 1939 года рождения. Нас, троих маленьких детей и маму, немцы отправили в концентрационный лагерь близ Кенигсберга, а освободили из застенков части Красной армии. После войны, окончив среднюю школу, я поступила в Псковский политехнический институт, где познакомилась с будущим мужем Владимиром Стрельцовым. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Герман. Жили мы счастливо, пока в 1971 году Владимир не погиб в автомобильной катастрофе. Так я осталась вдовой с четырехлетним сыном на руках. Всю жизнь проработала на одном из крупных оборонных предприятий и не стремилась устроить личную жизнь, посвятив себя целиком Гере. Школу он окончил на хорошие оценки, однако в институт решил поступать уже после армии. В 18 лет, в октябре 1984 года, очевидно, как и всех вас — первой группой призывников, Геру направили в Туркестанский военный округ в Сурхандарью. Что произошло дальше, вам известно.

Вернувшись на Полнострровский проспект, в квартиру Людмилы Васильевны, друзья сходили за продуктами, и Руст приготовил узбекский плов. За ужином вновь помянули Стрелу. Когда встали из-за стола и покинули зал, то заглянули в комнату с портретом друга. Войдя в нее, обратили внимание на следы обильного соседского затопления сверху. На потолке, углах и стыках стен виднелись большие высохшие подтеки и отклеившиеся обои.

— Да это наш новый сосед Яков Иткин, — без злости указала Людмила Васильевна, унося посуду на кухню, — затопил меня еще в конце зимы. Он человек видный, — директор двух магазинов «Березка» на Морской набережной, где ватажуются все ленинградские фарцовщики. Иткин купил две смежные квартиры и объединил их в одну. Соседи говорят — подарок молодой любовнице, будущей оперной диве Мариинского театра. В глобальном ремонте Иткин решил поменять все трубы и отопительные батареи. А ремонтники его что-то недоглядели. За минувшие полгода я уже несколько раз ходила в ЖЭК и к нему лично обращалась, чтобы устранил последствия затопления — все без толку.

— А мы с ним завтра непременно познакомимся, — заверил Руст, — и обязательно урегулируем этот вопрос.

В это время на стадионе им С.М. Кирова начался матч Чемпионата СССР по футболу между ленинградским «Зенитом» и тбилисским «Динамо». Костер, яростный болельщик московского «Спартака» — давнего соперника «Зенита», с интересом засел у телевизора, желая поглядеть его трансляцию. На стадионе было облачно +17С. В начале встречи хозяева поля неизменно теснили гостей и на 8-й минуте ведущий форвард «Зенита» Владимир Клементьев хлестким ударом в верхний угол забил в ворота динамовцев Тбилиси

зрелищный гол. Счёт стал 1:0. Из окон и с балконов ближайших домов раздались крики и свист ликовавших болельщиков «Зенита». Спустя короткое время шум стих, игра продолжилась. Людмила Васильевна, отказавшись от сторонней помощи, тем временем крутила мясной фарш для котлет, а Руст и Сидор, безразличные к футболу, остались в комнате Стрелы и продолжили вечер воспоминаний. Внезапно общение прервали доносившиеся сверху крики.

— Ты слышал?! — спросил Сидор у Руста.

— Слышал! — подтвердил Руст.

Через мгновение голоса свыше заглушил усилившийся звук телевизора, транслировавшего футбольный матч.

— Сидор! А ну-ка кликни Костра, сходим, разведем, что там происходит, — предложил Руст.

Ничего не сказав, они спешно обулись и покинули прихожую.

— Ребята, вы куда? — бросила им вслед Людмила Васильевна.

— Мы ненадолго, — заверил Руст, прикрывая за собой дверь.

Друзья торопко поднялись на этаж выше и, повернув ручку незапертой двери, вошли внутрь. В квартире стоял полумрак, пахло сигарным дымом. Свет исходил от тускло светивших в коридоре старинных бра и высокого торшера с желтой ажурной тканью в ближнем углу зала. Что происходило внутри него, было не видно. Зато заметалась под туалетной дверью полоска света. Руст обратил на это внимание Костра и, показав ему жестом остаться прикрыть, сам двинулся вперед. Сидор шел следом. Медленно ступая по фигурному ореховому паркету, вдоль стен, оклеенных финскими обоями Sandudd мимо комнат с антикварной мебелью в стиле Bouille эпохи короля Людовика XIV, они подошли к зале, где громко работал телевизор. Там, коротко стриженный высокий и плечистый битюг в джинсах Lee Cooreg и ветровке Marimekko нависал над сидевшим в антикварном кресле эндоморфным мужчиной лет 35-ти с обильным волосатым покровом тела и трёхдневной щетиной. В руках громада держал подключенный к сети утюг. На терпелике красовались цветастые семейные трусы и белая майка. Руки и ноги его были связаны, во рту был кляп. Чуть поодаль, в глубине залы на парном кресле сидела сходно упакованная, дивной красоты и изящных форм молодая дама. Локоны ее волнистых каштановых волос были раскинуты на верхнем кружеве короткой, цвета маренго, шелковой сорочки, стройные бедра оголены. Обочь, на диване, закинув руки за голову и ногу на ногу, не отвлекаясь на неземную красоту, сидел фригидный акарёнок и, отрешенно следивший за ходом футбольного матча.

— Аха, их трое! — сообразил Руст — Чем же нам их ошеломить?!

В этот момент открылась дверь туалета и показался третий сообщник. Костер, не дав ему опомниться, точным прямым ударом в подбородок толкнул его обратно. Шла шестнадцатая минута матча, и на стадионе зарядил проливной дождь. В ходе игры из-за нарушения правил футболистом «Зенита» судья Эдуард Дидур назначил штрафной по воротам хозяев поля. Пробыть его тренер тбилисцев Кахи Асатиани доверил Отару Коргалидзе. Сильным ударом тот поднял мяч над стенкой и направил в дальний от вратаря верхний угол. Раздосадованный пропущенным голом, акарёнок вскочил с дивана и проматерился, сподвигнув друзей к решительным действиям. Сидор рванулся в комнату и резко выдернул из электросети кабель телевизора, а Руст вытащил из грудного кармана джинсовой куртки красное удостоверение «инвалида войны» и плотно, чтобы не разглядеть надписи, приставил в развёрнутом виде к лицу остолбеневшего садюжника:

— ОБХСС! Отдел борьбы с хищением социалистической собственности! До подхода опергруппы и сотрудников прокуратуры, всем оставаться на своих местах! — истово прогорланил он, войдя в роль.

Притеснители были обескуражены:

«Вот мы попали! — подумали они, — по ходу директор «Березок» Иткин был в разработке в ОБХСС?! А нам паровозом за его грехи чалиться?» «Однако не слишком ли

молоды и ладно одеты эти опера?! Скорее мошенники залетные», — смекнул их старший, битюг.

Выяснение личностей ОБХССников, вломившихся в квартиру, требовало времени. Не дав терзателям завершить умозаключения, Сидор схватил за горлышко матово-зеленую бутылку с объемным теснением буквы «N» и золотистой надписью «SAMUS NAPOLEON», стоявшую на мраморной столешнице рядом с вазой, заполненной фруктами, и коробкой сигар Partagas, и замахнувшись ударил о голову битюга, расколов на мелкие осколки. Пытатель рухнул на пол к ногам хозяина квартиры. Янтарного цвета элитное питье разлилось по полу, обдав ароматом переспевшего инжира, спелого персика и цветочной ванили с тонами грецкого ореха, древесными нотками тика и палисандра. Сидор посмотрел на него сверху и тихо пропел:

— «Рояль закрыт, и не звучит мое любимое,

Тобой забытое весеннее танго».

Потрясённый увиденным, акаренок робко попытался встать с дивана, но увидев жест ладонью вытянутой руки и злой зрак Сидора, повелевшие не сходить с места, безропотно покорился. Руст переступил через распластанного посреди колотого стекла и разлитого коньяка тихо вывшего, державшегося за голову, битюга и, наклонившись вытащил из рта терпельника кляп.

— Телефон где? — спросил он коротко.

— Там! — кивнул головой в сторону связанной спутницы, жадно вдыхавший воздух мужчина.

Руст подозвал Сидора и на ухо тихо проговорил:

— Запри дверь и держи с Костром оборону! Так, чтобы никто не выскользнул! Отворишь, когда приедет милиция!

Руст отыскал переносную телефонную трубку и, прозорливо не развязав хозяина квартиры, нажал у него на глазах две кнопки — 02. Когда на обратной стороне связи ответили «Милиция», Руст приложил трубку к его щетинистой щеке и приказал: «Говорите!» Обрадованный хозяин квартиры грассировал без продыху:

— Приезжайте, пожалуйста, срочно! Моя фамилия Иткин, зовут Яков Ильич. На меня совершено нападение!

— Ваш адрес? — строго спросили на проводе.

— Полюстровский, дом 5, квартира 24, — продиктовал Иткин.

— Наряд уже выезжает, ждите! — уведомили на линии.

Услышав разговор с милицией, сидевший на диване акаренок, слегка поразмыслив, вскочил и метнулся к выходу, но был остановлен железным кулаком Костра и слег в коридоре. Милиция прибыла скоро. Её сотрудники развязали сладкую парочку, а остальных фигурантов пассажа, в их числе — Руста, Сидора и Костра до выяснения обстоятельств заковали в наручники и повели к выходу. Услышав в подъезде шум и увидев во дворе милицейские машины, Людмила Васильевна с тревогой в сердце и мыслью — не стряслась ли с ребятами беда, вышла на лестничную площадку. В это время по ней в сопровождении вооруженных сотрудников милиции, с защелкнутыми за спиной наручниками спускалось шестеро молодых людей. За ними шли прихрамывавший Яков Иткин и его очаровательная сошественница.

— Людмила Васильевна, не беспокойтесь! Ложитесь спать, — успокоил Руст, пообещав, — мы к утру непременно будем!

— Давай, давай! Не размусоливай! — вставил вперекор низкого роста неказистый старший лейтенант с тощим лицом, подталкивая задержанных до милицейского УАЗа.

В РОВД приехали быстро.

— О, старые знакомые! — обрадовался новой встрече куривший у входа в РОВД благожелательный капитан, завидев слезавших с УАЗ-469 Руста, Сидора и Костра. — Что, опять военкомат штурмовали?!

— В этот раз хоть не били! — выгодно заметил Сидор.

Их отпустили под утро — после письменных объяснений пострадальцев Якова Иткина, его пассии Киры Вайсман и, вмешавшихся в коллизию: Сидора, Руста и Костра. Когда, изнеможденные после ночной перипетии, они вышли из РОВД, уже светало. Иткин по телефону вызвал служебную черную «Волгу» ГАЗ-24 и, отпустив водителя, сам сел за руль. Гражданка Вайсман села вперед, а Сидор, Руст и Костер сзади. Скоро доехав на Полостровский проспект компания вошла в подъезд. На лестничном марше у квартиры Людмилы Васильевны Иткин обратился к Русту:

— Предлагаю завтра в 13.00 прийти ко мне на обед!

Руст на мгновение задумался, но вспомнив, что к Иткину есть вопрос по восстановительному ремонту, произнёс:

— Почему нет?! — допустил он, глядя на Костра и Сидора. — Полагаю, ребята тоже будут не против.

В ответ друзья промолчали. Утром они поспали подольше и, погуляв недолго по району, в условленное время вместе с Людмилой Васильевной поднялись к Иткину. К этому времени следы ночного происшествия были уже устранены. К обеденному столу были поданы доставленные из ресторана гостиницы «Астория» изысканные блюда и деликатесы, типа белужьей и кетовой икры, стерляди горячего копчения, семги и балыка. На горячее был судак «Орли» под соусом тартар и отбивные бараньи котлетки на косточке. Из спиртного — водка SMIRNOFF и французский коньяк CAMUS NAPOLEON. Иткин пригласил гостей за стол.

— О, да тут амброзия! — изумился Сидор.

Иткин разлил всем в бокалы напитки по предпочтению.

— Что же они хотели от вас, Яков Ильич? — поинтересовался у Иткина, не прикасавшийся к яству, Руст.

— Видите ли, — начал объяснение Иткин, — я директор двух магазинов «Березка» на Морской набережной, дома 9 и 15. Наши магазины торгуют аудио-, видео— и бытовой техникой, а также другими дефицитными товарами. Их оплата производится только валютой или чеками Внешпосылторга. Чеки — это такой вид денег. Им оплачивается труд граждан, работающих или служащих за границей.

— Мы знаем, что такое чеки Внешпосылторга, — сообщил Руст, — в Афганистане нам их давали, хоть и немного.

— Так вы афганцы?! — возбудился Иткин. — Ну, ладно. Давайте, сначала я отвечу на ваш вопрос. Недавними Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с перестройкой и гласностью объявлена борьба с привилегиями — «за равенство и социальную справедливость». Правительство СССР — с первого января 1988 года решило ликвидировать систему торговли «Внешпосылторг» и закрыть все магазины «Березка». Это увеличило, и без того ажиотажный спрос на наши товары. Речь идет об импортной видеоаудио — и бытовой технике, ну и одежде, конечно. У наших магазинов начали выстраиваться огромные очереди. Обладатели крупных сумм чеков готовы платить сверху много больше, лишь бы успеть их скорее отоварить. С 1988 года торговля в магазинах «Березка» будет осуществляться только по безналичному расчету. Так вот, учитывая, что магазины, которыми я руковожу, находятся в так называемом «Бермудском треугольнике», месте, где вращаются самые разные элементы: от фарцовщиков и валютных путан до бандитствующих элементов, вчерашний инцидент — это лишнее тому подтверждение. Преступники стремятся установить контроль над очередью. Они используют льготные удостоверения ветеранов и инвалидов Афганской войны. Ведь афганцы, как вы сами сказали, получали чеки, пусть даже солдаты меньше, а офицеры больше, но все они по закону в равной степени обладают правом отоваривать их во всех магазинах «Внешпосылторга» в любой точке СССР. Разница между удостоверением «Ветерана войны» и «Инвалида войны», заключается в том, что инвалидов мы обязаны обслуживать вне очереди. Вы понимаете, как

это упрощает задачу тем, кто замкнул на себя потоки держателей крупных сумм в чеках и валюте?

— Схема понятна! — внял Руст, не проявив к данной теме интереса. — Яков Ильич! У нас к вам житейский вопрос. Вы затопили квартиру многоуважаемой Людмилы Васильевны. — Руст по-сыновьи тепло поглядел на неё. — На протяжении полугода она безуспешно пытается добиться от вас восстановительного ремонта. У нас к вам компромиссное предложение в виде настоятельной рекомендации: обеспечьте нас приличными обоями, клеем, кисточками и другими сподручными средствами, а мы сами в ближайшие дни сделаем ремонт и снимем эту проблему. А то, знаете ли, дела в Москве не ждут. Установить площадь затопленной спальни труда вам не составит? Она идентична вашей. Поэтому, пожалуйста!

— Конечно, конечно! — взволнованно заверил Иткин. — Уже сегодня вечером у вас всё будет. Простите, мне очень неловко, что так получилось! Может, я всё же дам вам рабочих?

— Мы бы не хотели перекладывать эту почетную миссию на посторонних людей и с удовольствием выполним ее сами. Так что только материалы! — с улыбкой заключил Руст, переглянувшись с друзьями.

На этом тема восстановительного ремонта была закрыта. В завершении обеда за чаем и десертами Яков Иткин положил руку на плечо Кире Вайсман и горделиво попросил:

— Душа моя! Спой нам, пожалуйста, мой любимый.

Дива с готовностью встала из-за стола и, взяв со специальной подставки акустическую гитару, начала играть перебором и меццо-сопрано исполнять романс «Белой акации гроздь душистые»:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!

Все слушали, наслаждаясь божественным голосом и исполнением, всецело согласующимся с внешностью. Когда романс был завершен, все дружно захлопали.

— Восхитительно, ничего не скажешь, — оценил Сидор. — А можно мне сыграть одну из наших? — предложил он.

— Ну конечно! — охотно согласился заинтригованный Иткин и передал ему гитару.

Руст и Костер переглянулись. Сидор провел пальцами по струнам и запел песню барда-афганца Игоря Морозова «Я братьев двух когда-то знал»:

Я братьев двух когда-то знал,
С одним в Афгане воевал,
Ходили к черту на рога и к ведьмам в зубы.
Стрелять он был большой мастак,
С десяти шагов менял пятак,
Был по натуре весельчак, хоть с виду грубый.

А старший был обществовед,
На все вопросы знал ответ,

Имел отдельный кабинет, машину, дачу,
Жил то в Париже, то в Москве,
Имел семь пядей в голове,
Но дело даже не в уме — поймал удачу.

И вот, когда, окончив срок,
Мы все покинули Восток,
Домой вернулись те, кто смог дойти до цели,
Явился к старшему меньшей
— Все ж как-никак, а брат родной.
Тот накрывает стол большой — мол, ждал и верил...

После этого куплета Людмила Васильевна утерла слезу, сосредоточив на себе сострадательные взгляды Костра и Руста.

... Там спирт окопный глотки жег,
А здесь — французский коньячок,
Икорка, семга, балычок, язык телячий.
И почему-то вспомнил я,
Как провожали нас друзья
— Чеснок, четыре сухаря и фляжка чачи.

Меньшой сидел и молча пил,
Тут старший тост провозгласил,
И выпил из последних сил «за тех, кто в море».
И, повертев на свет стакан,
Сказал икая: «Слышь, братан,
Да брось ты свой Афганистан, он не в фаворе.

Пройдет каких-то пара лет,
Его забудут — был и нет,
Твой автомат и пистолет — глупцам забава.
Иные нынче времена, другие мерки и цена,
Кому нужна твоя война, ну что ты, право.
Бери пример — ну вот с меня.

На фронте не был я ни дня,
А посмотри — моя семья в шелках и славе.
Имею в обществе престиж,
То в Лондон езжу, то в Париж,
То в Риме с месяц погостишь, а то — в Оттаве.»

Тут младшего тяжелый взгляд,
Его прервал: «Отставить, брат.
Я не политик, я солдат, и мне до дверцы,
Вся философия твоя,
И золотая чешуя Гнилых сентенций.

Да что ты знаешь о войне?
Вы здесь погрязли в барахле,
И лозунг — «я тебе, ты мне» — как песня вам,
А на иного подлеца,

Вполне хватило бы свинца,
Неполных девять грамм.

Иной до титулов дорос,
А как дорос — еще вопрос.
Здесь главное — по ветру нос держать умело.
А я хотел бы посмотреть,
Какие песни станет петь,
Он под обстрелом.

Чтоб ты в Европу ездить мог,
Дань кровью брал с меня Восток.
Я больше износил сапог, чем ты — штеблетов.
Ты здесь в арабскую кровать
С женой ложился почивать,
А там привык на камне спать, я с пистолетом.»

Мой друг — не мастер говорить,
Умел он в спорах трезвым быть,
Но вижу — начал заводить его браточек,
И друга я увел к себе во избежание ЧП.

Мы с ним бродили по Москве до самой ночи.
Какая б ни была беда, мы слез не лили никогда.
Обиды горькая вода бойцу опасна.
Друг, стиснув зубы, соль глотал.
Что думал он, о чем гадал?

Я думал так же и молчал — все было ясно.
Потом судьба нас развела,
Его на Север позвала,
Меня замучили дела, работа, дети.
А брат его, общественник, в Париж уехал на пять лет,
Он там большой авторитет, в посольстве третий

Сидор закончил петь, повисла мрачная тишина.
— Ну, нам пора идти! — произнес Руст.

Друзья и Людмила Васильевна дружно встали и, поблагодарив за вкусный обед, вышли из-за стола.

— Я провожу, — вызвался Иткин.

Когда гости подошли к порогу, Руст пропустил всех вперед и, прикрыв за ними дверь, обратился к Иткину:

— Яков Ильич! Людмила Васильевна мама нашего погибшего в Афганистане друга. Она нам как Мать. Хотелось, чтобы вы приняли это к сведению.

— Я уже все понял! — заверил Иткин.

Перед тем, как уйти, Руст крепко сжал его руку и, поглядев пронзительно в очи, дал понять, что скрепил этим достигнутой договоренностью. Уже вечером в дверь квартиры Людмилы Васильевны позвонили уполномоченные Иткиным люди и сообщили, что привезли необходимые для ремонта материалы. Обои оказались той же фирмы, что и у Якова Иткина — финской Sandudd и не на одну комнату, а на всю квартиру. К ним прилагались

клей и инструменты. Через три дня квартира Людмилы Васильевны была обклеена новыми обоями, а друзья Руст, Сидор и Костер с чувством выполненного долга убыли в Москву.

Шло время. 15 февраля 1989 года советские войска вышли из Афганистана. Генеральный секретарь ЦК НДПА Президент Афганистана Мохаммад Наджибулла сказал тогда: «Ваш Верховный Совет дал оценку решению о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. У политиков своя ответственность, и о ней уже достаточно сказано. Я же склоняю голову перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя воинский долг. Война принесла много горя. Она не сразу забудется. Но не забудется также многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

Спустя 7 лет Мохаммад Наджибулла вместе с братом будет растерзан талибами в Кабуле.



Андрей Андреевич Дубовой.

Родился 10 сентября 1959 года в г. Москве. Поэт, писатель, публицист. Окончил Уссурийское суворовское военное училище, Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР, Военную академию имени М.В. Фрунзе, Российскую Академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. До 1994 года служил в рядах Вооруженных Сил. После увольнения в запас – заведующий редакцией журнала «Золото России», ответственный секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России. Кандидат исторических наук. Полковник запаса. За оказание военной помощи Республике Афганистан награжден орденом «Красной звезды», орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, почетным знаком «Воин-интернационалист», тридцатью государственными, ведомственными и

юбилейными медалями. Ведет активную работу в общественном движении воинов-ветеранов Афганистана. Автор нескольких книг поэзии, прозы, публицистики и многочисленных статей в центральной печати. В 2007 году награжден золотой медалью имени Константина Симонова за цикл рассказов об афганской войне.

Лауреат всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В. Суворова 2002 года.

КРЕСТЫ КАЛАТАКА

Щербатая луна, зависшая над Чарикаром, улыбалась, как медаль «За боевые заслуги». Зеленка дышала в лицо жарким маревом, ветерок доносил запахи тутовника, далекого жилья и перезревшего винограда. Дозор, оторвавшись от основной группы, почти бегом обходил маленький кишлак, и, скрываясь в тени дувалов, забирал правее, ближе к горам. Арыки пересекали молодой двухлетний виноградник во всех направлениях, как старческие морщины лоб аксакала; тихо журчала вода, и нависшая ночная тишина монотонными шорохами убаюкивала степь Баграм.

Со стороны аэродрома распорол мглу прожектор. Пробежал по острым зубцам горы Панкриванкох и потерялся за Саядом. Разведдесантная рота рассредоточилась по изгибам за камнями и залегла прямо на тропе. Капитан Бученков иногда применял этот старый как мир прием. Замыкающий дозор неожиданно затихал на пути следования, проверяя «хвосты». Если имеешь звериное чутье, результаты бывают почти всегда. Сливаясь с местностью, маскируясь за камнями, мастер спорта по вольной борьбе Колька Бученков, по кличке «Пузырь», уже неоднократно брал «духов» живьем, просто вырубая их с одного удара кулаком по бородастой башке. Шла война.

Со стороны тыльного дозора два раза злобно каркнул прибор бесшумной стрельбы, послышался шорох и опять все стихло. Автомат китайского производства АК-47 и английская винтовка «Бур» – первые трофеи выхода. Значит, за ротой была установлена слежка, которую и ликвидировал сержант Роберт Житкус, мгновенно доложивший об этом по радиостанции. Это также означало, что план боевой операции, проводимый разведбатом при поддержке местного «хата» – по нашему что-то вроде контрразведки – был до подробностей слит «душманам». Пара цветастых накидок, набухая в воде, медленно проплыла по арыку. Счет открыт, но настроение сразу ухудшилось. Рота снялась с тропы, и Колька в такт шагам сразу забубнил себе под нос, что не надо было выходить в эфир тыльному дозору, а автомат и «бур» спрятать под полики командирского БТРа и в случае неудачной засады, когда под кинжальный огонь пулемета выскакивают не моджахеды, а совсем наоборот, мирные декхане с кетменями, роющиеся на виноградниках еще с ночи, подбросить несколько стволов и пару горстей патронов, рассовать по халатам того, что от них останется... А трофейных неучтенных единиц уже осталось мало, а выходы идут каждый день, подразделение устало, несет потери, комбат ругается матом, а до замены еще год – сплошная безрадостная песня командира разведывательной десантной роты наматывалась на шаги, шаги на километры и чувство неясной тревоги росло с каждой секундой. Шла война.



Рота скрытно кралась на задание. Под слабый шорох идущих вооруженных людей хорошо думалось ни о чем. Мысли путались в клубок, неожиданно выныривали, потом забывались. Вчера, например, в соседнем полку у вертолетчиков была настоящая дуэль. Два капитана, нарезавшись «галоши» – разбавленного спирта, слитого из системы

противообледенения, – начали выяснять отношения из-за прибывшей месяц назад официантки. Колька видел ее пару раз. Кажется, ее звали Аллой. Не менее четырех стаканов этого «шила» надо было выпить, чтобы назвать ее женщиной. Однако сумела развести штурмана и инженера по барьерам и огласила право первой ночи за сильнейшим. Дуэль происходила в ангаре столовой, после обеда. Только табельное оружие, и без всякой ковбойщины. Штурман служил в Афгане дольше, хотел больше, поэтому и попал первый, прямо в шею неловкому инженеру. Баграмский госпиталь рядом, и в реанимацию окровавленного стрелка доставили быстро. Прибывшая на место дуэли дежурная смена караула схватила заснувшего любителя официанток, и пронесла его на половой щетке, привязанного за руки и ноги к палке, как уссурийского тигра, прямо к гауптвахте. История, как это водится, быстро обрастала нелепыми подробностями, официантку отстранили от обслуживания офицеров полка и в срочном порядке отправили в Кабул. Поговаривали, что из-за нее уже была одна дуэль в Герате, причем со смертельным исходом. Штурману предстоял долгий период написания объяснительных записок и рапортов. Шла война.

Колька глубоко вздохнул и огляделся. Ковш Большой Медведицы был отчетливо виден и перемещался вправо. От луны в степи было светло, и он решил взять выше к руслу высохшей реки. По разбросанным камням хоть и труднее идти, а шансов остаться живым, если головной дозор проспит засаду, больше.

Нельзя проследить полет пули со стороны, можно только почувствовать опасность, предупредить момент выстрела, броском за укрытие изменить свою судьбу. Именно так было с Колькой и на этот раз. Со звуком лопнувшей пружины одиночный выстрел искал в рикошетах свою цель, шипел, извивался трассер по валунам и затих в глубине сухого русла.

Луна спряталась за горный хребет, стало темно и неудобно, с горы потянуло холодом. Рядом зачавкал подствольник, чуть правее, из-за валуна, на звук выстрела рубанул длинную очередь пулемет. Все пришло в движение, зашуршало, застреляло, задвигалось.

Ночной бой скоротечен. Горы спрятали эхо, дозоры вышли на связь, потерь нет и, изменив направление движения, рота снова двинулась в путь. Скорее всего – это была стычка с малочисленной охраной. Где-то здесь проходит караванная тропа, но сейчас не это является задачей.

Внезапно похолодало. Так часто бывает в горах. Звездное небо затягивают тучи, поднимается ветер, и черная темнота за считанные секунды укрывает камни. Идти до места засады по нашим расчетам – прикинул Бученков – оставалось километров семь – это часа два быстрой ходьбы. В кромешной темноте, по камням, без тропы, где «духи» натолкали противопехотных пластиковых итальянских лягушек, – это трудно, почти невозможно. Дозор круто уходил вверх, за спиной оставался Саяд, Баграм, аэродром. Правее – Маликарское и Ниджрабское ущелья.

Началась очередная полоса воспоминаний. В начале февраля этого года, в Ниджрабе рота Пузыря была на ряде успешных операций, и, можно сказать, почти без потерь, потом заслуженно, целую неделю отдыхала на зимних квартирах. Но отдых – что отдых – баня и водка. Тем более, что после этой мясорубки, спускаясь с Таджикиана, один лихой командир разведвзвода мотострелкового полка по кличке Шрайман загнал задней кормой боевую машину пехоты с заляпанными номерами на башне прямо в дуکان, и когда стена рухнула, из-под обломков открылись двери и чумазые бойцы утащили с прилавков все, что там было. Водки, фанты, шмоток и магнитофонов хватило на всех. А когда БМП рванула с места, обдав гарью и пылью весь придорожный кишлак, другой взводный с удовольствием послал два выстрела из орудия прямо в эту развороченную кучу цветастых тряпок и сухой глины. Шла война.

А еще был здесь же случай со старшиной Васькой Нильченко. Шла большая операция. Духи метались в кольца, как тараканы, теряли присущую им осторожность и хладнокровие. Самые слабые или раненые сдавались. Но многие отдельными малыми группами с боем пытались пробить оцепление. Командир 108 дивизии генерал Миронов

двинул разведбат, а вернее, то, что от него осталось, в самый центр зажатой группировки «духов» с простой задачей – расчленив ядро. После артподготовки Колька Буча прорвался во главе дозора по самому центру кишлака Джанава к мечети, по пути лихо расстреляв гранатометный расчет и его группу прикрытия. Но возле кладбища был прижат к земле и, доложив обстановку, получил приказ на отход. Собрав ядро группы, возвращался уже изведанным маршрутом. И вдруг увидел, что из шести заваленных ими «духов», которых уже обшмонал и забрал трофеи тыльный дозор, трое сидят, там где лежали, и что-то орут, жестикулируя руками, а у выдвинутого для огневой поддержки танка собралась цветастая толпа баб и ребятишек, которую пытался перекричать матом старшина Нильченко. Не долго думая, короткими очередями Бученков отослал к Аллаху его обрезанных бойцов, толпа рванула врассыпную, а прапор Васька залез в командирский люк и обиделся. Оказывается, он уже договорился продать двоих раненых «духов» по три тысячи афганей, а одного – за пять. А толпа родственников перед ним не орала – а торговалась. Конечно, одиннадцать штук «афоней» немножко помогли бы нашему прапорщику Васе при защите этой самой апрельской революции, однако – не судьба. Шла война.

Буча с шумом выдохнул воздух и огляделся. Рота шла ходко, не заваливая темпа, без отстающих. Редко звякало оружие или шуршала одежда. Пора было садиться на место засады. До рассвета оставалось совсем чуть-чуть, тревога росла, заветная отметка на карте в свете фонарика уже почти совпала с тропой. Младшие командиры по команде ротного суетились, выбирая складки местности, назначая секторы обстрела, обкладывая лежки камнями. Наконец, все утихло. Успокоились звезды, дыхание стало реже, глаза, привыкшие к темноте, постепенно стали слипаться. Клоныло в сон, в голову лезли разные нехорошие мысли. Опять кольнуло Колькино сердце неясная тревога, время текло медленно, поворачивая звезды по часовой стрелке.

Со стороны левой дозора два раза пискнула тангента радиостанции. Это знак: «Внимание!». Темень – хоть глаз коли была уже готова породниться с первым лучиком солнца, и от этого стала еще гуще и черней. Тропа, убегающая в горный пролом, едва угадывалась в силуэтах сгрудившихся камней. Сверху ее хорошо простреливал фланговый пулемет. Послышался легкий шорох, и из-за поворота показался человек в накидке. Руки Бученкова непроизвольно развернули в его сторону ротный АГС – затылок автоматического гранатомета неприятно отдавал холодом. Человек осмотрелся, поднял автомат над головой, как бы показывая основной группе, что путь свободен. Пулемет дозора молчал, выгадывая секунды ротному для принятия решения. Из-за поворота тропы молча валила серая толпа. Кто это, сколько их – сосчитать было нельзя! Ночная мгла еще не расступилась.

Где-то сзади, и правее, в двух километрах должна была полчаса назад выйти на караван разведрота ферганского полка, но в эфире была тишина. И тогда Колька громко спросил в темноту на фарси: «Дришь! Фарми кунам!». «Стой! Бросай оружие!» – по-русски. Толпа застыла, и первый, в накидке, дал длинную очередь на звук... Горы ожили в грохоте. Руки ротного едва удерживали тело гранатомета, выбрасывающего из кассеты красно-желтую смерть. Пулемет захлебывался с левой стороны, менял магазины, свое положение, точки прицеливания, оставляя эту серую толпу лежать на камнях, ворочаться, стонать и умирать. Пули рикошетили, выли, шелкали по скалам. Первый лучик солнца проскочил за перевал, стало сереть и – о ужас – Колька различил у убитого дозорного радиостанцию и окровавленную голубую тельняшку.

Медленно вставало раскаленное афганское солнце. Лучше бы не было этого рассвета, слезы застилали глаза, руки предательски дрожали, начальник разведки дивизии, почерневший от горя, руководил выносом тел убитых на горную площадку, способную принять вертолет. В Баграм уже ушла страшная весть. Шесть погибших и двенадцать раненых. Две пары вертушек, оттолкнувшись от бетонки, уже приближались к месту сбора. Горе и позор. Кровь своих товарищей можно смыть только своей кровью. В лагерь возвращались на технике, бойцы курили на броне, сплевывая тягучую никотиновую слюну в

придорожную пыль. Все молчали, проворачивая в голове секунды ночного боя. Как в тумане проскочила дорога на зимние квартиры, а вечером Колька напился вдрызг и без всякого повода избил прапорщика соседней автороты, продававшего водку. Шла война.

Москва, сентябрь 2000

РАСКАЛЕННЫЕ КАМНИ ПАНДЖШЕРА

Новелла

Вертолет, двумя колёсами зависший в воздухе, а третьим, найдя точку опоры на маленьком плато, судорожно принимал раненых. Нас запихивали кое-как, дергали по привязанным к носилкам веревкам, кто мог – лез по трапу сам. Тяжелые все были без сознания; легко раненные и контуженные располагались без лишней суеты, спокойно и деловито. Передовые дозоры, обеспечивающие доставку боеприпасов и погрузку «трехсотых» уже завязали короткий огневой бой с разрозненными группами «духов».

В Панджшерском ущелье было жарко, боковой ветер дул порывами, внизу гроыхала река, таща на себе в миллиардах брызг мелкую гальку. Летчик-ас, настоящий мастер, держал вертолет ровно, слегка прибавляя шаг винта при перемене ветра.

Тяжелая машина дрожала, как живая, словно проверяя на прочность корпус. С горы по площадке подскока, короткой очередью ударил ДШК, потом еще раз. Пули на излёте шлёпались по камням, где-то рикошетили с противным повизгиванием. Так и не забрав всех, пилот резко оборвал прием на борт, взмыл в небо и, запросив у разведчиков корректировку красным дымом, развернулся на боевой заход в сторону крупнокалиберного пулемета. По обозначенному передним дозором направлению стрельбы, сделав крутой



вираж и выровняв машину, наш «полосатый» словно разорвал пулеметное гнездо очередью «нурсов». Ведомый, качнув винтом, уже заходил на плато, и, блестя в лучах солнца, готовился к зависанию.

Нас в десантном отделении было четырнадцать человек. Часть расположилась по лавкам, некоторые, как и я, сидели спиной к спине. Лишь рев винта, воздушные ямы, да окровавленные бинты напоминали об утреннем бое. Еще вчера вечером, когда комбат объявил новые позывные на предстоящий выход, кто-то устало пошутил, что наш цифровой вариант совпадает с номером батальонной санитарки. Так и вышло. Вход в Панджшер стал для нас огненным мешком. Баграмский вертолетный полк так и не смог выявить и

подавить до конца огневые точки «духов». От артиллерии в горах тоже было толку мало. Все пришлось разведывать и уничтожать самим. Пехота, неся потери, неумолимо пробивалась к Рухе. Этот кишлак был основным укрепленным районом в начале ущелья. За ним, по данным аэрофотосъемки, находилось гладкое плато со взлетно-посадочной полосой, способной принимать легкомоторные самолеты. Дальше шли глубокие пещеры с автономными системами жизнеобеспечения. Все это создавалось давно, на века. Теперь только совершенствовалось и укреплялось.

От потери крови слегка кружилась голова, хотелось спать, явь смешивалась с видениями. Монотонный шум двигателя давил на сознание, уносил в забытье. Два дня назад, когда несколько подразделений мотострелков подошли к входу в ущелье Панджшер, на волне нашей радиостанции вошел в эфир «Костя бородатый», который предупредил, что нельзя двигаться дальше «меченного» камня, установленного на обочине.

Дорога непроходима, и он будет вести огонь по всем, кто будет пытаться ее разминировать. Как только машина разграждения миновала указанную отметку, мощный взрыв потряс горы. Экипаж погиб, тяжелую гусеничную громадину в 30 тонн весом, как спичечный коробок, отбросило в сторону на 15 метров, от фугаса осталась огромная воронка. Все следующие попытки преодолеть этот участок дороги наткнулись на хорошо организованного огонь моджахедов.

Прицельной стрельбой из ДШК и пулеметов были разбиты все триплексы. «Костя бородатый» не переставал хвалиться в эфире, что его позиция неприступна ни с земли, ни с воздуха. Этот парень еще весной сбежал из десантной дивизии и сразу попал к Ахмат Шаху Масуду. Сильный физически, ловкий и смысленный, он воевал на стороне «духов» не за страх, а за совесть. Прославился организацией засад каскадного типа и минированием по площадям труднодоступных горных дорог в самых узких и неожиданных местах. Ахмат Шах приблизил его к себе, поручал сложные и опасные задания. С самым большим упоением и наглостью «Костя бородатый» воевал против своих товарищей из 103 Воздушно-десантной дивизии. За ним охотился весь разведотдел 40 Армии. Позже он исчез. Прошел слух, что ребята из Кабульской роты спецназа выкрали его в одном из кишлаков, недалеко от Саланга, и сбросили с вертолета прямо над Саядом. Как раз в том месте, где в последний раз вблизи моста понесла большие потери наша колонна. А заместитель командира автобата, высокий худощавый капитан с пышными русыми усами пропал без вести, а через неделю был подброшен на КПП баграмского медсанбата с отрезанной головой, без кожи, содранной заживо, обрубленными пальцами рук и ног, с отрезанным членом и засунутой в задний проход неразорвавшейся гранатой ВОГ-17 от автоматического гранатомета.

Сознание возвращается вместе с очередью ДШК. Наша пара вертолетов сначала прижимается к дороге, потом резко уходит вверх. Под нами кишлак Баяни-Бала – место гиблое. Остатки сгоревших наливников, обугленный корпус танка без башни, в которой сдетонировал боекомплект, оплавленный асфальт. Видения остатками утреннего боя как в тумане проплывают перед глазами. Нашу разведдесантную роту вытащили на вертолетах из Панджшера в Джабаль-Уссарадж и рассредоточили по дороге повзводно до Саланга. Разведсводка как всегда была самая напряженная. Две банды, численностью до двухсот человек, с проводниками из Пакистана должны были перерезать дорогу, чтобы сорвать тыловое обеспечение Панджшерской операции. За Салангом, как передавал комендант туннеля и мой однокашник Мишаня Тимофеев, был разбит большой афганский лагерь из разукрашенных «бурбахаек», «гойот» и автобусов. Никто из местных в колонны не становился. Говорили, что пришли на трассу люди Ашурхана жечь «неверных». Поэтому грузы собирались все особой важности: наливники с топливом, камазы с боеприпасами. На стационарные блоки подтягивали бронегруппы, чтобы при первом же обстреле выходить на место засады.

Утро вываливало из-за горы слепящим афганским солнцем. Тени от скал внезапно исчезали, все живое пряталось в расщелины, замирало, уползло к воде. Как первый признак грядущего боя – дуканы в Колотаке не открывались. Трасса застыла в напряжении, и только

облупленный старый БТР поста царандоев устало пропылил от Саланга в сторону Джабаля. Одни лишь беспечные птицы галдели в безоблачном небе, парила в зените пара орлов, застывших, как изваяния. Первая колонна, ощупывая террасы чуткими стволами сдвоенных зениток, уже вытягивалась из туннеля, набирала скорость, катила в спасительную зеленку, ближе к Кабулу. По радио прошла команда: «Агаты, Агаты, встречайте нитку. Будьте на приеме».

«Нитка» шла мощно. Шурша шинами, рыгая на поворотах выхлопами солярки, отплевываясь гарью летели груженные «камазы». Впереди, раздвигая плотное марево, хищно шли два бронетранспортера, как бы обнюхивая высоко задранными стволами ложины скал и придорожную зелень. Водители в кабинах наливников чутко прислушивались к реву двигателей, вращали стриженными головами, ловили каждый звук. Окна, завешенные бронежилетами, автоматы с перевязанными надвое магазинами, сосредоточенные лица – все это указывало на готовность колонны ошестиниться очередями огня, разить врага, пробиваться по склонам гор, прикрывая товарищей, погибать в огне; но нести, везти, толкать грузы дальше, в Кабул.

Обычно очень трудно определить исходную первого выстрела. Завязка боя нарастает стремительно. Одиночные сливаются с очередями, раскаты гранатометов перекрещивают карканье ДШК. Но на этот раз я точно видел полет гранаты. На доли секунды яркая вспышка озарила расщелину на горном склоне, рванулась огненная смерть, по дуге уперлась в кабину наливника, с грохотом лопнула, превратив искореженный металл, лобовое стекло и хлещущее топливо в смерч, рвущийся к солнцу. Скалы ожили злобными огоньками, терзая, растаскивая или останавливая колонну. «Нитка» ошестинилась, бронетранспортеры прикрытия рванулись к месту засады поливая склоны пулеметными очередями, с ближайшего блокпоста зачавкали минометы. Плавился асфальт под горящим топливом, головная машина встала, превратилась в огромный факел, закупорила дорогу. За ней уже начинал разгораться следующий наливник. Танк, пока не мог пробиться в голову колонны, беспомощно вращал стволом, маневрировал на склоне. Один из головных бронетранспортеров, обдирая броню о нависшие камни, развернулся и впритирку к скале частью экипажа пытался набросить трос на бампер полыхающего «камаза», однако колеса уже горели в солярке, и ничего не получалось. Огромным факелом перегородили узкий горный серпантин два наливника, один еще продолжал медленно двигаться на пробитых скалах, водитель – русоволосый, худенький мальчишка выпрыгнул из кабины и, укрываясь от жара и пуль за камнями, пытался отскочить от пламени, но от едкого дыма, а может и от выстрела, упал, потерял сознание. Гимнастерка на нем вспыхнула, и сожрал огонь молодую жизнь, укрыв шуплое тельце черным маревом.

Танк наконец-то пробился по самому краю ущелья в голову колонны, развернул башню и, задрав по-боевому люки, таранил горевшее искореженное железо. Бронетранспортер длинной очередью вспорол тяжелое подбрюшье наливников, предотвратил взрыв, направил ручьи горевшего дизельного топлива по склону горы в ревущее ущелье. Танкисты торопливо и деловито сбрасывали вниз обломки бочек. Экипаж БТРа передового охранения пеленал в фольгу обгоревшие останки водителей, колонна тронулась и шла, шла, наращивая скорость, разбрасывая сгоревший асфальт, блестя на поворотах лобовыми стеклами кабин и надписями на бортах: «Смоленск», «Калуга», «Москва».

«Духи» отошли, зализывали раны, перегруппировывались, обходя наши блоки и выносные посты, прорывались к новым местам засад. Вторая и третья «нитка» под прикрытием беспокоящего огня полковой артиллерии на полной скорости катила подальше от Саланга, удивленными глазами зажженных фар осматривая место трагедии. Трасса гудела, наполнив воздух выхлопными газами, вонью сгоревшей солярки, шуршанием шин и ревом натруженных моторов. За наливниками проскакивали бортовые машины с зенитными установками. Экипажи вращали стволами, ища врага в расщелинах гор. Летели потрепанные БТРы прикрытия с задранными вверх стволами, торопились к Кабулу, навстречу ветру, солнцу, ордену или близкой смерти.

Сменив позиции, на этот раз моджахеды решили уничтожить машины нашей подвижной бронегруппы. Обстреляв середину колонны на узком повороте, не отошли, как бывало раньше, вглубь горной расщелины, а, переждав залп минометной батареи с блокпоста Калатака, в упор двумя выстрелами из гранатомета расстреляли головной БРДМ замполита Димы Карличука. От первого выстрела, прошившего броню башни, вверх взметнулись люки, от избыточного давления брызнули осколки стекол, ствол пулемета беспомощно упал вниз на корму. Вторая огненная струя разметала трос кабестана и ушла в двигатель, кожа перегородки десантного отделения. Водитель, молодой круглолицый татарин Мумбаракшин, живой и невредимый, выскочил через переднее смотровое окно и юркнул под машину от длинной автоматной очереди, затих там, схватившись руками за кардан, а сам БРДМ, неуправляемый и осиротевший, с заглушим двигателем, как бы осел, медленно покатился вниз по серпантину, обдирая левый борт о скалы.

Третья граната прошла впритирку по открытым люкам нашего БТРа, обдав огненным жаром броню и стреляющий экипаж, оглушительно лопнула позади, разбросав веером осколки.

Наш КПВТ захлебнулся очередью, чавкнул и замолк. Утыкание в патронник всегда некстати. Водитель Мишка Яруллин, бросив мне управление, стремительно перелетел назад, сорвал с места пулеметчика молодого солдата, задрал ствол вверх и отверткой стал вытаскивать зажатый патрон. Перескочив за руль, пытаюсь сходу включить пониженную передачу. Натужно взревев двумя моторами, БТР клюет носом, резко тормозит, теряя скорость. Видно, есть Бог на свете. Очередная огненная струя из гранатомета плюхается на асфальт в полуметре перед нами, болванка рикошетит в сторону ущелья и взрывается уже в стороне. Длинной очередью пулемет разворачивается вместе с башней, заполняя звоном гильз десантное отделение. Копая обочину всеми четырьмя мостами, разбрасывая камни, кроша асфальт, зависая задним правым колесом над пропастью, рывками догоняем неуправляемый БРДМ замполита и ударами левого борта утыкаем в скалы. Запах вони сгоревшего сцепления густо перемешан с пороховой гарью пулеметных очередей. Быстро вытаскиваем посеченных осколками Карличука и молодого сержанта Житинкина. Оба живы, но без сознания. А переводчик Курбанов по кличке Бача даже осколками не задет, только почти оглох. Видно и его Аллах сберег в этой мясорубке. Разбитый БРДМ цепляем на жесткий трос и двигаем вниз, круша ущелье из двух пулеметов, ближе к посту, к блоку, к нашим. На извилине дороги прижимаемся к обочине, пропускаем летящую колонну. В ней больше крытых фур, больше прицепов, значит – везут боеприпасы. Замыкающие машины сигналият фарами, благодарят за проводку, за бой, за еще один подаренный судьбой день жизни. Звеня железом, качает хоботом зенитка. Удачи вам! Но вот ведь сука! Жив душман-гранатометчик. Обошел скалу и ударил, ударил в упор красным заревом, бросил взрывом в черную бездну, и ускользящим сознанием видел я его бородатую рожу, с тряпкой на башке – а может и не его вовсе – а пронсящийся ветер на Колотаком...

Вертолет завис над посадочной площадкой Баграмского госпиталя. По дороге, мимо морга, поднимая тучи пыли, несутся санитарные машины. Винтокрылый спаситель плюхается на землю и выключает двигатель. Я жив, но только могильный холод по спине. Тихо сидел сзади неизвестный паренек, раненный водитель из разбитого «камаза». Его юное лицо уже заострилось и застыло. Сидел тихо и умер тихо. Царство тебе небесное.

БАГРАМСКОЕ ТАНГО

Боль! Она проникала повсюду, изнуряла до потери сознания, острой раскаленной спицей жгла мозг и вырывалась наружу диким нечеловеческим криком. Облако желтой пыли, поднятое взрывом этой противопехотной мины, уже осело, посеребрив соседние камни, прикрывая таящуюся на горной тропе смерть, такую же пластиковую и не

извлекаемую. Сердце гулко, словно колокол, билось в груди, фонтанами выкидывая алую кровь из тех мест, где когда-то были ноги. Кровь дымилась, сразу густела и уходила сквозь песок, скрюченные побелевшие пальцы, ломая ногти, скребли обломки камней, а глаза – глаза, полные отчаяния и непонимания случившегося, молили, чтобы все это оказалось тяжелым сном, померещившейся неправдой. Жизнь уходила из растерзанного тела, но все еще цеплялась за набухшие жилы, за мокрые полосы рваной тельняшки, за липкий кусок окровавленного мяса.

Грохот взрыва был слышен далеко в горах, гулким эхом пробежал до перевала, юркнул по извилистой водной глади Панджшера и затих в каменистых разломах.

Дорога от Саланга, избитая камнепадами, гусеницами и воронками от мин, петляла, извивалась, но все же текла в зеленку, ближе к Чаррикару, к воде и жизни. Изгибом влево уходила на Баграм, пылила мимо вкопанных по самую башню танков одного из усиленных мотострелковых батальонов 108 дивизии, и, захлестнув побитый, но еще живой кишлак, упиралась в аэродром и госпиталь.

Обрывки утекающего сознания фиксировали знакомые повороты и ямы, то опуская израненное тело в небытие, то вырывая острой болью от толчков на выбоинах из груди нечеловеческие стоны.

Все, что осталось от десантника Вовки Осадчего, радиотелеграфиста и спортсмена, лежало на окровавленных носилках в бронетранспортере, пульсировало и стонало, но еще жило и очень хотело жить дальше.

Баграмский разведбат уже двое суток обеспечивал ввод войск в ущелье Панджшер. Два дня дымились склоны от артиллерийского обстрела, свистели осколки и камни, шелестели снаряды, грохотала техника и дрожала земля.

В плотном мареве дневного зноя висели вертолеты, бросая огненные пулеметные струи на замаскированные опорные пункты духов, ломая сопротивление моджахедов и прикрывая пехоту.



На господствующих высотах еще в сумерках были высажены разведчики, коротким огневым контактом сбросившие с легких стрелковых сооружений в горах многочисленные душманские дозоры. Теперь десантура зализывала раны, бинтовала друзей, восстанавливала систему связи и огневой поддержки. Короткая ночь мелькнула, как трассирующая пуля в шальном огне, грохоте винтов и столах друзей. Внезапность была

достигнута, потерь было мало, но они были, и санитарные вертушки уже деловито сновали между ущельем и посадочной площадкой Баграмского госпиталя.

Вовка Осадчий, после трех вколотых антидотов впал в липкое небытие, какой-то сон, смешанный с явью, болью и подсознанием последнего боя. Ему грезился красный луч, громадные коровы, которые доились кровью. Он танцевал между ними, и был одновременно и пастухом и мясником на бойне. Почему-то он был с радиостанцией Р-148 и в парадной военной форме с орденом «Красной Звезды». Вместо кнута он таскал за ствол автомат, иногда стреляя в какой-то колокол. Колокол разгневанно гудел, и эти страшные кровавые коровы сами собирались на бойню. Он большим басмачьим ножом отрезал им языки и сразу же ел сырыми, давясь и захлебываясь этим красным месивом, а чтобы скотина не смотрела на него своими огромными, грустными, немигающими глазами, этим же ножом он выбивал коровам глаза с одного короткого замаха. Но после двух ударов замах перестал получаться, все стадо пристально смотрело на него, огромный бык наклонил голову, Володьке стало страшно, и он закричал, рванувшись вверх, он ударился о тримплекс, и сознание медленно стало проясняться. Вместе с сознанием пришла боль, но уже не жгучая и резкая, а тупая и ноющая. Бронетранспортер тем временем на огромной скорости влетал на бетонку перед медсанбатом, без перегазовки прошел шлагбаум контрольно-пропускного пункта и, загребая пыль всеми четырьмя мостами, затормозил возле приемного покоя.

«Какой же это приемный покой?» – удивился Осадчий. Ревущая, стонущая, бессмысленно смотрящая в потолок окровавленная толпа, разбавленная белыми халатами медсестер, дожидалась своей очереди в операционные. Два окровавленных хирурга: один – загорелый, усатый, широкоплечий старший лейтенант из Овруча, уже второй год тискающий скальпель с шутками и прибаутками; а другой – худой, с горбатым носом, чернявый и немногословный москвич совсем не врезался в память, – значит, прилетел в Баграм совсем недавно.

Володька чувствовал, что его бережно вытаскивают через задний люк, однако любое движение причиняло ему жгучую боль, и он опять впал в забытие.

И опять он танцевал в кровавой пелене. Чудился ему старый клуб на окраине поседевшего города Запорожье. Его родной десятый класс средней школы, соседка по парте, но сколько он ни силился вспомнить, – так и не вспомнил, как ее зовут. Кажется, был выпускной. Вовка в красивом сером костюме, рядом смеющиеся лица ребят. Он лежит в учительской на столе и старый директор почему-то голосом хирурга из Овруча резко бросает: «Режьте одежду!»...

А тем временем родная разведывательно-десантная рота Баграмского разведбата, где и служил радиотелеграфист Володька Осадчий, а вернее, то, что осталось от подразделения после Панджшерской мясорубки, еще глубокой ночью вышло на господствующие высоты для обеспечения прохождения колонн. В разведсводке было указано, что именно в этом месте над полотном дороги пытаются установить контроль вновь прибывшая банда, во главе с пакистанцем Ашурханом. После пешаварских лагерей их бросили в район Саланга для диверсионной деятельности: подрыв дорог, минирование мостов, линий электропередач и главное – регулярный обстрел колонн и террор местного населения.

Хитро организовав взаимодействие с взводом «Шилок», который ежечасно расстреливал очередной горный рубеж по команде десантников, штурмовики резким броском по доступным местам на хребтах, под летящими трассерами, прижимаясь к склону, заняли ранее намеченные позиции, сообщив об этом установленным сигналом на командный пункт.

Рота села прочно, тремя группами, сосредоточенно вгрызлась в камень, замаскировалась и замерла под встающим палящим солнцем.

Серпантин ожил внезапно. Колонны нагоняли одна другую, походное охранение первых перемешивалось с наливниками вторых, на скорости пролетая опасный участок, шли грузы продовольствия, одежды, топлива, торопились в Джабаль-Уссарадж, к равнине, к Чаррикарской зеленке, где уцелеть под обстрелом шансов было больше.

Колонна камазов-наливников, как гигантская железная суставчатая змея, медленно двигалась вверх, к Салангу, обдавая гарью и придорожной пылью посты мотострелкового полка, лязгала и отхаркивалась копотью на подъемах и поворотах избитого серпантина. Жаркое афганское солнце, раскалив добела грязно-зеленые кабины, обвешанные потертыми бронежилетами со стороны водителей, слепило глаза, обжигало кожу и веселыми лучиками убегало по извилистой ленте реки Горбанда. Внизу слева ревела вода, тащила камни, деловито подмывала искусственную насыпь террасы, блестела в радуге брызг, неся к Колотаку всякий мусор. Справа от дороги нависшие скалы с уступами и расщелинами грозили пролетающим мазутным чудовищам карликовыми деревцами. Жара, пыль, ветер. Во второй половине дня движение стало ослабевать, вверх, к Салангу потянулись одинокие полковые БТРы, проверяя посты, производя смену, пополняя запас продуктов. Проскакивали «бурбахайки» – битые-перебитые машины с открытым верхом, увешанные, как новогодние елки, местными жителями.



В сильный двенадцатикратный бинокль командир роты старший лейтенант Анатолий Киреев, известный в офицерских кругах способностью легко выкушать 750 грамм и попасть из подствольного гранатомета в открытое окно за 300 метров, внимательно рассматривал подступы от пятитысячников, вершин, одетых в вечные снега даже летом, туда, куда отошла ночью банда Ашурхана.

Внезапно налетело облачко, закрыло на время вершину, и та ожила. Цепочки вооруженных людей в чалмах, от камня к камню, на максимальной скорости бегом преодолевали открытое место горного хребта, где граница снежной вершины сливалась с грязными скалами. Склон зашевелился, на левом фланге зло и деловито закаркал пулемет ДШК, грохнул разрыв от гранатомета, и любимец роты снайпер Юрка Белов сделал ножом две быстрые зарубки на прикладе. Под плотным огнем притих даже ветер, «духи» изо всех сил прорывались к ложбине, где можно было скрыться от раскаленных очередей двух ротных пулеметов, но, даже умирая, кричали «рус, сдавайс». Командирские голоса в эфире слились в один непрерывный ор. Артиллерия – не ювелирная мастерская. Триста метров недолет, и первый дымовой снаряд рухнул как раз за спиной группы разграждения. Батарея

готова продолжить огонь по этому прицелу без сигнала. «Всем стой! Я прошу тебя, Господи! Сбереги слабеющее питание нашей радиостанции!».

Сознание вдруг возвратилось к Вовке ярким светом ламп операционной, блеском никелированных инструментов, белыми повязками врачей и диким холодом металлического стола, хотя за окном было знойное афганское лето. Он лежал абсолютно голый, с привязанными к стойкам руками. В углу, перед дверью, валялась его окровавленная одежда, нагрудник с подсумками, рваная в разводах тельняшка. Ему было унижительно и стыдно от своей наготы и проступившей вдруг худобы, от своих неполных девятнадцати лет и выгоревших волос и бровей. Хотелось плакать, но сил не было. Медсестра в марлевой повязке колдовала цепкими пальцами в резиновых перчатках, делала в предплечье уже второй противошоковый укол, переставляла капельницу, сочувственно цокала языком и готовила эфирную маску. Хирург сердито мыл руки за ширмой, жесткой щеткой полировал ногти, глухо ругался, настраиваясь на нелегкую операцию. Хотя ему приходилось проводить ампутации конечностей почти каждый день, он до сих пор не мог смириться с мыслью, что эти молодые, в общем, еще ничего в жизни не видавшие ребята, из-под его ножа выходят калекami. Остатки сознания безногого десантника плавно забирал эфир, силуэты операционной медленно гасли, и тонкая стальная хирургическая пилка с хрустом врезалась в остатки ноги.

Командный пункт дивизии ответил неожиданно громко: «Вас слышу, поднимаю дежурную пару!». До наступления сумерек осталось тридцать минут. Огневой бой то затихал, то усиливался. Берегли патроны все, методично работал подствольный гранатомет Киреева и слепящее кровавое солнце, садясь за Баграмом, резало глаза прорывающимся «духам».

Не могу поймать радиоволну вертолетов. Полосатые, где вы? И вдруг в наушник – как гвоздь: «Агат, обозначь себя, захожу сходу на боевой!». – «Спасибо, милые, я – «красный дым» – прямо, двести, – духи!». И еще запомнил нервный выдох ведущего: «Близко, твою мать... Нагибай башку!».

Неправда, говорят, что настоящие мужчины – сильные, красивые и не ругаются матом. Мне наплевать, что там нравится девушкам из высшего общества, но на войне настоящие мужчины только и делают, что ругаются, причем, чем больше информации необходимо передать, – тем короче слова.

Перед вторым заходом «вертушек» рота перегруппировывается, и когда «полосатые» отцепляют вершину в «карусель», каскадом, прикрывая друг друга, разведчики уходят по разлому вниз. Кто был в горах, тот знает, как быстро темнеет на земле при заходе солнца и как еще долго отражают свет заснеженные вершины. «Духи» все-таки выскакивают на гребень, но до десантуры уже метров восемьсот. Пули щелкают на излете по камням, но огонь без прицела не так опасен. Уже ближе к полуночи группы собираются к лагерю, и сразу к артиллеристам, уточнять цели стрелковых сооружений и готовить «утренний концерт» для жителей Джабаль-Уссараджа.

После двухчасовой операции Вовка очнулся в палате реанимации только к концу следующего дня. Ужасно хотелось пить, болели руки, натертые ремнями, тело было легкое и невесомое. Он помнил все: ослепляющий взрыв, бешеную гонку на бронетранспортере до медсанбата, глухую ругань хирурга. Однако, где-то в глубине души жила надежда, что все обошлось, что это были не со мной, что сейчас он немножко отдохнет, встанет и уйдет в расположение. А в роте дневальный передаст ему пачку писем от родных и той самой девчонки, которой он не мог вспомнить имя. Смотреть вниз на одеяло было жутко и страшно, но не смотреть было нельзя... В тесно забинтованных лубках слева белелось то, что мастер-хирург сумел оставить, скрутить штифтами, собрать в одно-единое окровавленные лохмотья и раздробленную кость. Справа была пустота. Она начиналась чуть выше колена. Пустота болела и ныла, вырываясь диким стоном наружу предательской мыслью – «почему все-таки я?». И он опять потерял сознание.

В рассветном небе на Кабульский аэродром, отстреливая тепловые ракеты, неторопливо заходит ИЛ-76. «Тяжело садится, заменщиков много», – привычно повторяют одну и ту же шутку загорелые аборигены. Предательский ком подкатывает к горлу и сбивает дыхание. Интернациональный долг отдан, и в загранпаспорт поставлен последний штамп. Таможня привычно роется в чемоданах, а группа прапорщиков резво допивает завершающую бутылку водки. Выздоровливающие особой категории направляются на реабилитацию в Ташкент, затем будут уволены. В госпиталь друзья передали пакет с новой формой. Только без берцовых ботинок. Обошлись трофейными кроссовками. Приезжал ротный Киреев. Привез орден «Красной Звезды», ящик фанты и пачку писем. Повздыхал, сидел рядом на койке, положив загорелую руку Вовке на плечо. Рассказал, как воюют друзья, кто погиб, кто ранен. Привез получку – сорок пять чеков, как раз за четыре месяца пребывания в госпитале. Обнял на прощанье, пожелал чего-то, что говорят в таких случаях. И вот сейчас, перед посадкой в самолет, который своим взлетом перевернет самую яркую страницу его жизни, вспоминал Вовка эти ушедшие дни, как самое дорогое. Вспоминал, и слезы сами катились по его впалым щекам, падали на китель, на орден, на костыли.

Как давно это было, но все равно, по сей день приходят к нам во сне погибшие и живые товарищи, а командир роты кладет из подствольного гранатомета в окно горящего дома, где захлебывается трофейный пулемет духов, очередную гранату. Танцуют страшное танго кровавые языки пламени. И уже не десантник Вовка Осадчий теряет сознание под ножом хирурга, а целая страна корчится в страшных судорогах в операционной олигархов. Уже вызывают не столько ужас репортажи из Чечни и Югославии, а сколько брезгливость при оглашении нового дела «семьи» и очередного преемника. Пауки в банке пожирают друг друга. И где ты, ротный? Кажется, маячит твоя тень у Дома Правительства «обновленной России». Там окон много...

июль 1999 года

НА ОГНЕННОЙ ЧЕРТЕ

Своим друзьям, погибшим и живым, посвящаю.

Земля здесь каменистая и чужая. Чужой и ветер, злой, обжигающий, стегающий песчаной крошкой по глазам, выбивающий слезу и противно завывающий в каменистых разломах. И солнце тоже злое, беспощадное, выжигающее добела десантные комбинезоны, оставляя широкие соляные разводы на спине и ослепительный оскал зубов на прокопченных лицах.

И, кажется, воздух тоже раскален этим солнцем, дрожит, звенит, не шелохнется. Только пара вертолетов, безмолвно зависшая над дорогой, ныряющей в каменистых распадках, напоминает о войне. Да, о войне, войне жестокой и беспощадной, с кровью, потом, слезами и горем.

Многострадальная земля Афганистана, какие тайны ты хранишь в своем прошлом, кто только ни пытался с огнем и мечом захватить эти горы: древние моголы, лихая конница Александра Македонского, англичане, и это еще не все. Какая злая судьба забросила теперь в твое высокогорье и наших ребят, необстрелянных еще, глупых и наивных. И что это за долг такой, когда мы ничего ни у кого не брали, а теперь вынуждены отдавать по этому страшному суду самое дорогое что у нас есть – жизни наших сыновей, молодых, здоровых ребят, так до конца и не осознавших счастливых дней своего двадцатилетия? И как живые укоры нашей политической глупости стоят у дорог пятиконечные обелиски, отмечая места тяжелых схваток, минных разрывов, наших смертей и материнского горя. Почти десять лет неоправданных потерь, ненужной войны и народной скорби.

После жестокого обстрела нашего блокпоста в кишлаке Махмудраки, было решено вывести эту парашютно-десантную роту, понесшую большие потери, объединив в этой операции усилия разведбата мотострелковой дивизии и части сил парашютно-десантного полка. При выходе из Баграма уже по закрытым дукам и первой итальянской

пластиковой мины, извлеченной нашими саперами из-под головного танка, было ясно, что духи сегодня без боя не отдадут наших ребят, а надо было спешить – у десантников несколько убитых и много раненых.

Звонко зацокали по камням первые пули, плющились о скалы, пронзительно завывая в рикошетах, зловещим свистом наполняя раскаленный воздух. Зловещее солнце слепило глаза, беспощадно обугливало кожу и, раскалив автоматы, зайчиками убегало по извилистой ленте реки Горбанда. Страх уже не было. В теле жили одни инстинкты. Двигали руки и ноги, сгибали тело, выбрасывали из горла слова команд распухшим от жажды языком. За моей спиной глухо охнул, и сразу же осел, сломался в поясице и начал медленно заваливаться с двухметровой высоты Толик Тищенко, весельчак, гимнаст, любимец всей группы. Из раны, точно в том месте, где лихо расстегнутая мабута оголяет уголок тельняшки, мощной струей, точками, выплескивалась ярко-алая кровь. Третий, сержант Сергей Белов, по кличке Большой Билл, прочертив антенной радиостанции по скале, закрывая нас, мгновенно рванулся вперед и, сразу получив свою порцию свинца в правое предплечье, от удара перевернулся и упал на спину.

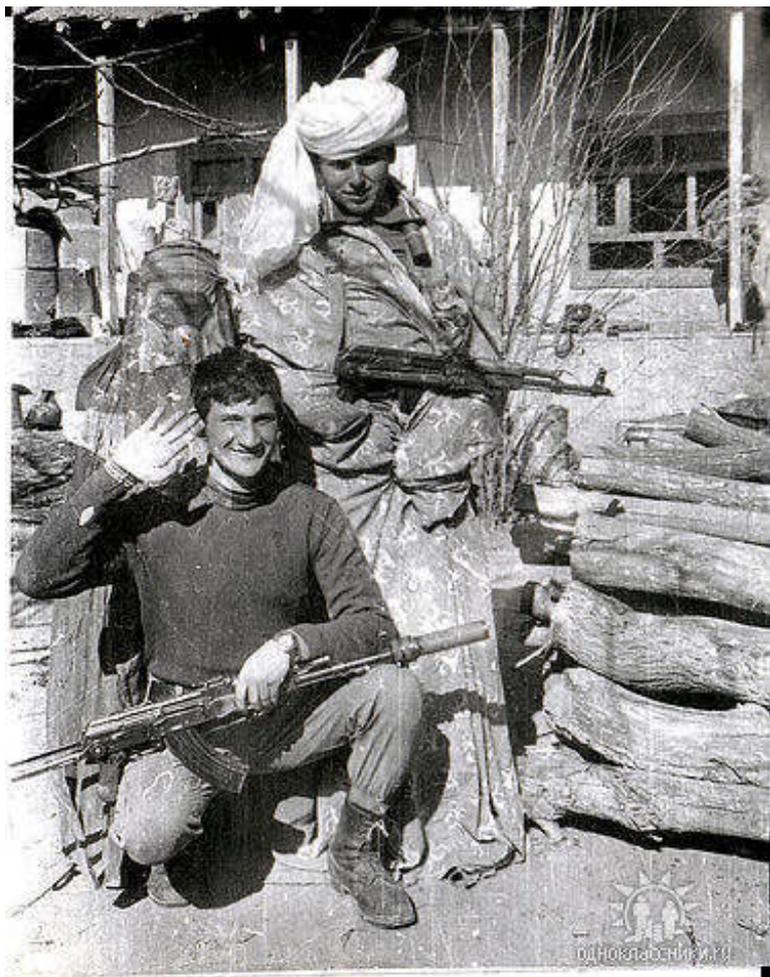
Тищенко до боли сжал мою руку своими тонкими, обескровленными пальцами, и его открытые, чуть навывкате глаза, мгновенно подернулись мутной пеленой. Толик жил в далеком городке Прилуки. Где-то там, за этим проклятым Саядом и Чаррикарской зеленкой, там, далеко в Союзе, глухо кольнуло сердце у твоей матери, и она, еще ничего не зная, но уже душой чувствуя опасность, в тревоге и нервной суете проведет эти несколько дней, пока ужасная весть черной птицей долетит до Украины.

Сергея Белов, так до конца и не поняв, что он ранен, в азарте боя, а может быть и в болевом шоке, перехватив автомат в левую руку, пытался прикрыть нас огнем. Билл чего-то кричал, выпуская длинные очереди по группе валунов на другой стороне реки, отчаянно матерясь, менял магазины и снова поливал свинцовым дождем раскаленные скалы.

Здесь я увидел их – две черные чалмы, нахально отсекающие нам путь назад, хладнокровно, бросками от камня к камню, отрезали нас от группы.

Но это была только завязка боя. Оживший берег Горбанда, разорвав знойную тишину, наполнил воздух свистом пуль, одиночным треском карабинов и захлебывающимися очередями автоматов. «Духи» отступали медленно, совершая стремительные вылазки по флангам, ведя огонь по остановившейся технике из гранатометов. Направляющий танк сел на мину, но еще живой, снаряд за снарядом прицельно посылал за дувалы, где укрывались моджахеды, помогая своим огнем продвижению наших групп. Во весь рост, обозначив движение и отвлекая на себя огненный смерч, сверху, с горы «сыпался» в гряде мелких камней дозор с замкомвзводом Иваном Егоровым, лихим казанским здоровяком, отличным стрелком и дважды орденоносцем. Вот уже первая чалма, беспомощно взмахнув руками, навсегда откинула ПППШ. Недолго петлял за камнями и второй.

Всех приезжающих по замене в Афганистан первым в нашей дивизии встречал начальник политотдела полковник Серебров. Каждому он старался найти какие-то вселяющие надежду слова, давал заряд бодрости. Вот уже много лет я вспоминаю эту первую встречу с ним и его притчу о куске хлеба. Кому судьба помажет его маслом, кому просто отломит горбушку, а к тебе подойдет, криво усмехнется, прищурится и спросит: – «А ты что, разведчик, что ли?» – и сунет в руки черствый черный сухарь. И ты грызешь этот сухарь, глотая слезы, кровь и пот, ломаешь зубы, грызешь и думаешь: «За что это все мне и так много?».



И сразу же услужливая память уносит меня в Ниджрабское ущелье. Разветвленное, извинаящееся среди ломаных горных острогов, то сужающееся и грозно нависшее над петляющей тропой в глубоком снегу, то разбегающееся от тропинки остроконечными хребтами, убыленными вечными снегами. Январь далекого восьмидесят второго года. По поступившим разведанным в ущелье Маликар замаскирован лагерь наших военнопленных и душманский госпиталь с французским оборудованием, но отбить их трудно, почти невозможно. На карте – это две соседние вершины, а в жизни это кручи, уходящие ввысь, чахлые изогнутые горные сосенки и крутые, крутые тропы без конца и без начала.

Первый же кишлак ответил нам двумя длинными очередями ДШК. Но сразу же затих, будто и не было этих злых снежных фонтанчиков под ногами, этих бросков от камня к камню и

прерывистого хриплого дыхания после бега в разреженном воздухе. Кишлак брошен. Чувствуется, жители ушли, так и не собрав всего самого необходимого. И только в одном из последних домов удалось найти старую женщину, с ненавистью и страхом смотревшую на нас, «шурави», пришедших на эту землю выполнять свой интернациональный долг, платить за мнимое спокойствие южных границ жизнями своих лучших сыновей. А может, и не платить вовсе, а расплачиваться этими жизнями за чью-то политическую близорукость и политическое упрямство.

«Аллах акбар! Белый верблюд священной войны джихад против неверных пришел в твой кишлак. Неверные заберут твоих детей, дадут им оружие, научат убивать честных мусульман, пить человеческую кровь, неверные разрушат твой дом, осквернят твой очаг, внуков твоих посадят в железные клетки, и долго еще будет развиваться зеленая повязка неисполненной мести над священной землей могил твоих родных!» Так говорил мулла в мечети, так говорили злые бородатые мужики, вооруженные пришлым американцем, которые уводили день назад ее сыновей. И как объяснить этой неграмотной афганской женщине, что нас тоже кто-то ждет дома?

В потрескивании радиоприемника слышны то музыка, то чужой непонятный язык. Эфир, кажется, живет этими звуками: гомоном станций из другого мира, шорохами моря, перестуком морзянки, грохотом джаза. И вдруг – четкая волна: «Вы слушаете голос Америки из Вашингтона. Передачу ведет Мария Левицкая. Советские оккупационные войска в Афганистане проводят новую карательную операцию по ликвидации бойцов народного сопротивления в провинции Парван. Предпринимается еще одна попытка установления нужной Кремлю власти. Среди контингента войск, задействованного в операции, выделяется банда майора Николаева, главное оружие которой – жестокость. Однако на горных тропах русских солдат подстерегают в засадах бойцы народного фронта и национальные силы. У

населенного пункта Ален продвижение оккупантов было остановлено прицельным огнем двух крупнокалиберных пулеметов. Потери русских уточняются. А теперь новости музыки...» Вот это да! Ведь до Алена мы не дошли два километра!

Из раздумий выводит голос в наушниках: «Агат, я Весна, прием!». Не спит комбат Николаев. Кажется, трофейный «панасоник» крутим не одни мы. «Ты передачу слышал?» – «Слышал, Весна!» – «Завтра направляющий, конец связи!».

Только ночное небо над горами подернулось белесой пеленой, мы уже на ногах. Проверяем оружие, боеприпасы, подгоняем нагрудники, по очереди ковыряемся одной ложкой на всех в банке гречневой каши. Вышли без шума, огибаем дувалы и, прижимаясь к подножью горы, наращиваем скорость. При смене ночи и дня причудливые очертания камней и кустарников отбрасывают неясные тени на еле заметную тропинку. Дозор отрывается вперед, и мы, стараясь не терять зрительной связи, вынуждены почти бежать, рывками преодолевать открытые места и переводя дух лишь за камнями, сливаться с местностью. Максимум внимания, где-то впереди обязательно должна быть засада. Моджахеды хитры и умело используют расщелины в скалах для кинжальных ударов.

«Ну вот, напоролись!». Эта мысль пронизывает мозг одновременно с одиночным лаем афганских «Буров» и раскатистым заливом наших «Калашниковых».

Резко меняю направление движения группы, бросая в обход засаде тыльный дозор. Оружейным громом оживает весь горный склон. Такого мы еще не видели. В рассветном небе хорошо просматриваются три группы душманов, расположенных каскадом друг над другом. Причем часть из них в советской форме, а остальные в черных танковых комбинезонах. Под прицельным огнем верхних, нижние отходят по склону. Явно в банде советник с военным образованием. Срочно вызываю артиллерию, и вот уже, шурша над головами, на склон ложатся первые снаряды. Артнаводчик успешно корректирует второй залп, и дышать становится легче. С воем осколки рикошетят по камням, и мы, уловив секунды на перезарядку орудий, собираемся в каком-то глиняном сарае. «Дозор на выходе, пулеметы на второй этаж!» – но в этих командах ребята вроде бы не нуждаются, а сами автоматически делают свое дело.

Перегруппировавшись и переждав огонь артиллерии, «духи», не жалея патронов, поливают свинцом наше глиняное убежище. Старший дозора сержант Уколов ранен в плечо. Наскоро накладываем повязку и жгутом останавливаем кровотечение. Надо выходить, пока не зажали окончательно. Решение пришло быстро. Забрасываем «красным дымом» один из подходов к дому, а сами из другой двери выскакиваем в виноградник и руслом пересохшего ручья уходим от засады. «Красный дым» служит хорошим ориентиром вертолетчикам, и вот уже первая пара «полосатых» по нашей команде заходит на «боевой». «Нурсы» с треском ложатся по склону, и в бинокль ясно видны мечущиеся фигурки и яркие разрывы. Отработав по склону, вертушки под нашим прикрытием садятся на ровную площадку и забирают раненых. Один, десантник Юра Гарайкин из соседней группы, тяжелый. Уколов теряет сознание от потери крови. Выздоровливайте, ребята, а для нас этот выход еще только начинается.

Перед Аленом у нас в группе еще один подранок – Роберт Житкус. Пуля была на излете, но кость все равно раздроблена, немедленно вызываем доктора. С «доком» нам явно повезло. Юра Шаповалов без страха и упрека работал на всех операциях, мог поддержать теплым словом и витаминами, всех солдат знал по имени. Подойдешь к нему поговорить, а он тайком тебе в карман пачку аллохола сунет, знает – печень после желтухи побаливает. Сберег многих, а вот себя не смог. Умер уже в Союзе в 1984 году от рака печени, и до сих пор администрация города Железнодорожного ведет неравный бой за однокомнатную квартиру его родителей – инвалидов Отечественной войны.

До конца боевой операции еще неделя, а потери уже большие. Что поражает, в кишлаках нет мирных жителей. Все ушли в горы. Мы же не могли предполагать, что духи силой угнали всех за перевал, и что этой морозной ночью погибло человек двести, в основном женщины и дети.

Продвигаемся вперед медленно, в соседнем ущелье мотострелковый полк за три дня прошел всего восемьсот метров, имея уже девятерых убитых. У нас успехи лучше. Осталось преодолеть всего километров семь, и на карте узкая тропа упирается в непреодолимый пятитысячник, покрытый вечными снегами. В провинции Баглан это самая высокая точка. Последний кишлак, состоящий из нескольких покосившихся, закопченных, глиняных сараев, обходим двумя группами с флангов. В самом центре возле единственного дукана молча толпится человек пятнадцать, много детей. Вездесущий переводчик Курбанов по кличке Бача раздает сахар, одновременно расспрашивая о жителях, душманах и сбитом неделю назад в этих местах вертолете. Только начали выбирать место для ночлега – по радиостанции получаем новый приказ: продвинуться еще вперед километра на два в гору до разрушенной мельницы. Перспектива провести ночь в снегу не совсем радует, и, стараясь успеть до темноты, бегом по тройкам преодолеваем это расстояние. Возле стен разваленного дувала, что на карте обозначен как мельница, три изможденных старика. Появление в сумерках «шурави оскар» было для них явной неожиданностью. Предчувствуя что-то хорошее, а может быть просто конец операции, с почетом целую всех их по очереди в седые бороды, как бы признавая их за своих родителей. Деда дружно прослезились, и один из них, наверное, самый молодой, как был в галошах на босу ногу, резко рванул к почти неприступной стене и скрылся в сгущавшейся темноте. Выдвигаем справа и слева на склоны горы по пулемету на всякий случай и ждем убежавшего аксакала, а Бача тем временем разъясняет старикам, что мы не сделаем никому ничего плохого. Вдруг по склону горы вижу спускающуюся толпу афганцев. Через минуту все смешалось: старики, женщины, дети. Все что-то кричат, объясняя все сразу и никого не слушая. Понимая, что их в горы угнали душманы и они ночевали в снегу четверо суток, докладываю старшему. Наскоро соорудив красный флаг и поставив во главе колонны старейшин, выводим эту толпу к кишлаку. Сами отходим последними. Там нас уже встречают, женщин и детей размещают в домах, а со старейшинами беседует наш комбат. Утром старики уходят опять в горы, а мы получаем приказ: по перевалу пройти в соседнее ущелье, где завяз мотострелковый полк. Кто бы мог предполагать, что ночью командир убедил аксакалов пройти к душманам, и, используя свой авторитет старших, заставить их сдать оружие. Следующий день был похож на первомайскую демонстрацию. Со всех сторон Ниджрабского и Маликарского ущелий стекались толпы народа с красными флагами. Добровольно сдались человек триста моджахедов, и к нашему выходу из ущелья вездесущая программа «Время» уже заканчивала свой репортаж.

Жестко оттолкнувшись колесами от нагретой бетонки, тяжелый десантный самолет уходил вверх, как можно ближе подбирался к облакам и ложился курсом на Союз. В иллюминаторе сначала мелькнул потрескавшийся от жары и пуль Кабульский аэродром, Теплый стан, а потом потянулись однообразные горные отроги Гиндукуша. Легкое подрагивание обшивки, мощный гул четырех моторов, уверенно набиравших высоту, притихший народ на жестких скамейках для десанта, судорожно сглатывающий слюну, чтобы не закладывало уши...

Как же далеко все это было все вчера. Можно вспомнить до мелочей каждый выход, каждый бой, и, конечно, никогда не забыть своих боевых товарищей. Время лечит раны, уже не летят из Афганистана в Союз (которого тоже нет) цинковые гробы, а все равно предательски саднит сердце, когда вдруг услышишь по радио:

Не в сорок первом под Калугой,
Где холм высок.
В восьмидесятом под Кабулом,
Лицом в песок...

1990, 1996 гг.



**Контр-адмирал Александр
Геннадиевич Дьяконов.**

Родился в 1951 году в г. Стерлитамаке в Башкирии. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище (1973), Военно-политическую академию (1985), Высшие академические классы Академии Генерального штаба (2004).

Службу проходил на надводных кораблях и подводных лодках Северного флота. Службу закончил в должности заместителя командующего Северным флотом (1995-2008). Участник дальних походов и боевых служб, трансарктического перехода с Северного на Тихоокеанский флот подо льдами Арктики.

Кандидат исторических наук (2002). Член-корреспондент Академии военных наук (2005). Автор и руководитель нескольких авторских коллективов книг по военно-морской тематике, вопросам воспитания и истории флота. Автор трех поэтических сборников.

Награжден орденами Красной звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, орденом Почета, многими медалями. Ветеран боевых действий. Ветеран подразделения особого риска.

Победитель Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2021 года.

Я ТОЖЕ УХОДИЛ В ПОХОД

ВЕЛИКИЙ МАРШАЛ

В историю вошел победным маршем,
Тяжелой дорогой фронтовой,
Солдат России- наш советский Маршал,
Наследник русской славы боевой.

Великий Маршал страшной той войны,
Он вел полки в жестокий смертный бой,
Там бились насмерть Родины сыны,
И он был с ними на передовой.

Легендой фронтовых кровавых дней,
Остался в памяти отцов, сынов и внуков,
Солдат Великой Родины своей
Всегда победоносный Маршал Жуков!

ЛЮБИМЫЙ СЕВЕРНЫЙ МОЙ

Любимый Северный мой флот!
Ну, как вам служится, ребята,
У самых северных широт...
Точнее, за семидесятой?!

Все также Полюс леденит
И манит Северным сияньем,
Все также Арктика штормит,
Холодным обдает дыханьем.
Отсюда с краешка земли
Пути далекого начало,
Уходят в море корабли
От стылых пирсов и причалов.

Могучий и надежный флот,
Своей историей богатый.
Я тоже уходил в поход
В былые времена когда-то.

Как и отцы, готовы - в бой,
По сути все же-миротворцы,
Всегда на вахте боевой
Вы- моряки-североморцы!

Враги беснуются в бессилье,
Покоя Север не дает.
За вами - Родина - Россия,
А с вами - Арктика и Флот!

СТОИМ В СТРОЮ

Стоим в строю. Команду «смирно»
Старпом внезапно подает,
И вижу краем глаза - мирно
Вдоль строя командир идет.

Он видит каждого матроса,
Стоящего бок о бок рядом,
И ждем сурового разноса,
Коль заприметит непорядок.

Втянув живот и вскинув взор,
На время затаив дыханье,
Мы молча на морской простор,
Глядим в тревожном ожиданье.

Но к счастью все же обошлось,
Без замечаний и придинок,
И нареканий не нашлось

Сегодня к нам у командира.

А, значит, выгядим достойно,
Матросский строй нельзя срамить,
И будем дальше жить спокойно,
И честно Родине служить.

КОГДА ГОРНИСТ ИГРАЕТ СБОР...

Когда горнист играет «Сбор»,
Команда строится
на юте.
Я вспоминаю до сих пор,
О той торжественной минуте,
Что крепко сплавивала строй,
Парней из разных уголков,
Страны свободной и большой,
И настоящих моряков.
В строю все просто и понятно,
Был ясен нам ориентир,
Задачи коротко и внятно
Пред нами ставил командир.
Минута! Все стоят в затишье,
Биенья сердца не унять...
Идет доклад, что время вышло,
Звучит команда: «Флаг поднять»!
Как в юности, живу в надежде,
Влечет к себе морской простор,
И хочется, чтобы как прежде,
Горнист сыграл команду «Сбор».

АДМИРАЛЬСКИЙ ЧАС

Традиций много есть на Флоте,
Их не выносим на показ,
Но нам завидуют в пехоте,
Узнав про «адмиральский час».

Кто моря испытал волнение,
И видел службу без прикрас,
Тому понятно несомненно,
Как важен «адмиральский час».

Он разрешает - без вопросов,
Чтоб службу трудную тянуть,
От адмирала до матросов,
После обеда отдохнуть.

И в этот час никто не смеет,
Покой священный нарушать,
А кто за службу так радеет,

Обязан шум не допускать.

Встряхнет сигнал побудки нас
И вовремя поставит в строй,
Но целый «адмиральский час»
Создаст рабочий всем настрой.

А в море сутками не спать
Нам выпадало много раз,
И приходилось лишь мечтать
Про этот «адмиральский час».

О нем я расскажу отдельно:
Морскими предками рожден,
Он в распорядке корабельном
Прописан был и утвержден.

Ведь море ценит стойких, бодрых,
Давал нам силы каждый раз,
Послеполуденный тот отдых
И он же - «адмиральский час».

Армейцы Флот не очень любят,
Себе стремятся подчинить,
Хотя и многое загубят,
Традиций Флота - не убить!

ОТСТАВКА

Военком мне выдал справку,
Что с сегодняшнего дня
Окончательно в отставку
Из запаса вышел я.

В заполярных гарнизонах
Много лет я прослужил,
Адмиральские погоны
Честной службой заслужил.

Флотской службой я доволен,
Но пришел тот крайний час,
Был по возрасту уволен
На гражданку я, в запас.

Пусть немножечко обидно,
Послужить еще бы мог...
В кадрах лучше было видно,
Что истек служебный срок.

Время это не забуду,

Вынес собственный урок.
Но служить я флоту буду,
Дав пожизненный зарок.

Офицеров увольняют
После выслуги в запас,
Но ведь бывших не бывает, -
Так уж принято у нас.

Флотский пост давно оставлен,
И свое берут года,
Но от флота не отставлен,
С ним я буду навсегда!

СЛУЖБА

Я должность принимал брюнетом,
Сдавал ее уже седым,
Хотя по возрастным приметам,
Еще считался молодым.

И неизбежное терзанье,
Ответ на мучащий вопрос,
Мое служебное старанье
Прибавило седых волос.

На службу сетовать не нужно,
Какой бы не была-крепись!
Ведь служба есть не просто служба,
А - это прожитая жизнь!

ДЕРЖИСЬ НАДЕЖНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Держись надежных ориентиров,
По жизни двигайся смелей,
Своих ты помни командиров,
И уважай учителей.

Кто в школе в классах самых первых
Читать учили и писать,
И, тратя собственные нервы,
Тебя стремились воспитать.

И тех, кто сверх программы школьной,
Старались знания привить,
И в жизни юношеской вольной
Учили время всех ценить.

Курсантских помни командиров,
Учивших на плацу шагать,
И заставлявших вас ретиво

Приказы четко выполнять.

И чти того, в тебя кто верил,
С кем вахту вы несли вдвоем,
Кто управлять тебе доверил
В походе дальнем - кораблем.

Свой путь не ломаным пунктиром,
А курсом твердым проложи,
Для многих сам стань командиром,
Их уваженье заслужи.

ПРОШУ ПРОСТИТЬ..

Прошу простить за штатский вид,
Мне самому он не по нраву,
Я ненавижу сей прикид,
Хотя ношу его по праву.

Тужурка флотская, мундир
Не числятся теперь в нарядах,
Их редко одеваю в мир,
И лишь на праздничных парадах.

И всем подаренным рубашкам,
Которых вовсе не просил,
Предпочитаю я тельняшки,
На флотской службе их носил.

Прошу за штатский вид простить,
Хотя сегодня это норма,
Но буду до конца носить
Любимую морскую форму

УХОДЯТ ИЗ ЖИЗНИ ГЛАВКОМЫ

Уходят из жизни главкомы,
С которыми вместе служили,
Со многими были знакомы,
Оценками их дорожили.

В историю Флота навечно
Записаны их имена,
Морскими делами, конечно,
Гордится родная страна

Им служба давалась не просто, -
Об отдыхе думать забудь,
К вершине карьерного роста
Тяжелым и долгим был путь.

В лихое для Родины время
Боролись за Флот, как могли,
Несли свое тяжкое бремя,
Стремясь сохранить корабли.

Но в службе с удачей знакомы,
За это никто не осудит,
По должности стали главкомы,
А в жизни - обычные люди.

Для всех нас едины законы,
Каким бы большим не был пост.
Уходят из жизни главкомы..,
За них произносим мы тост!

НИКОГДА НЕ ВОЮЙТЕ С РУССКИМИ

Иноземцы, расслабьте вы мускулы:
Не хотим мы на вас нападать.
Никогда не воюйте вы с русскими,
Не придется тогда горевать.

Не пугайте ракетными пусками,
Не грозите нам судным огнем,
Никогда не воюйте вы с русскими,
Не то сами погибнете в нём!

Англо-саксы со взглядами тусклыми,
Не учите, как правильно жить,
Никогда не воюйте вы с русскими,
Вам сподручнее с нами дружить.

И вы, немцы, с порядками прусскими,
Чтобы кто-то за вас не решал,
Никогда не воюйте вы с русскими,
Ваш фельдмаршал вам так завещал.

Было время -штыками французскими
Покорить нас хотел Бонапарт.
Не затеял войну он бы с русскими,
Не хватил б его ранний инфаркт.

Нас ордынцы с глазницами узкими,
Триста лет всё пытались сломить,
Навязать свою веру нерусскую,
И в славянских рабов превратить.

Всех врагов разгромили, побили,
Превратили в могильную пыль.
Идентичность свою сохранили,

И мечту воплотили мы в быль.

Тыщу лет существует Россия,
И еще миллион простоит,
А враги ее сгинут в бессилье,
Человечество их не простит!

ОТЕЦ УШЕЛ НА ФРОНТ В СОРОК ВТОРОМ

Отец ушел на фронт в сорок втором,
Исполнилось парнишке восемнадцать,
В бою под Сталинградом роковым
Был ранен он, но продолжал сражаться .

Надвинув глубже каски до бровей,
Бойцы ползли с гранатами на танки,
Разрывы бомб и треск очередей,
Окопы, грязь , осколки и подранки.

Их много полегло на той войне,
Несчетно раз в боях грозила смерть,
Остался жив -знать повезло вдвойне:
Кровавая гуляла круговерть.

В пехоте до Берлина он протопал ,
Сражались друг за друга, брат за брата,
Колена преклонила вся Европа
Пред мужеством советского солдата!

С войны пришел израненный боец,
Как выжил, можно просто удивляться ,
И это был мой будущий отец,
А парню еще было только двадцать .



Сергей Алексеевич Ермаков.

Родился 13 сентября 1990 года в г. Куйбышеве. Стихотворения пишет с 7 лет. Произведения печатались в районной газете «Звезда» г. Хвалынска Саратовской области, военном литературном альманахе «Рать», журналах «Московский вестник» и «Ротонда», литературном сборнике «Верлибр», «Литературный фонд. Драма».

Неоднократный участник и дипломант различных литературных конкурсов и творческих проектов: «Моя малая Родина», «Все впереди», «Литературный фонд», «Цветет ковыль», «Лохматый друг», «Уральский книгоход», «Твои, Россия, сыновья!», «В начале было слово».

Дипломант Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2019 года.

УШЕЛ ПОСЛЕДНИЙ ЭШЕЛОН

ПЕСНЯ О ВКС¹!

Высоко над облаком летя,
Обгоняя птичьи вереницы,
Сторожит, подкрылками² блестя,
Самолет воздушные границы!

Припев:

*И Отчизну славную храня,
Рубежи небес оберегая,
ВКС - надежная броня,
Не заменит никогда другая!*

ЗРК³ – незыблемый редут,
На просторах русской глубины.
В трудный час они не подведут,
Даже если силы неравны!

Припев:

¹ ВКС – Воздушно-космические силы, вид Вооруженных Сил Российской Федерации, сформированный в 2015 году в результате объединения Военно-воздушных сил и Войск воздушно-космической обороны. Включает в себя три рода войск (сил): Военно-воздушные силы, Войска противовоздушной и противоракетной обороны, Космические войска.

² Подкрылок – приспособление на крыле самолета для увеличения его подъемной силы.

³ ЗРК – зенитно-ракетный комплекс.

*И Отчизну славную храня,
Рубежи небес оберегая,
ВКС - надежная броня,
Не заменит никогда другая!*

Безмятежный космос бороздя,
Ранние угрозы выявляют -
Спутники, сигналы вывода,
Матушку - Россию сберегают!

Припев:

И Отчизну славную храня,
Рубежи небес оберегая,
ВКС - надежная броня,
Не заменит никогда другая!

КОДЕКС ЧЕСТИ

Вспомним, товарищи, будни армейские
Службы чеканящей маршем сапог,
Мимо прошедшие беды житейские,
Молодость, полную дальних дорог.

Вспомним военные наши традиции,
Воинской части извилистый путь,
И при параде, во всей амуниции,
Дружно поднимем бокалы за суть:

Долг – это служба родному Отечеству!
Любящей женщине сердце отдать,
Помнить о Боге – душе человечества!
Главное – честь никому не продать!

ЛИКВИДАЦИОННЫЙ АКТ

Листва кружится по плацу,
Следы ботинок покрывая,
Все приближается к концу
И глохнет песня строевая...

Расформирован летный полк.
Пустуют сданные казармы.
Командный голос в них замолк,
Лишь окна светом лучезарны.

Ушел последний эшелон,
И с ним контрактники-солдаты,
Шагают строем на перрон,
Чтоб в путь отправиться куда-то...

Подписан наш последний акт,
Сданы знамена боевые,
Закончил действие контракт
И ждут сплошные выходные...

МАРШ

Мотор ворчит как старый дед,
Тент развеивает встречным ветром,
Колонны слаженный квартет
Спешит навстречу километрам!

Маршрут движенья утвержден,
Привал и отдых точно в сроки,
И груз надежно закреплен –
В России разные дороги...

Конечный пункт встречает нас,
Разгрузки час – настало время.
В обратный путь готов КАМАЗ
Такое у машины бремя!

И вот родное КПП⁴,
К нулю снижается солярка,
Наш марш окончен без ЧП
И финиш – боксы автопарка!

УХОДИМ!

*Участникам военной операции России в Сирии,
выведенным в составе основной части сил
и средств Российской группировки войск
с 12 по 22 декабря 2017 г.*

Конец бесконечной тревоги
Уходим, сегодня домой,
По этой бетонной дороге,
Развернутой длинной чалмой.

Сверкая, зовут самолеты,
Комэск⁵ произнес свою речь,
К полету готовы пилоты,
Им нечего больше стеречь.

Колышется знамя над нами
И ветер стучится в тульё,

⁴ КПП – контрольно-пропускной пункт;

⁵ Комэск – командир эскадрильи;

Сегодня прощаются с вами -
Стоящие в этом строю.

ИАС⁶ поправляет фуражки,
Минуты томленья прошли,
И спину покрыли мурашки
От мыслей о тех, что в дали

Так долго тебя ожидают:
О семьях, родных и друзьях,
О детях, что даже не знают,
Что папа в горячих краях...

Но радость окрасила лица -
РП⁷ начинает отсчет,
Ну что ж, серебристая птица,
Мы в крайний уходим полет!

Завыли все разом турбины,
Танцует бортач⁸ падебаск,
И штурман кричит из кабины:
- Прощай, обрусевший Дамаск!

Над взлеткой⁹ снова тишина
И в небе только стая птиц,
А я смотрю в твои глаза,
Любуюсь хлопаньем ресниц...

Я скоро скроюсь в синеве,
Сжимая радостно штурвал
И буду думать о тебе -
Чьи губы сладко целовал!

За эту милую красу,
За землю, что ее дала,
Я буду биться по утру,
Пока к себе не прибрала!

ТАНКИСТЫ

Под шалью темной ночи неба
Сквозь реки, горы и холмы
Несутся, лязгая свирепо
Танкисты – смелые бойцы!

⁶ ИАС – инженерно-аэродромная служба;

⁷ РП – руководитель полетов;

⁸ Бортач – бортовой механик;

⁹ Взлетка – взлетающая полоса.

С собой несут они угрозу
И сеют смерть, сметая в прах.
Им не страшны снега и грозы,
Их вид вселяет дикий страх!

Свирепый рык, стрельба орудья
Сквозь расстояния слышны.
Кулак железный правосудья -
Стальная конница войны!

Стоит одинокая в поле берзка,
Обугленный ствол среди жухлой травы,
Кровавого боя печать отголоска -
Лишенные свежести листья черствы.

А рядом, поодаль, лесок у пригорка,
Младые побеги в зачатках листвы.
Еще не вкусившие жизни восторга,
На смену пришедшие тем, кто мертвы...

ПОЛЕВАЯ КУХНЯ

Ах ты, кухня моя полевая,
Мой очажный товарищ и друг,
Прицепная иль переносная –
Все теплом озаряешь вокруг.

Твоя пища солдат согревает,
В злую вьюгу застыть не дает,
Чай горячий - надежду вселяет,
Каша-милая – сил придает.

И форсунки гудя, напевают,
Про любимые наши края,
Тихо слушая их, подпевают,
Хоть у каждого песня своя.

И не меньше, чем танки в победу
Сил вложила в эпоху войны.
Уцелела. И снова к обеду,
Приглашают, сверкая котлы!



Владимир Михайлович Забудко.

Родился 13 октября 1958 года в хуторе Желобок Богучарского района Воронежской области. Окончил Ворошиловградское высшее военное авиационное училище штурманов имени Пролетариата Донбасса в 1980 году, город Ворошиловград (ныне Луганск), Гуманитарную академию Вооруженных Сил РФ в 1992 году. Проходил службу на различных должностях. За годы службы освоил шесть типов летательных аппаратов, самолеты Ан-12, Ту-124, вертолеты Ми-6, Ми-24, Ка-27, Ка-29, участник МАКС -1992 и 1993 годов в составе экипажа пилотажной группы «Беркуты». Подполковник в отставке, военный штурман первого класса. Имеет государственные награды, в том числе медаль «За боевые заслуги». Помощник депутата Воронежской областной Думы. Член «Союза военных писателей» Воронежской областной общественной организации. Автор книг «Торжокская быль», «Небо Отважных», «Русский Халк Сергей Ткачев», «Сердце, отданное детям». Лауреат литературного конкурса

«Кольцовский край» 2018 года за книгу «Небо отважных».

Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2021 года.

ТАК ЗАРОЖДАЛАСЬ МЕЧТА

Очерк

«Служу России!» - мысленно повторил слова военный летчик Роман Филипов. Транспортный «Ил» набирал высоту, направляясь на Дальний Восток. Роман в иллюминатор окинул взглядом родной город (в кабине штурмовика он не успевал понаблюдать за знакомыми улицами, а теперь он имел эти пару минут увидеть родной дом и школу, в которой учился), транспортник набирал высоту, Воронеж скрылся в облаках. Роман вздохнул: за время соревнований он так и не смог увидеть отца и мать, полеты требовали от летчиков полной самоотдачи, и не было свободного времени зайти домой. «Такова служба, такова моя судьба», - летчик перевел взгляд на своего ведомого, тот сидел напротив. Взгляд его был абсолютно спокоен, возможно, мысли его были далеко, он вспоминал свой родной Кавказ.

В горах Таджикистана раздался минометный взрыв, на заставе тревожно завывала сирена, горное ущелье наполнялось огненным шквалом, очередной караван с наркотиками и оружием рвался на территорию суверенного Таджикистана, объятая гражданской войной. Российские пограничники запросили помощь с воздуха. Зveno фронтовых бомбардировщиков СУ-24 появилось в небе над горными вершинами. Штурман ведущего группы майор Николай Филипов совместил перекрестье прицела с целью. Наши самолеты выходили на боевой курс, готовясь к атаке. Через мгновение с бомбодержателей отделились фугасные авиабомбы, ущелье задрожало от мощных разрывов, а фронтовые бомбардировщики заходили на повторный заход... Ракеты, сошедшие с пилонов, достигли цели. Наши пограничники, ободренные такой развязкой боя, открыли минометный огонь, еще один караван со смертельным грузом не дошел до цели...

Николай Филипов возвращался домой после очередной командировки. Жена открыла дверь. «Как отлетал?» - опережая сестру и мать, задал вопрос сын. - «Нормально», - ответил отец. Роман с восхищением смотрел на него, профессия военного летчика вызывала уважение не только у него, но и у его школьных друзей. Служба у Филипова старшего была напряженная, страна переживала тяжелые времена, политики ввергли Россию в хаос и братоубийственную войну. А вытаскивать ее пришлось военным. К Роману часто приходили школьные друзья, их захватывающие дискуссии были об армии, о полетах - все это впоследствии сказалось на характерах и судьбах ребят. Чем старше становился сын, тем тверже и увереннее становился его взгляд.

Двухтысячный год не остался для юноши незамеченным, с экранов телевизоров стала исчезать хвалебная риторика наших журналистов в адрес американцев и других западных «друзей». Все чаще взгляд Романа задерживался на информационных программах. Однажды, войдя в комнату, Елена Викторовна застала сына у телевизора, Роман пристально следил за происходящим на экране. Репортер, стараясь перекричать рев турбин, рассказывал о подготовке к воздушному параду наших летчиков. Роман не раз бывал на аэродроме вместе с отцом и, казалось, ничего нового на экране не видел.

Но какая-то, словно живая, невидимая нить существовала в этот миг между молодым человеком и героями телевизионного репортажа. «Я буду летчиком», - твердо произнес Роман. - «Летчиком? - Елена Викторовна смотрела в глаза сына, сердце ее сжалось. - Вот так же, как отец», - продолжала она.

Слова сына, как молния, поразили ее сердце. Сколько пережила эта женщина рядом с мужем, который свою жизнь посвятил небу! Каждый раз, прислушиваясь к гулу самолетов, она замирала, когда этот гул неожиданно прекращался раньше запланированного времени. Она подошла к окну, ей показалось, что гул стих...

Ее взгляд устремился в темную даль аэродрома... но привычный рев взлетающего фронтового бомбардировщика снова нарушил тишину, огненные струи вырывались из сопла, крылатая машина уходила в ночное небо. «Летают,- произнесла Елена Викторовна и снова повернулась к сыну. - Это твой окончательный выбор?»,- пытаюсь скрыть волнение, она смотрела в Ромкины глаза. - «Да, мама, я буду летчиком», - взгляд Романа был спокоен и уверен. «Рома, я переключу», - вдруг прервала разговор матери с сыном младшая сестра, через мгновения самолеты исчезли с экрана. «Пойдем на кухню, скоро отец вернется с полетов», - произнесла Елена Викторовна, сердце ее тревожно стучало.

Вдруг в дверь позвонили, дочка бросилась к двери. «Ты что это раньше времени?» - обратилась она к вошедшему мужу. - «Погода испортилась, все запасы закрыло, пришлось закончить летную смену по раньше», - произнес Николай Серафимович, расстегивая куртку. - «Ну, вот и кстати,- уже весело произнесла Елена Викторовна. - Вся семья в сборе, идем ужинать». Семейный ужин подходил к концу, Елена Викторовна разлила чай. «Ромка решил стать летчиком», - произнесла она, глядя на мужа. Отец посмотрел на сына и задумался, сестра улыбнулась брату и выбежала в соседнюю комнату, она поняла, что ее участие в разговоре не требуется.

«Что ты молчишь? - Елена Викторовна снова обратилась к мужу. - Он может быть хорошим врачом, прекрасная благородная профессия», - продолжала мать, пристально глядя в глаза мужу, пытаюсь найти слова поддержки. Николай Серафимович, допив чай, сохранял молчание, в соседней комнате раздавался восхищенный голос диктора, передававшего информационные новости. Николай Серафимович поднялся и последовал за дочерью. Роман с матерью молча последовали за главой семьи. На экране телевизора разукрашенный в российский триколор истребитель катился по бетонке, диктор в захлеб восторгался перелетом. Репортер направился к вышедшим из кабины летчикам.



*Владимир Владимирович Путин (справа)
и Александр Николаевич Харчевский*

И если первого генерала Александра Харчевского Николай Серафимович узнал сразу, то каково же было его удивление, когда вторым пилотом оказался кандидат в президенты страны Владимир Путин. Николай Серафимович, глядя в телевизор, обратился к сыну: «Рома, ты же знаешь, все это выглядит красиво на экране, с земли, а на самом деле никто тебя не будет встречать с цветами, когда ты будешь вылезать мокрый от пота из кабины самолета. Это ведь очень тяжелый труд, и у летчика нет права на ошибку, так что подумай хорошо». - «Я определился, поеду в Армавир», - произнес Роман. - «Будем считать, на этом семейный совет закончен», - Николай Серафимович взял жену за руку. «Время пришло, когда парню надо выбирать свою дорогу в жизни», - успокаивающим голосом произнес он. Роман выключил телевизор, сел за стол: надо было заканчивать домашнее задание. Впереди еще год учебы, он понимал, что времени на подготовку очень мало, чтобы успешно сдать экзамены в летное училище.



*Роман с родителями Еленой Викторовной
и Николаем Серафимовичем на школьном
выпускном балу. 2001 год*

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Третье февраля 2018 года началось, как обычно. С утра Роман с Владом выполнили полет в зону деэлокации в районе Идлиба. Два полета по выявленным целям прошли успешно: выявленные цели были уничтожены. После обеда надо было совершить патрулирование в зоне Идлиба.

Третий полет прошел так же успешно, Арсений Переломов проверил еще раз самолет - все было в порядке, заправка, полный заряд боекомплекта... Роман выслушал доклад своего друга и на мгновение призадумался. «Знаешь, Арсений, когда я заканчивал школу, у меня состоялся разговор с матерью. Я тогда сказал ей, что буду поступать в летное. В тот вечер раньше обычного пришел отец, ему отменили четвертый полет, и мы тогда попили чаю и обговорили все проблемы... Вернуть бы те мгновения сейчас, но мне никто четвертый полет не отменит», - произнес он, садясь в кабину. Всегда улыбчивый Роман погрустнел, застегнул подвесную систему. Через мгновения два грача пошли на взлет, Майор Переломов не спеша направился в инженерный домик.

Полет подходил к концу, штурмовики направлялись в сторону своего аэродрома, под их крылом мелькала оливковая роща. Вспышку с земли Влад увидел первым. Ракета, оставляя густой след, устремилась к самолету ведущего. «По тебе работают! Уходи! Маневрируй!» - Влад смотрел, как ракета сближалась с самолетом ведущего. «Вижу», - абсолютно спокойным голосом ответил Роман. Он завернул самолет в крутой вираж, но было уже слишком поздно... Все произошло за считанные секунды, и ракета точно вошла в сопло правого двигателя. Раздался сильный взрыв. На табло загорелась лампочка, сигнализирующая о пожаре. «В меня попали. Хорошо попали. Уходи в облака», - голос Романа был спокоен. Он перевел РУД правого двигателя на стоп, левый еще работал. Пилот удерживал самолет в горизонтальном полете в надежде на то, что левый вытянет... Кабина наполнялась дымом, самолет продолжал еще несколько секунд лететь, но через мгновение пошел к земле. Роман взял ручку на себя, но в это время развалилось хвостовое оперение самолета, и он стал неуправляемым. Пилот дернул ручки катапульты, и в тот же миг сработала система катапультирования.. «303-й сбит! Катапультировался! Квадрат 36 16, срочно подымайте ПСС», - прокричал ведомый. Он наблюдал, как парашют несет Романа в оливковую рощу, а к нему уже по дороге устремились три машины. Влад перевел самолет в пикирование, лоя в перекрестье прицела бандитский джип.



Атака ведомого

Через секунды нурсы сходят с пилонов, оставляя на земле клубы взрыва. Самолет заходит на повторный заход, летчик видит вторую машину и переключает тумблер на пушку. Влад не видел приземляющийся парашют, он смотрел только на ненавистную машину и со всей яростью нажал на боевую кнопку.



Это вам за Романа

Пушечные снаряды попали точно в цель, машина опрокинулась и загорелась. Но впереди показалась третья. Влад, стиснув зубы, на бреющем полете летел на машину. У него кончился боекомплект, в это время загорелась лампочка, сигнализирующая об аварийном остатке топлива, он уже ничем не мог помочь Роману.

Арсений Переломов подходил к своей стоянке встречать свой борт. Вдруг завывла сирена готовности ПСС, машина со спецназом пронеслась к дежурному вертолету Ми-8, у которого уже пошли по кругу винты. На соседней стоянке начали раскручиваться лопасти боевых вертолетов Ми-24. Арсений Сергеевич с тревогой взглянул на часы, к его стоянке уже бежали специалисты инженерной службы. Первым был вооруженник, в его глазах была тревога: «Сергеевич, твой самолет сбили». На взлетную полосу выруливал Ми-8 со спецназом. В это время в небе показался штурмовик, он заходил на посадку сходу. «Топливо на пределе», - подумал майор Переломов. Штурмовик катился по полосе, а к нему уже мчались три газика. Влад вылез из кабины, к нему первым подошел офицер спецслужбы, в руках у него был планшет с реальной информацией. Он показал планшет Владу. «Майор Филипов погиб», - глухим голосом произнес спецназовец. Влад взглянул в планшет: боевики стояли у погибшего Романа. Вертолет со спецназом развернулся и порулил на свою стоянку. «Не успели», - подумал Влад и вспомнил сказанные накануне Ромкины слова: «А если не дотяну, ПСС успеет меня спасти?». Ромка приземлился рядом с огромным валуном, отстегнул парашют и быстро достал пистолет. Боевики уже успели взять его в кольцо. Первый игиловец, ринувшийся вперед в желании отличиться и захватить нашего пилота, упал, сраженный пулей Романа. Боевики тут же залегли и открыли шквальный огонь по нашему летчику. Пули засвистели вокруг Романа, три из них достигли цели, тяжело ранив офицера. Майор Филипов, теряя силы, произвел еще несколько выстрелов. Игиловцы снова залегли и открыли стрельбу, затем пошли в очередную атаку к валуну, за которым укрывался летчик. Роман понял: он не успеет отстреляться из пистолета, тогда плен... Все это длилось мгновения. Отбросив пистолет, он взял гранату. Бандиты снова бросились к пилоту. «Это вам за пацанов!» - успел крикнуть Роман. Раздался взрыв, боевики снова упали

на землю. Затем, снова поднявшись, крадучись стали приближаться к уже погибшему пилоту.



Последний бой он принял на земле!

Все это время боевиков снимал оператор и транслировал в прямой эфир через интернет. Боевики стояли над погибшим российским летчиком, еще не зная, что, умирая, он их победил. Все информационные блогеры, шельмующие Россию и ее воинов, не раз пожалели, что передавали все это в прямом эфире. Роман Филипов в тот смертельный миг понял, что уже никогда не увидит и не обнимет свою Олю и родную дочурку, не дожидается его мать и отец. Но он не дрогнул, не было страха перед смертью. Его простые слова «Это вам за пацанов» стали символом русского мужества и воинской славы. Он заставил весь мир склонить перед ним голову. Весь мир, от Японии до Америки, восхитился подвигом российского летчика, выразил уважение и соболезнование его родным и близким. И эта память будет жить в веках.

Через несколько дней с помощью российских и турецких спецслужб тело российского летчика было передано на Родину.



Шестого февраля Указом Президента Российской Федерации Роману Николаевичу Филипову было присвоено звание Героя России посмертно. На аэродром в Чкаловск, откуда отправляли гроб с телом Героя, прибыл министр обороны России Сергей Кужугетович Шойгу с представителями МО РФ.

Для тысяч воронежцев этот февральский ненастный день стал самым печальным, наверное, со времен войны. Несмотря на ненастную погоду, тысячи горожан пришли проститься со своим земляком. Воронеж, город воинской славы, погрузился в скорбь, вместе с ним переживали эту боль миллионы россиян от Приморья до Калининграда.



Прощание воронежцев с Героем

Среди тех, кто пришел проститься с Романом Николаевичем, были представители власти области и города, губернатор Александр Викторович Гусев и председатель Воронежской областной Думы Владимир Иванович Нетесов. Все выражали соболезнование родным и близким погибшего Героя. Был и еще один человек, который приехал проститься с погибшим пилотом. Он стоял рядом с руководителями области в штатском костюме. Это был главком ВКС, Герой России Виктор Николаевич Бондарев, тот, который учил и ставил на крыло таких летчиков, как Роман Филипов и его товарищи. Тот, который летал и рисковал вместе с ними. Он хорошо запомнил Романа еще с того дня, когда тот отличился в 2013 году на авиадастаре в Воронеже. Военный летчик, прошедший не одно горнило войны, не мог и не хотел мириться с гибелью Романа. Каждая потеря таких пилотов, как Роман Филипов, была его личной трагедией и скорбью. Ему всегда хотелось уберечь летчиков, сохранить живыми, но, к сожалению, не всегда это удавалось. Воронеж простился с Героем. Школе, где он учился, присвоили его имя. Роман Николаевич Филипов навсегда останется в памяти нашего народа, ему ставят памятники и называют улицы его именем...

Граждане нашей страны в это непростое время помнят и чтут память отважного офицера, Героя нашего времени.



Евгений Владимирович Захарченко.

Родился в городе Курске в 1960 году. В соловьином, песенном крае прошли его детство и ранняя юность. Окончил военный инженерный вуз в Ленинграде. Ветеран военной службы. Заслуженный строитель Московской области.

Член Союза писателей России. Печатался в российской и местной периодике. Выпустил четыре поэтических сборника: «Рубеж атаки», «Возвращение», «Крымская весна», «ВЕРА, СЛОВО И ПОЭТ». Победитель, лауреат и дипломант литературных конкурсов, в том числе всероссийских. Удостоен дипломов: «За литературное мастерство» от «Литературной газеты» и Академии поэзии; «За вклад в литературу России», «За верность Отечественной литературе» и др. В 2019 году его стихи включены в «Антологию русской поэзии».

Награждён многими общественными и литературными медалями. Дипломант

Всероссийского литературного конкурса «Твой, Россия, сыновья!» 2021 года.

ОБЪЯТЯ РАСКРЫЛ ОКЕАН

ПЕХОТА

Пехота, русская пехота!..
Бредем ухабами войны...
Мозоли, раны, кровь и рвота –
Что за «награды» нам даны!..

Не удивляемся распутью
Родных проселочных дорог,
И мы дойдем до жуткой сути,
Когда настанет смертный срок.

Но с нами Бог, и с нами Сталин,
И смерть, летящая в глаза,
И скорбь дымящихся развалин,
И шляхом сбита кирза.

И мы, отбросив тонны смысла,
Шагаем снова в эту хлябь,
Нас ждут бои и Буг, и Висла,
И Шпрее пепельная рябь.

Все будет: взрывы и потери,
Земля, объятая огнем.
И бой, в который мы, зверя,
Хлебнув «наркомовских», пойдём.

...Пехота, русская пехота!..
Преодолев и кровь, и страх,
Мы сделаем свою работу,
Не думая об орденах.

ПОМИНОВЕНИЕ

«Час мужества пробил на наших часах...»

А. Ахматова.

Вновь Россия скорбит у стола,
Поминает сынов своих славных.
На крестах выступает смола
У погостов великой державы...

И уходят в небесный предел
Те, кто встали навстречу беде.

Сколько их полегло с давних пор,
На защите Отчизны и мира –
От афганских отрогов и гор
До песков раскаленной Пальмиры!

И стоит поминальный стакан
Вместе с коркой подсохшего хлеба,
И молитвы вечерний туман
Струйкой ладана тянется в небо.

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

Отчизна жива Херсонесской купелью,
И тянутся тропы античного Крыма
Бессмертным напевом, священной каплейю –
К потомкам великого Третьего Рима.

Корнилов, Нахимов, Тотлебен и Кошка,
И тысячи павших безвестных героев...
Стоят бастионы под страшной бомбежкой,
И дымом окутана Русская Троя.

И снова Россия грохочет набатом:
Герой-Севастополь пожаром охвачен,
Матросы бесстрашные в черных бушлатах
Забрызганы вражеской кровью горячей.

Никто не отнимет немеркнущей славы...
...Но Киев окован нацистской коростой
И пробуют снова на прочность Державу,
Чтоб сдвинуть Россию с морского форпоста.

Но ливнем бушующим, крымской весной
Смывается напрочь убогая нечисть,

И Крым побратался с родною страной,
И Крейсером стал у границы навечно.

И вот уже Мост фантастической птицей
Раскрыл над проливом орлиные крылья!
И Время листает седые страницы,
И смотрит, как сказка становится былью!

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЫВКА

В ситцевом платье, овеянном ветром,
Через пшеничное знойное поле -
Мать пробивается утром рассветным,
Сердце трепещет от радостной боли.

Счастье пришло: необычно, неожиданно,
Лик озарился сияющим взглядом.
Вот он, сыночек, – родимый, желанный,
Вот он, кровинушка, с матерью рядом!

С орденом ярким, со взрослой душой,
Сын – в гимнастерке, пропахшей боями,
Горькою пылью, военной судьбою,
На руки мать подхватил над хлебами.

Встретились взглядом, – и надо прощаться!..
Сельский проселок, мгновенная встреча...
В памяти всплыло цветенье акаций,
Первое слово мальчишеской речи...

Вот уж водитель торопит в дорогу!..
...Матери машет боец из машины.
Вот уже слышится вечное: «Трогай!»
И отдаленное: «Жди из Берлина!..»

СОЛОВЬИ

Пролегли, как морщины, траншеи –
На пергаментном лике войны...
Здесь погибла его батарея, –
И в бессмертье ушли пацаны...

Он стоит возле ржавых останков...
И от боли взрывается грудь,
Вспоминает горящие танки,
Искореженный траками путь.

...Снова в кронах бушуют свирели,
Вновь на зорьке поют соловьи!
И года, словно залп, отгремели,
И травую подернулись рвы...

...Соловьиные вьются беседы,
Как тогда, в Сорок первом году.
Вот бы выпить сто грамм за Победу?..
Только не с кем: друзья не придут.

ЛЕНИНГРАД

Застыли сердца, исковерканы души...
Свинцовые взгляды ребят...
Не слезы, а ненависть жуткая душит:
«Мы сгинем – за нас отомстят!»

Блокадою стынет окованный Город,
Мешая разрывы и дым.
И мать проклиняет фашистов, и голод
Над мертвым ребёнком своим.

Страшнее проклятия не уготовишь,
И слова ужаснее нет...
Но видят Ахматова и Шостакович
Во тьме – наступающий свет.

И слышится, слышится стук метронома,
И Город не сломлен, и жив!
И голос Берггольц разрывает оковы
Фашистской осады и лжи.

Саднит репродуктор осколками боли,
И все же – надежду несет.
И кажутся символом Бронзовой воли
Фигуры у Нарвских ворот!

...Друзья, вы в граните живете и ныне,
И снова подниметесь в бой
Когда иноземное иго нахлынет
На «Город над вольной Невой».

И Вечный огонь, словно знаменем алым,
Трепещет в рассветной тиши.
И память о павших – Бессмертием стала
В глубинах Народной души!

БЕЛОРУССИЯ

*К 75-летию освобождения Белоруссии
от немецко-фашистских захватчиков*

О, Беларусь, шумят твои дубравы,
Твоя Судьба прекрасна и горька.
От скорби вдов и до вершины славы
Проложен путь Отчизны на века.

Победный дух родимого народа,
Хатынский пепел, ледящий кровь...
– Оскал кровавый вражеского гнета
Порвали залпы огненных фронтов!

Священный ветер Беловежской пуши,
Поднял людей на битву за страну,
И аист в синь небесную отпущен,
Но помнит мир разруху и войну.

И рейды партизан, и камни Бреста,
Пронесются – потоком вещей вод!
...И песня пробивается с Полесья,
И край славянский – дышит и живет!

РАССТРЕЛ

Павшим воинам Великой Отечественной войны

Ранним утром – на гибель подняли прикладами,
Свет прожектора резал по усталым глазам.
Где-то отзвуки боя пробивались раскатами,
Лихорадила дрожь по промерзшим телам.

Пулемета зрачок равнодушно тарачился.
Лай собак разрывал предрассветную мглу.
И сверкнула Судьба кинолентой струящейся,
И атака вчерашняя вспомнилась вдруг:

Канонада гремела надрывно и страшно,
Черным градом осколки пронзали солдат.
Трое суток, зверея, дрались в рукопашных,
И летел за штыком русский бешеный мат.

Взрыв настиг и стегнул по груди беспощадно,
Он очнулся на грязной соломе в плену.
И барак пеленал его воздухом смрадным,
И горчила тревога последних минут.

Пулемет захлебнулся в свинцовом угаре.
...И на алый рассвет он взглянул из-под век,
И последние стоны зарю разорвали,
Раскаленная кровь обгаляла снег.

Память ветром шумит в обезумевшей стуже,
И на месте расстрела – подлесок живой...
Этой прошлой войною иссечены души,
И тревожит потомков рассвет роковой.

РУБЕЖ АТАКИ

Спасителям Отечества

Рубеж атаки, жизни рубеж –
Немного дойти осталось...
Несется в поле смерти кортеж,
Ему не грозит усталость.

Команда комбата! Пришла пора!
Рвемся в чужие окопы.
Пьянеем от боя, хрипим «Ура!»,
Шрапнель раздает синкопы.

Душа уходит в пятки подчас,
Но глотки мы рвем друг другу.
Сошлись в рукопашной, рубим сплеча
Под страшную нашу ругань.

Штыки и лопатки – все идет в ход,
Зубы крошатся до корня,
И грохот разрывов толкает вперед
Солдата, пропахшего кровью.

Рубеж атаки, жизни рубеж –
Немногим дойти осталось...
И вот – лишь ветер скупых надежд,
Да спирта во фляге малость.

ОФИЦЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

Офицеры застыли в шеренгах,
В поредевшем победном строю.
И сверкают награды у сердца,
Что достались в жестоком бою.

Испытала их трудная служба,
Провела по дорогам утрат...
Бьется в памяти отзвук теплушек,
Увозящих в сраженья солдат.

И спасала армейская фляга,
В марш-броске по афганским горам.
Поднимала в атаку отвага,
Гнев и ярость, даруя войскам.

За Россию сражались герои,
Вел их долг, офицерская честь.
Не щадил живота русский воин,
Уходя за Отчизну на смерть.

И поет, словно колокол, Память,
Уводя в заревой небосвод.
И разносится Слава ветрами,
Призывая в бессмертный поход!

МОРСКИЕ ГЛУБИНЫ

Объяття раскрыл океан:
Зовут нас морские глубины!
Пусть где-то ревет ураган,
Не дрогнут борта субмарины...

Подлодка огромным китом
Спускается в царство Нептуна...
А мы вспоминаем свой дом
И трогаем грустные струны.

И берег родной вдалеке
Остался в задумчивой сини.
И слышится в каждой строке
Напев о любимой, о сыне.

Но четко рисуется курс
На строгости штурманских лоций,
И братства морского союз
Вновь в наших сердцах отзовется.

Мы помним присяги завет
И верность священному долгу,
И грозные залпы ракет
Не раз еще слово промолвят.

Объяття раскрыл океан:
Зовут нас морские глубины!
Пусть где-то ревет ураган,
Не дрогнет «душа» субмарины.

И СВЕРКНЕТ БЕСКОЗЫРКОЮ СЛАВА!

Грозный голос Российского флота –
Это доблесть, отвага в бою!
И выходят эсминцы из дока
В грозную стихию свою.

Ждут походы, шторма и пассаты,
Вновь команда – «Отдать кормовой!».
От причалов уходят фрегаты,
Чтоб с победой вернуться домой.

Мы на службе Великой Отчизны
Вновь подняли Андреевский флаг.

Ради нашей страны, ради жизни,
Вспомним в битве геройский «Варяг».
И решительным галсом эскадру
Развернём на любого врага.
Мы отвагу поставим на карту,
Чтоб Россию прославить в веках.

Под бушлатом – родная тельняшка –
Символ мужества бравых парней.
Пусть бывает в учении тяжело,
Но не страшен ревуций Борей.

Мы вернемся в родимую гавань,
Подведя испытаньям итог.
...И сверкнет бескозыркою Слава
Ради всех, кто исполнил свой долг!



Литературно-художественное издание

РОССИЯ. АРМИЯ. СУДЬБА

КНИГА ПЕРВАЯ

Поэзия, проза, публицистика

2002–2021 годы

Составитель

Силкин Владимир Александрович

Вёрстка – Игорь Витюк

Корректор – Михаил Силкин

Дизайн обложки – Александр Кабин

Компьютерный набор – Владимир Силкин

Сдано в набор 12.01.2022. Подписано в печать 12.05.2022

Формат 60x90 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.

Условных печ. л. 19,75.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства

«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»

Министерства обороны Российской Федерации

129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1